

Kolm

8
АВГУСТ
1973

Колос
в
АВГУСТ
1973

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Колос“, 1973 г.

От зерна
до хлеба

3

„Ключ
от Донбасса“
наш!

22

ЗАДАНИЕ
УЧЕНЫХ
ВЫПОЛНЕНО

30

Происшествие
в океане

33

ОДИН ИЗ ТРЕХ
ДРУЗЕЙ

54

На обложке
рисунок
А. Азмиши
и А. Харшака

ДОРОГИЕ ЮНАРМЕЙЦЫ!

Закончилась «Зарница» 1973 года. В походах и боях вы проявили мужество и товарищескую взаимовыручку, силу воли и смекалку, дисциплинированность и знание военного дела.

Мы, ветераны Советской Армии, рады тому, что на юную смену можно положиться: те, кто ныне отличился в «Зарнице», в скором времени станут надежными защитниками нашей любимой советской Родины.

От имени старшего поколения приветствую всех участников «Зарницы» 1973 года.

Будьте готовы, юнармейцы, к новым походам!

Командующий военно-спортивной игрой «Зарница»
в г. Ленинграде и Ленинградской области
Герой Советского Союза генерал-лейтенант

(И. А. Бахметев)

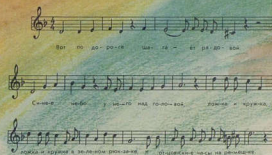
И. А. Бахметев

Всероссийский пионерский лагерь «ОРЛЕНОК».
Здесь состоялся финал «ЗАРНИЦЫ-73».

РЯДОВОЙ „ЗАРНИЦЫ“

Музыка Александра Журбина
Стихи Алексея Лосева

Вот по дороге
шагает рядовой.
Синее небо
у него над головой,
лонка и кружка, лонка и кружка
в зеленом мешочке
и отцовские часы на ремешке.

В ногу с друзьями
рядовой идет.
Через дорогу
пробегают черные кот.
А рядовому, а рядовому
как раз тринадцать лет,
но не боится рядовой примет.

И не боится
вообще он ничего.
Машет зарница
алым флагом за него.
Вспыхнет ракетка, вспыхнет ракетка
в час ватки — «Ч»,
погон зеленый освещая на плече.

— За командиром,
товарищи, ура!
Наша «Зарница» —
военная игра.
Парень сегодня, парень сегодня
в мальчишеском строю,
а завтра встанет он за родину свою.

Ростом мальчишка
покуда маловат,
держит мальчишка
деревянный автомат,
но защищает, он защищает,
«Зарницы» рядовой,
большое небо,
что у всех над головой.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПЕЧАТНИЦА
ЛЕНИНГРАДСКАЯ

**В полях стучат комбайны.
С восхода до заката.
Ночью — при свете фар.
И так же —
с восхода до заката
и в темноте до рассвета —
тянутся по дорогам
потoki машин,
наполненных
золотым зерном.
Это идет уборка урожая.
Это идет хлеб.**

Ты знаешь, кто вырастил зерно.
Колхозники, Хлеборобы.
Это они вспахали поля — тысячи гектаров — и засеяли их.
Они кормили их удобрениями, полили водой.
Они защищали колосья от сорняков и вредителей.
Без хлебороба не поднялись бы к небу тяжелые колосья.
ЗЕРНО — ЭТО ТРУД ХЛЕБОРОБА.

В прошлом году, в начале уборки урожая, алтайский земледельцам было ясно: хлеб они вырастили очень хороший, надо его убрать быстро и аккуратно.

Уборка началась под лозунгом:

«НАШ АЛТАЙСКИЙ КОМБАЙН — ПОДАРОК РОДИНЕ К ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМУ ЮБИЛЕЮ».

Вот о чем писала тогда газета «Алтайская правда».

Хлеборобы высокие, а из-за погоды жатва отодвинулась на 10—12 дней, много хлеба полегло. Сибиряки в Сибири, как правило, экономят, с сильными ветрами, а там и до снега недалеко. Поэтому надо убрать хлеб в самые короткие сроки. Остановка на полях напоминает мне урожай 1964 года. То тогда я 42 дня провела на комбайне, а сейчас новая замечательная машина позволяет в два-три раза быстрее справиться с жатвой и обмолотом.

Анна Ситкова, комбайнер совхоза «Новая жизнь», Герой Социалистического Труда

Бригада А. Никитова из совхоза «Советская Сибирь» убирает «Мирнолюбов-808». Герцем дня стал четвертицатилетний Валера Тарабарин. Отец его, Егор Александрович, ушел в революционную мастерскую. Пока отец чинил лопаты, а комбайнер делал. Валера намотал два бункера зерна.

Уже четыре года работают в бригаде вместе отец и сын. Рядом с ними — Иван Евдокимович Мухоморов и сын Юра. Иван Сергеевич и Сергей Демин. Все четверо — парубки из совхоза. Фарши из них Тарабарин. На их комбайне появились, первый в совхозе красный звездолок.

(Из сообщений корреспондентов газеты)

Примечание ЮСТИ ТЕРКИНА: красную звезду рисуют на машине комбайнера, который уже намотал 1000 центнеров зерна.

Среди передовиков — заслуженный механизатор РСФСР комбайнер совхоза «Путиловский» И. А. Максикенко. Он намотал более 20 тысяч центнеров зерна. Это наивысший показатель на Алтае за нынешнюю уборку.

(Из сообщений корреспондентов газеты)

Примечание ЮСТИ ТЕРКИНА: Иван Андреевич Максикенко до последнего дня уборки считал лучшим комбайнером Алтая. Только к последнему дню на его машине было не двадцать, а двадцать четыре красные звезды.

9 октября хлеборобы Алтайского края Родники собрали 5 миллионов 90 тысяч тонн зерна. Такого большого урожая здесь никогда еще не было.

Разговор на весеннем поле

...С агрономом Василием Федоровичем Тищенко мы шагаем вдоль поля озимой пшеницы. Влажная земля липнет к сапогам, и минут через десять кажется, будто идем мы в свинцовых водолазных бахилах. Хлохлатый жаворонок провожает нас от комки к комке, тревожно надвываясь: «Ири-ри! Ири-ри!» Потом жаворонок сменяет окраску: «Цик! Цик-цик!» Дальше вступаю во владения конька: «Эри-пти! Эри-пти!» А вот, словно палкой по забору, — рассыпсы сорняки. А это чей голос — вроде бы тоже жаворонок, но последние колосья совсем неизвестны. И Василий Федорович не знает.

У нас после того развеса переименовали. И комки конька объявились, и травы дикие появились.

— После какого развеса? — Да после черной бури-то. Четыре года прошло, а Кубань все никак отдышаться не может... Хлебушко, брат ты мой, только на столе румян да вкусен. А в поле он — солёный. От пота нашего солёный.

Я ни разу не видел черную бурю. Я родился в Ярославле. Своего, где случаются белые бури — снежные. И даже не могу представить, как это буря может быть черной!

Черные бури случаются над Кубанью один раз за семьдесят лет. Последний опустошительный ураган пронёсся над полями в 1969 году.

— Нахалось, помню, это сразу после Нового года, — рассказывает Василий Федорович. — Как обычно, с неожиданного ветра...

Черные бури всегда приходят коварно — при ясной погоде, при добром солнце. И уже через час, через два часа все тонет в сумеречном пыльном облаке. Тонны пересохшей земли несется на сады, на города. И бесполезно прятаться за дверью дома, промазывать оконные щели тестом, заклеивать газетными полосками — пыль вездесуща, она проникает в комнаты, она хрустит на зубах, и вода становится кориневой, будто взята из болотного болочка.

В домах Усть-Лабинская потух свет — ветер повалил столбы, оборвал провода. Замерзли на дорогах машины — фары пробились чуть лишь метром, на пять, а колеса целиком ухватались в песок.

На хуторе Октябрьском дом засыпало песком по самые трубы. Люди и пожитки спали на гусеничных тракторах. Ревел от страха и жадности скот. К коровам приближались штурмом — через заборы барханы, через поваленные столбы и деревья. Безащитная над копытами лошадей, где жались семейный флот яровой пшеницы. Крышу вот-вот могло сорвать ветром, а тогда разнесет, погубит семена. Лю-

ди набросили стальные тросы на стропила, натянули до звона тракторами — так и держали, пока не утихомирилась стихия.

А буря бушевала с короткими перемилиями более недели. И все эти дни кубанцы жили бесшумною вахту — без сна, без отдыха. Реки, в которых раньше купали коней, исцезли. Их засыпало землей, будто и не было. Но главное, погибли поля с озимыми. Посевы унесло вместе с самым плодородным слоем — черно-земом.

— Вот представь себе, — говорит Василий Федорович, — представь себе, что не было бы у нас советской власти. Представь: урожай погиб, да и многие разрушены. В садах — одни ветки на земле. Раньше посев такой бури вымывали от голода целые станции. А нам государство пришлось на помощь — привезли из других областей хлеб, зерно, напали танками — бить заорал! Ну и мы, конечно, не сидели руки в боки...

Специалисты сказали, что после такого нашествия стихии кубанская земля лет на двадцать, а может и пятьдесят потеряла способность родить хлеб. Но колхозники не пали духом — вызвели на поля тысячи тонн минеральных удобрений, навоза. Обсадили от сохлого участка гашими ветростойкими лесными породами. В таких лесах и черные бури влозному терпят свою силу.

Но тут пошел в рост невиданный доселе сорняк — на-

верное, принесло их из диких степей ветровой волной. Сорная трава шла так густо, что комбайны захлебывались в ней, застревали, как в колочей проволоке.

— Один сидит за штурвалом комбайна, — а двое-трое идут впереди и вручную расчищают дорогу, выдирают траву. В первый год, как впрочем, и во второй, и не видно было из-за сорняков. Будто у нас поле не хлебом, а сурепкой засеяно...

Первый урожай был скромнее — 20 центнеров с гектара. Раз в три меньше обычного. Кубанцы было приручили.

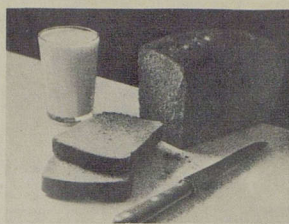
Следующий год «оборвал всех» — 30 центнеров! В то время гостил на Кубани господин Горст, очень известный американский фермер. Он не поверил:

— Наверное, ваш центнер легче нашего центнера?

Но настоящий успех ждал колхозников в 1971 году, — на который поля уже урожай. Был более семидесяти центнеров с гектара! Такого вообще никогда не знали на Кубани. И это-то после черной бури! Многие колхозники получили в тот год правительственные награды. Василию Федоровичу Тищенко присвоили звание заслуженного агронома Российской Федерации. В его бригаде собирали самый большой урожай в стране.

Мы вышли к полю — совсем дальнему, в устьях-болотном колхозе Кубань-Гавто и не было. Будто комбайны на линии горизонта, пылали дымы

Оформление А. Аземши и А. Харшака

Агроном В. Тищенко, кавалер ордена Ленина, говорит: «Всегда помните, какой ценой достается хлеб, берегите каждую его корку».

ком трактор. Ветер нес пряную горечь тополей, влажную прелесть густой земли.

— Неужели от черной бури никаких последствий уже нет? — спросил я Тищенко.

Усмехнулся агроном. Ответил не сразу:

— Последствия-то есть. Вот седые волосы — последствия. Да шут с ними, с волосами. Ты приезжай-ка к нам летом.

На уборку. Вот что всегда молодит — так это хороший хлеб!

Колхоз «Кубань»
Краснодарского края.
Март 1973.

А. Пирожков

Из
записной
книжки
КОСТИ
ТЕРКИНА

Самое ценное в пшенице — белок. Пшеницы делятся на сильные и слабые. В сильных много белка. Международный стандарт белка в зерне — 12 процентов. В лучших сортах советской пшеницы содержится до 20 процентов белка.

В ржаном хлебе все необходимые человеку витамины.

«Стопудовый урожай» — о нем поют в песнях. Пуд — 16 килограммов. Стопудовый урожай — 16 центнеров с гектара. Такие урожаи уже давно считаются обычными. В прошлом году самый высокий урожай пшеницы вырастили в колхозе имени Дзержинского Херсонской области. Там собрали с гектара по 95,3 центнера.

ТУР — это препарат, который изготавливают в Кемерове. Если обработать ТУРом молодые посевы, то они вырастут на 20—30 сантиметров ниже, чем могли бы. Что это дает? Пшеница не полегает. А в итоге — четыре-пять лишних центнеров зерна с гектара.

Круглый хлебец, которому 3400 лет, хранится в Нью-Йорке, в Музее искусств. А в музее швейцарского города Цюриха, под стеклянным колпаком лежит хлебец, которому 6000 лет. Он — самый старый, какой нашли, он — из каменного века.

Из зерна делают:

хлебные продукты (хлеб, батоны, баранки, калачи — в нашей стране 600 видов изделий), торты, пирожные, макароны, вермишель, лапшу, рожки, манную крупу, крахмал, спирт, квас.

Ничто зря не пропадает! Отруби (это оболочки зерен) идут на корм скоту. Из соломы делают корм и подстилки для скота, а также бумагу, картон, циновки и сувениры — корзинки, шляпы, украшения.

КТО КАКОЙ ХЛЕБ ЕСТ

Сангяк — национальный армянский хлеб. Толщина — не больше сантиметра, а длина метра два. Испеченный сангяк развешивают на жердях, как полотенце. Когда несут из магазина в дом, складывают в несколько раз.

Лаваш — это грузинский хлеб. Он такого же вкуса, как сангяк. Только другой длины — с полметра и меньше.

Сангяк, лаваш, а также шоты, валипури, мадаури, кухтиани, трихтинули — это только разные по форме хлеба одного и того же сорта, которые едят в республиках Закавказья и в тюркских странах. У этих хлебов есть и общее название — чурки.

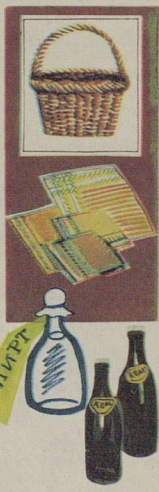
В Чехословакии очень любят роглики. Они совсем как наши рогульки, но соленые.

В Польше едят хлеб закопанский — с тмином.

В ГДР и ФРГ — пумперникель (с тмином или анисом и со ржаным соломом).

Во Франции — домашний хлеб, французский хлеб — удлиненной формы.

В Италии — хлебные палочки.

Только за последние пять лет у нас в стране создано более 400 видов новых сельскохозяйственных машин, мукомольных агрегатов и машин для хлебозаводов. Машины помогают хлеборобам пахать поля, засеивать их, убирать урожай. Они мелют зерно. Они пекут караваи. **ЗЕРНО — ЭТО ТЕХНИКА.**

О лучших советских зерновых машинах рассказывает читателям главный консультант павильона «Механизация и электрификация сельского хозяйства» Выставки достижений народного хозяйства СССР Степан Петрович Федичев.

Лучшие помощники хлеборобов на уборке урожая — зерновые комбайны. А среди них «Колос», «Нива» и «Сибиряк» — лучшие в мире. Конструкторы этих машин решили две задачи. Повысили скорость комбайнов. И улучшили условия работы механизаторов.

В кабинах «Колоса», «Нивы», «Сибиряка» тихо. В жаркий день прохладно, потому что есть отражатели солнечных лучей. Можно и вентиляцию включить. В холодный день — включать обогреватель. Высоту руля и сидения регулируют по росту водителя.

Комбайны убирают урожай, а ведь поля надо еще распахивать, засеивать, удобрять. Тут не обойтись без трактора.

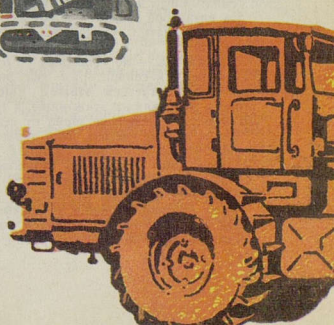
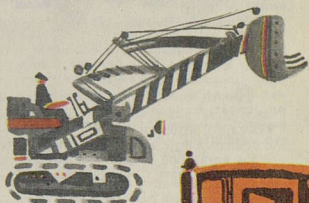
Если поля равнинные и просторные — на них могут работать ленинградские «Кировцы». На снимке вы видите последнюю модель — трактор-гигант «Кировец-701». От всех предыдущих он отличается большей скоростью и мощностью — пашет, например, одиннадцать километров в час.

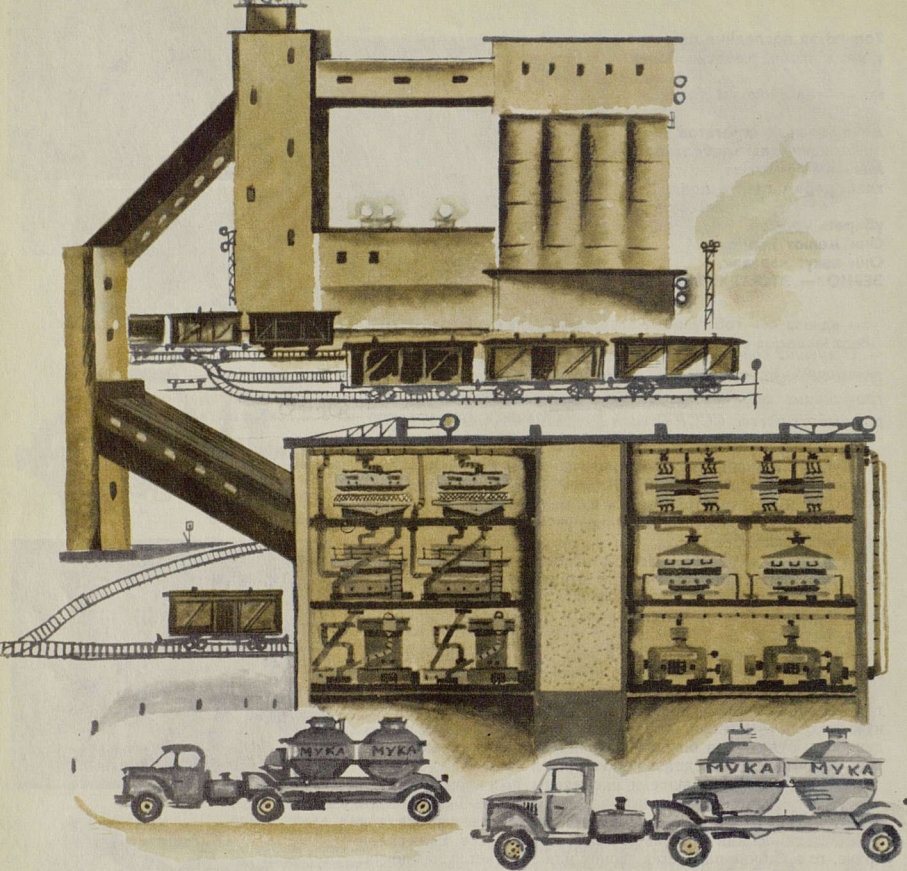
А если поля небольшие и раскиданы по склонам гор — их сможет обрабатывать маленькая «Беларусь-Т-50К». Этот трактор называется крутосклонным: он взбирается вверх и спускается вниз при наклоне до двадцати градусов. Если склон круче, то в кабине раздается звонок или загорается лампочка: осторожно, тракторист, машина может перевернуться! Колеса у «Беларуси-Т-50К» устроены так, что кабина все время находится в вертикальном положении. Это очень удобно для тракториста — его не бросает вверх и вниз, он ездит словно по равнине.

Наша страна больше всех в мире выпускает машин для сельского хозяйства. Второе больше, чем в Соединенных Штатах Америки, делают у нас зерновых комбайнов, вдвое больше тракторов.

Не только в нашей стране — на полях 62 стран Европы, Африки, Америки — работают сельхозмашины с маркой «Сделано в СССР».

Мощные комбайны уберут зерно с полей. Куда ему теперь путь? Переверни-ка страницу!

Перед тобой — мельница. Видишь: справа сверху цилиндры, возле которых стоят вагоны. Это элеватор. На самом деле, цилиндры железобетонные, огромные — с семиэтажный дом, а в вагонах к ним привозят зерно.

На элеваторе зерно очищают от камешков и песка, которые захватил комбайн вместе с колосьями во время жатвы.

С элеватора — по конвейеру — в соседнее здание, на самый верх, к сепараторам (на рисунке они в левой половине, на третьем этаже). Еще раз здесь очистят зерно и отправят на этаж ниже, к триерам — эти машины отделят пшеничные зерна от семян сорняков.

Чтобы совсем чистым было зерно, его вымоют — на первом этаже, в моечных машинах.

Теперь оно отдохнет в отдежных ямах (середина здания) часов шестнадцать. Разбухнут оболочки зернышек, и легче станет молот.

Муку сделают из зерна вальцевые станки. Они на рисунке в первом этаже, в правой половине здания.

Готовая мука по особым трубам — шнекам — попа-

дет на верхний этаж. Пройдет через ситовечные машины. (Это на рисунке они неподвижные, а на мельнице потряхивают своими ситами с бешеной скоростью). Отруби — отходы отправятся в одну сторону, а чистая мука — в другую, к электромагниту.

Станки и машины на мельнице сделаны из металла, и мельчайшие его пылинки, не видимые глазу, могли попасть в муку. Электромагнит все эти пылинки из муки «вытащит».

Денек-другой теперь мука полежит на складе — дозреет, как говорят мукомолы. А после машины увезут ее на хлебозаводы.

Этот рисунок художник сделал на ленинградском мельничном комбинате имени Ленина. Здесь работает триста человек, а из муки, смолотой на комбинате, пекут хлеб для всего Ленинграда — для четырех миллионов человек — и для жителей Псковской, Новгородской, Вологодской, Мурманской областей. Главную, самую трудную работу на современных мельницах делают машины. Люди лишь наблюдают за ними.

Но каким бы ни был хлебороб опытным и старательным, какими бы сильными и умелыми машинами он ни управлял, — не вырастить ему хорошего урожая без отборного зерна. 3000 новых сортов пшеницы дали хлеборобам советские ученые. ЗЕРНО — ЭТО НАУКА.

Зерна в колосьях

Рассказывает кандидат сельскохозяйственных наук Мария Ивановна Руденко, заместитель заведующего отделом пшениц Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства имени Н. И. Вавилова.

Откуда появился „ТЕРЕМОК“

Сколько лет люди едят хлеб? В одних книгах пишут — 2000. В других — 9000. Одно можно сказать определенно — очень давно.

Сейчас две трети жителей нашей планеты не могут обходиться без хлеба. (Для остальных главный продукт — рис. Хлебы, лепешки они пекут из рисовой муки).

Давно уже люди заметили, что в различных условиях зерно одного и того же сорта дает неодинаковые урожаи. А все хотят получить урожай обильный, вкусное зерно, чтобы печь из него караваи мягкие и высокие.

Земледельцы стали запоминать, какими свойствами обладает данный сорт пшеницы. Стали скрещивать его с другими сортами, чтобы в одном зернышке соединить лучшие качества двух разных зерен. Так появились «арнаутка», «теремок», «белотурка», «крымка»...

Сейчас лучшие сорта выводят не сами земледельцы, а ученые — селекционеры.

ЛАТИНСКОЕ СЛОВО „СЕЛЕКЦИЯ“

Из последних шестидесяти лет в Поволжье, например, тридцать были засушливыми.

В холодные зимы на миллионах гектаров гибнут хлебные посевы.

Сильные ветры и ливни пригибают к земле колосья — не убрать потом комбайнам этот полегший хлеб.

Поэтому земледельцы поставили перед селекционерами три главные задачи:

— Выводите такие сорта, чтобы не болели засухи.

— Не страшились морозов!

— Не гнибали в непогоду!

И селекционеры берут семена с полезными качествами, вырастают колосья, скрещивают, получают новые семена. Отбирают из них самые крупные. Латинское слово «селекция» и означает отбор.

ЧЕТЫРЕ ОЧЕНЬ ПОХОЖИХ КОЛОСА

Легат передо мною четыре колоса. Внешне они очень похожи, и если бы я показала их вам, то вы бы едва ли отличили один от другого. Все колосья ровные, тугие, все безостые — зерна не имеют остей, усиков.

Но специалисты сразу узнают в колосьях четыре совершенно непохожих сорта пшеницы.

Про первый колос они скажут: «Это — «Аврора».

Про второй: «А это — «Кавказ».

Что это за «Аврора»? Какой такой «Кавказ»?

Там, где плодородные почвы и не очень холодные зимы, дают высокие урожаи сорта, которые создал вместе с группой селекционеров дважды Герой Социалистического Труда академик Павел Пантелеймонович Лукьяненко.

В нынешней пятилетке испытаны его новые сорта «Аврора» и «Кавказ». Результаты превосходные!

«Аврора» и «Кавказ» не боятся тяжелых болезней мучнистой росы и ржавчины, не сгибаются под ливнями и ветрами — у них прочная соломина, приносят высокие урожаи. А если растения поливать и удобрять — урожаи становятся еще выше. «Кавказ», например, при испытаниях на орошаемых землях принес такой высокий урожай, какого до сих пор не давал ни один сорт.

Третий колос — озимая пшеница «Мироновская-808». Она самая распространенная в нашей стране. Ее высевают в семидесяти четырех земледельческих районах. Хорошо знают «Мироновскую-808» и в Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии. Очень урожайная пшеница. Нисколько не боится зимних холодов.

Четвертый колос — пшеница «Ленинградка». Она яровая. Нетрудно понять, где она родилась, а вот кто

ее родители, вы ни за что не догадаетесь. Кавадер ордена Октябрьской революции кандидат сельскохозяйственных наук Алексей Васильевич Наволоцкий вывел ее, скрестив ленинградские сорта с сирийскими пшеницами — хоранками, потому что хоранки — селекционеры знали об этом — устойчивы к полеганию.

«Ленинградка», правда, может заболеть ржавчиной или мучнистой росой, но она не согнется ни под дождем, ни под ветром — хоранки передали ей свою силу.

КАК СОСТАВИЛАСЬ ПЕСНЯ

Вы, наверное, слышали песню: «Стеной стоит высокая пшеница...». Устарела она теперь! Представьте: высокая пшеница в дождливых краях. Полились потоки с неба — сломались соломины, колосья легли на землю. Не убрать теперь урожая...

А в засушливых краях, где поля орошают водой из специальных установок, высокая пшеница не устоит от орошения.

Пришлось селекционерам вывести низкорослые сорта, устойчивые к полеганию.

НИ С ЧЕМ НЕ СРАВНИТЬ РАДОСТЬ

Турецким, афганским и иранским сортам пшеницы не страшна засуха.

Мексиканские и аргентинские яровые культуры и озимые шведские и германские — не полегает.

По качеству зерна и по стойкости к морозам не имеют себе равных наши, отечественные сорта.

Если бы все эти сорта были собраны вместе, то селекционеры могли бы брать их, скрещивать и создавать другие.

Для этого-то академик Вавилов много лет назад и создал в нашем институте коллекцию пшениц пяти континентов. Он сам объездил все страны, собирая зерно. А теперь по следам Вавилова за новыми сортами ездит профессор В. Дорофеев, руководитель нашего отдела.

Каждый год 20.000 пакетов с семенами наш отдел отправляет на советские селекционные станции. Обмениваемся наиболее ценными для селекции сортами и с зарубежными учеными.

Чтобы вывести новый сорт, в среднем нужно пять-десять лет. А иногда и сорок лет — жизнь человека. Нетерпеливому такая работа придется не по душе: уж очень она однообразна. Но с чем сравнить радость, когда зерно нового сорта обернется золотыми нивами, а потом вкусными душистыми ломтями!

Советские селекционеры создали ветвистую пшеницу. На одной соломинке — тридцать или больше колосков. Вот только соломинки пока очень хрупкие. Когда ученые выведут пшеницу с твердым стеблем и новым сортом засеют поля, то урожай обязательно получится хороший. Ведь даже одно лишнее зернышко в колосе — это на гектаре лишний центнер пшеницы.

Дрожжи появились в Египте, как предполагают, в середине II тысячелетия до нашей эры. Хлеб на дрожжах считался роскошью.

ОТКУДА ПОШЛИ НАЗВАНИЯ

Мука — в русском языке было слово «мучить», что значило: мельчить, толочь, дробить, мягчить.

Пряник — от слова «пряный». В тесто для пряников раньше клали душистый перец и другие пряности. По-немецки до сих пор пряник — «пфеfferkuchen» — пирожок с перцем.

Оладьи — их очень любили древние греки. Оладьи — это масляные лепешки, а по-гречески «масло» — «елайон». Отсюда и оладьи.

Каравай из пробирки

На табличке было написано:

МУЧНОЙ ОТДЕЛ

Дверь была закрыта. Лишь на третий день я застала на месте сотрудников отдела. Один из них мне объяснил:

— У нас такая работа, что мы в лаборатории почти не сидим. Мы встречаем на товарных станциях составы с мукой. Из каждого состава берем понемногу муки на пробу. Анализ проб делаем уже здесь, в лаборатории. Что важно узнать? Сколько муки содержит влаги. Сколько кислоты. Белка. Клейковины. От этого зависит, какой выпекать хлеб.

Мы получим результаты проб и тогда сможем сказать пекарям: из этого сорта делайте «Бородинский», из другого — столовый, из третьего — школьную булочку. Дорогу в

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

я нашла по аромату свежеспеченного каравай.

Несколько маленьких печурок, в которых умещаются крошечные формы. В них подрумянивается хлеб из разных сортов муки. На длинных столах выстроились рядами свежие хлебцы. Один низенький, другой повыше, третий — совсем красавец: так и хочется отрезать горбушку. В книге рецептов записано, сколько на каждый хлебец пошло муки, воды, сахара, соли. Рецепты самого лучшего хлеба разошлись на хлебозаводы.

Для черного хлеба, чтобы он был вкусный и пышный, нужна еще и закваска. Ведь недаром родилась русская пословица: «Квасни не замесишь — и хлеба не поешь».

Столетиями в деревнях сохранялся обычай: кусочек круто замешанного теста заворачивать во влажную тряпочку и в прохладном месте хранить до выпечки. Наши бабушки, правда, понятия не имели, что в закваске живут молочнокислые бактерии, которые и делают хлеб пышным. Об этом узнали ученые-микробиологи. Но не будут же на каждом современном заводе сохранять закваску в тряпочке? Как же быть? Где

взять бактерии? Оказывается, это совсем не сложно. В лаборатории есть

БИОХИМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ,

а в нем — один микробиолог, Н. К. Мартышина. Все заводы Ленинграда замешивают тесто для черного хлеба, используя молочнокислые бактерии, которые готовит Мартышина.

Чтобы бактерии не умирали, их постоянно нужно подкармливать, следить за температурой. В отделе — целая коллекция пробирок. В них живут культуры, которые ученые вывели еще в 1937 году. С тех пор жизнь их постоянно поддерживается. Только маленькую часть их лаборант пересаживает в колбу на нужную среду, где бактерии быстро размножаются. Одной такой колбы крупному заводу хватает на полгода.

На хлебозаводах Ленинграда можно услышать: «Вызывайте центральную». Это значит, что-то не ладится, и хлеб идет плохого качества: и не было еще случая, чтобы

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТРОЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ХЛЕБОПЕКАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

не выручила пекарей.

Но лаборатория помогает не только им. Пришел как-то за советом повар одного научно-исследовательского судна: команда жалуется на плохой хлеб. Оказывается, повар пек черныи хлеб на дрожжах, а не на закваске. И получался он у него сырой, тяжелый и «малообъемный». Научили повара — благодарности потом прислал.

Г. Сапунова

Примечание КОСТИ ТЕРкина: Без такой лаборатории не обойтись ни одному хлебозаводу. Поэтому такие же лаборатории с такими же надписями на табличках я видел во многих городах.

**Посмотри на герб нашей Родины:
Молот и серп — символ дружбы рабочих и крестьян.
А обрамляют их колосья.
ЗЕРНО — ЭТО СИМВОЛ БЛАГОПОЛУЧИЯ РОДИНЫ.**

Шуркина стратегия

Игорь Нерцев

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

Шурка задремал... И вдруг открыл глаза — наступила полная тишина.

Он сел в постели, спустил ноги на пол. Тихо открыл окно, но тут — дернуло его обернуться! Приподнявшись на локте, широко открытыми глазами смотрел на него Сережа.

Шурка рассердился, перемахнул через свою постель, присел возле Сережи на корточки.

— Ну, что ты? Все спят, и ты спи!

— Шурик, — зашептал Сережа. — Не думай, я никому не скажу. Ты часто так?

Шурка был польщен, ему не хотелось признаваться, что он и не собирался лезть в окно. Он неопределенно мотнул головой, пожал плечами.

— Шурик, ты не сердись! — захлебываясь, шептал Сережа. — Я долго не засыпаю, мне все разные фантазии в голову приходят. Ты знаешь, у меня в городе какая жизнь? Вот мы сидим в гараже — две недели, месяц, два месяца! Краска, бензин, дым. Отец меня гонит, а я — назад. Наконец — ура! — готово. Залезаем в машину — за сто, за двести километров несемся куда глаза глядят! Я прилипну к стек-

лу. Все мимо летит. Вот лес — и нет леса, вот в горку, вот под горку; вот мостик, ребята рыбу ловят. Они мне завидуют, а я — им. Хочется остановиться, посмотреть, побегать — куда там! Для отца остановка — пропавшее время. Так у меня полжизни в машине прошло, — со вздохом заключил Сережа.

— Надо же! — озадаченно сказал Шурка.

— Шур, ну не сейчас, так через день, через три дня — возьми меня с собой. Я никому не скажу...

— Ладно, возьму, — шепотом пообещал Шурка, — только не сегодня. Ты сейчас спи, а то всех разбудим.

Сережа закивал головой и, в знак величайшей послушности, зажмурил глаза.

Шурка взобрался на подоконник, осторожно спустился на землю. Огляделся по сторонам.

От окна пошел прямо к ограде. Камушки похрустывали под ногами. Потом зашуршала трава.

Шурка прошел немного вдоль ограды, взобрался на большой камень. Он сейчас был совсем один на краю уснувшего лагеря.

Слабое прохладное свечение объединяло не-

Продолжение. См. «Костер» № 7, 1973 год.

бо и море. Сверкающий далекий пароход медленно исчезал за невидимой линией горизонта.

Ночь была переполнена звуками. Шипела отползающая по берегу волна. Шептались бессонные листья. Над травой, совсем рядом, тяжелые жуки с низким рокотом заходили на посадку. В траве неумолчно звенело маленькое кузнечное производство.

Шурка пожелился, оглянулся. Высокое звездное небо над черным контуром перевала. За перевалом невидимый автомобиль упорно прогрызал себе дорогу.

На следующий день Шурка выспрашивал у Лайне Антсовны, а Сережа стоял рядом и слушал.

— ...Вот помните, когда начальник заставы выступал, я его про зеленый домик спрашивал? У нас туда не будет экскурсии?

— Нет, Шурик. Так далеко не будет.

— А может, туда старшие отряды ходят?

— Нет. У них в другую сторону будет поход — до взрослого санатория. И еще они ходят на «дикие» пляжи — камушки собирать. Мы тоже ходим за камушками. — Лайне Антсовна улыбнулась. — А тебе очень хочется к этому домику?

— Очень! — сознался Шурка.

— Ты не горюй. У нас, кроме прогулок, еще в конце смены — восхождение на перевал.

— Ну-у... — протянул Шурка. — В конце смены...

— Слушайте, ребята! — Лайне Антсовна понизила голос, оглянувшись. Шурка и Сережа подвинулись ближе. — Я вам скажу одну вещь, только вы до вечера помалкивайте! Вечером Дмитрий Игнатьевич объявит на линейке. У нас будет... пограничная игра.

— Когда? — в один голос спросили Сережа и Шурка.

— Не-из-вест-но! В том-то и дело: надо быть все время готовым. В какой-нибудь день вдруг — тревога! Два человека пытаются пройти вдоль берега. Надо их обнаружить и доложить в штаб. Так, чтобы они вас не увидели.

— Как же мы их узнаем? Тут всякие бродят: туристы, отдыхающие...

— Вам сначала фотокарточки покажут. Надо их запомнить хорошенько, чтобы потом не спутать с другими. Только смотрите, до вечера никому ни слова!

— Шур, ты про какой домик все время говорил? — спросил Сережа, едва они отошли от вожатой.

— Да ты не знаешь... Это еще до тебя было. Рассказать?

— Я и прошу — расскажи!

— Понимаешь, тут у меня одна тайна...

Так Сережа узнал про башню, про точку на горизонте и про Шуркин разговор с начальником заставы о зеленом домике.

Шурка предложил:

— Ты скажи главное: хочешь, мы с тобой будем разведчики? Все места посмотрим, где потом игра будет?

— Ну, конечно! Я же тебя еще ночью просил, помнишь?..

Союз скрепили рукопожатием.

Теперь они ежедневно ускользали за ограду то с футболистами (в качестве болельщиков), то с духовым оркестром (как слушатели), то с юннатами (назвавшись корреспондентами лагерного радио).

Стратегия у Шурки была простая. Всю полосу кустарников за оградой — от пляжа до кромок леса — он мысленно разбил на небольшие участки. За одну вылазку осматривали только один участок. Возвращались вовремя, от общих отрядных дел не отставали.

Так все удачно складывалось у Шурки, что не хватало лишь письма от сестренки да посылки с биноклем от Лешки. Наконец письмо пришло.

Конверт был толстый-претолстый, один угол даже лопнул. Танюшка написала свое послание на нескольких листах рисовальной бумаги, а потом сложила их вчетверо.

Буквы наверху каждого листа были огромные, а книзу — уменьшались до крохотных.

Вначале Танюшка сообщала, что живет хорошо, но скучает без Шурки. Потом — что посылает Шурке земляничные листики, а землянику отнесла Ваське.

Действительно, из конверта выпали три зубчатых листочка на одном сплюсненном стебле — увядшие, но еще не засохшие.

Дальше рассказывалось, как в спальню во время тихого часа запрыгнула черная лягушка («Жаба!» — снисходительно поправил Шурка) и как ее испугались, а Танька не испугалась и вынесла ее на траву: пусть идет к своим деткам!

А потом шло вот какое сообщение: «Оторвалась застёжка на правом туфле». (На левом-то еще до отъезда отрывалась, но Шурка ее очень ловко прикрепил с помощью тонкой проволоочки). Так вот, Танюшка нашла проволочку и, по Шуркиному образцу, сама ухитрилась приделать правую застёжку.

В конце письма говорилось про Ваську: что видит его почти каждый день, что он тоже живет хорошо. Что дети недавно ей сказали, будто он ел глину, а воспитательница сказала, что не ел, а только лизал. С тех пор прошло три дня, и Васька по-прежнему здоровый и веселый, только плачет, когда Танюшка уходит.

Шурка с сознанием ответственности — не упустить бы чего! — два раза перечитал письмо, хмурясь и улыбаясь над сползающими строчками, и тут же написал ответ обещая скоро вернуться и сразу поехать к ним в гости на электричке...

Как-то раз Шурка и Сережа бежали к своему корпусу. Увидев их, Лайне Антсовна еще издали крикнула:

— Заходите скорей, до обеда надо собрать актив — на десять минут.

Сережа бежал прямо в корпус, а Шурка как-то машинально проскочил за угол, да вдоль длинной стеклянной стены, да через тропинку — домчался от корпуса до самой изгороди. И уселся там, в полосатой тени, покусывая сухой стебелек.

Вдруг Шурка очнулся: отчего это он сидит тут? Ведь Лайне Антсовна сказала—заходите! Он похлопал глазами и, наконец, понял: столку его сбilo слово «актив».

В школе это слово было для других, не для Шурки. Как только в классе собирался актив — и учительница, и пионервожатая обязательно говорили: «А Горюнов пусть идет домой! Не задерживайте его! Он семье должен помогать! У него времени нет! Ему надо побольше заниматься — ведь он у нас средненький!»

Как будто Шурка уж вовсе не мог сообразить, чтобы успеть и тут, и там! Хоть изредка!

Он готов был сквозь землю от стыда провалиться. Словно он не как люди — ненормальный какой-то!

Но здесь, в Ключевском!...

Удивительное дело: здесь с первых дней Шурка чувствовал себя в самом что ни на есть настоящем активе.

Лайне Антсовна все про всех знает, но никого тебя не подведет. Как-то так получается: только начнешь с ней говорить — и сразу про себя все расскажешь. И не страшно ничуть!

Маленький Вадик, например, признался ей шепотом, что он лечился от заиканья и очень боится, как бы это не началось снова. Так Лайне Антсовна с каждым в отряде поговорила на этот счет отдельно, без свидетелей. Случилось раз, другой, третий: заторопится Вадик в разговоре — и заикнется! Никто даже бровью не повел. Словно и не заметили.

А Петя Павлов совсем не умел плавать. И научиться никак не мог — стеснялся. Ходит все по мелкой водичке, не снимая очков... И кажется — даже стекла у него вспотели от переживания.

Лайне Антсовна стала отдельно учить Петю плаванию, в другое время, никто в отряде и не знал об этом. А дней через десять Петя стал плавать не хуже, чем все остальные...

Может быть, у кого-то язык очень чесался подразнить: «Ва-ва-вадик, скажи: «за-за-зая!» Или: «Эй, Петропавлыч, покажи, как топор плавает?» Но как потом смотреть в глаза Лайне Антсовне? Невозможно! Даже если она тебе ни слова не скажет. Все равно — хоть собирай чемодан и выкатывайся из лагеря!

...Вдоль длинной стены корпуса со встревоженным лицом шла Лайне Антсовна. Она ко-го-то искала.

Шурка вскочил на ноги. Вожатая помахала ему рукой.

— Ты что, Шура? Почему ушел?

— Да я...я думал, вы Сережу позвали, а меня — нет...

Они вошли в дежурную комнату, где собрались актив.

— Ребята, — сказала Лайне Антсовна, — вы мне должны помочь. Помочь в таком деле, которое вы знаете лучше меня. Я надеюсь... — тут она улыбнулась и внимательно оглядела всех, — надеюсь не потерять свой авторитет после такой просьбы. Так вот. Приближается пограничная игра. Когда она будет — никто не знает... и не узнает, пока не услышит сигнал тревоги. Но вы понимаете, что она приближается. Конечно, было бы лучше, если б вожатый у вас был мужчина, но...

Тут закричали все вместе:

— Мы постараемся!

— Мы знаем, мы уже в военную играли!

— А я — два раза!

— Вы не расстраивайтесь, мы все сами сделаем!

— Лайне Антсовна, мы вам поможем!

Она кивнула:

— Вот об этом я вас и хотела попросить... У нас создан штаб для подготовки к игре. Руководят им, как вы догадываетесь, наши инженеры: Володя, Слава и Ваня. В другое время они больше заняты со старшими ребятами. А тут вам представился случай познакомиться с ними поближе. Назначая вас... — она нарочно помедлила несколько секунд, — военными советниками от нашего отряда. Вы должны явиться на военный совет лагеря ровно в семнадцать часов восемь минут тридцать пять секунд!

Невольно все посмотрели на плоские ручные часы Лайне Антсовны с большим круглым циферблатом и секундной стрелкой.

— Какие они у вас большие, — сказал кто-то, — не как дамские...

Лайне Антсовна тоже посмотрела на часы, будто сквозь туман, и улыбнулась:

— Это не мои часы. Мне их дал на лето один человек... Петя, ты их возьмишь у меня после обеда... Ребята! Военный совет собирается, чтобы выслушать ваши предложения. Думай-

те — время есть!.. Сережа и Шура, наештались? — спросила вдруг Лайне Антсовна. — Наверное, что-то придумали?

Шурка, застигнутый врасплох, отшатнулся от Сережиного уха.

— Нет еще... — сказал он. — Мы еще не совсем придумали. Как до конца допридумаем — так сразу скажем!

— Не верьте им! — с каким-то даже испугом закричал Саша-хитрый. — Не верьте! Они уже все придумали! Только они хотят по секрету вам сказать! А как же я тогда узнаю? Пускай сейчас говорят!

Цены не было бы Сашинной хитрости, если б не лезла из него с такой силой забота лишь об одном себе! А ведь он угадал. На Шурку будто с неба свалилась идея.

Вот что пришло Шурке в голову: в отряде должны быть двое связных, или разведчиков.

Они могут расположиться позади цепи и держать в поле зрения весь отряд — на случай, если кто-то не справится с наблюдением, прозевает.

Или могут передавать сообщения от дозора к дозору.

А лучше всего — выдвинуться далеко вперед, сигналить своим: что там впереди делается?! И тогда никакая неожиданность не застанет отряд врасплох.

— Мы не для себя! — объяснил Шурка. — Но зато для отряда будет это... эта...

— Страховка! — подсказал Сережа.

— Ага, — кивнул Шурка. — А почему мы себя предложили?.. Вы, наверно, заметили: мы

и так с Сережей в разведку играем... каждый день... Но если вы нам не доверяете...

— Доверяю, — сказала Лайне Антсовна.

Инженер Слава Малиновский сидел на ящике возле «пиратского дома», где был назначен лагерный военный совет. В руке он держал какие-то листки.

Рядом стоял второй ящик, закрытый крышкой.

— От какого отряда? Кто старший?

Петя выступил вперед:

— От второго отряда! Петр Павлов! — непривычно отрывисто доложил он, в тон Малиновскому.

Из веера продолговатых листков Малиновский выдернул один. На нем были отпечатаны рядом две одинаковые картинки.

— В рисунках пять различий. Обвести их кружками! Засаею время! — Малиновский щелкнул секундомером.

Петя присел на корточки у закрытого ящика, тоже щелкнул — кнопкой от шариковой ручки.

Делегаты заулыбались. Петя совершенно не замечал, как убраны в палате постели... но ребусы! кроссворды! загадочные картинки! Поищите другого такого очкарика!

— Как?! Уже?! Хм... Пока что — лучшее время... — проворчал Малиновский с недовольным видом.

Это была его манера. Если уж он хвалил, что

случалось о-о-очень редко, то лишь таким образом, через силу выговаривая похвалу.

Малиновский записал показание секундомера, вернул листок Пете. Сбросил крышку со второго ящика. Там грудой лежали новенькие малышовые пистолеты с бумажной лентой вместо пистонов.

— Подходить по одному! Каждый пистолет заряжен на десять выстрелов! Быть в полной готовности и действовать в соответствии с обстановкой!

С замиранием сердца, гуськом делегаты приближались ко входу в инженерское жилище. И едва Петя отодвинул брезентовый полотно, раздалась команда:

— Стать вдоль стола! Продвигайтесь, быстро, быстро!

По свободному пространству комнаты расхаживал «главный пират» — Володя Битенков, с таким же, как у ребят, малышовым пистолетиком в руке. Третий — Ваня Забелин, по прозвищу Ус, сидел в секретарской позе у дальнего конца стола. В полумраке, у противоположной стены, на скамейках теснились ранее прибывшие делегации.

Все внимание приковывал Битенков. Он напоминал лицом этого «Деда-Мороза-Высший-Сорт», который снял грим и оказался молодым веселым детинкой.

— Приготовиться! — зычно сказал он. — По моему выстрелу — стрелять как можно быстрее! Кончилась лента — пистолет на стол! Зачет по предпоследнему, последний выбывает!

Он бабахнул, в другой руке у него блеснул секундомер.

Ну и треск поднялся! Последними бросили пистолеты сразу троє: Вовка Углов, Саша-хитрый и Петропавлыч.

Володя Битенков прищурился, поднял один из пистолетов и, взглянув на секундомер, сказал Ване:

— Шесть и две десятых... Прилично, а с поправкой на возраст — совсем хорошо.

— А кто же выбывает?

Битенков разжал ладонь, и все увидели, что в пистолете, поднятом со стола, осталось еще ленты на три выстрела.

— Это не я! — быстро сказал Саша-хитрый.

— А я разве говорю, что ты? — удивился Володя. — Кто это сделал, пусть скажет!

Ребята, ни слова не говоря, поворачивались справа и слева к Хитрому. Ему показалось, будто воздух вокруг него кончился, и он выдохнул:

— Это я...

— До свидания! — кивнул ему Володя.

Но не знал он еще Сашу-хитрого! И начался!..

— А за что выгоняют? За военную хитрость! Я бросил... успел... и все шито-крыто!

— Слушай, да ты... хитрый! — сказал Володя. — Тебя проводить или сам выйдешь?

— Я сам! Я сам! — захихикал Саша, будто его шекотали. Проворно вылез из-за стола и выскочил за дверь.

Отстрелялись последние делегаты, явился Малиновский. Под Володиным руководством все дружно ухватились за стол, оттащили его от стены, развернули по диагонали. Окружили скамейками, уселись.

Вступительная речь была подкупающе-краткой:

— Уважаемые члены военного совета!

Этот Битенков сказал торжественным тоном.

— Наверное, почти все вы участвовали в больших лагерных играх и знаете, как там бывает...

Это он сказал обычным голосом.

— Так что ваялите предлагайте, кого что успело осенить!

Тут он улыбнулся своей знаменитой улыбкой, и все ответно заулыбались. Улыбки улыбками, а первые слова, как водится, хоть клещами вытягивай!

И, как это всегда бывает, плотину взорвал крик души:

— Скучно, когда очки считают!..

И закричало сразу человек десять:

— Верно! Верно!

— Я тоже хотел сказать!

— Начисляют очки, а за что — непонятно!

— Другой раз понятно, только за трудное мало очков дают, а за легкое — много. Никакой справедливости!

— Посредники эти... Ходят с синими повязками и друг с другом спорят... Им интересно, а нам скучно...

Ваня Забелин должен был записывать все предложения. Он закричал:

— Ребята, так невозможно! Давайте по очереди!

Малиновский усмехнулся и возразил:

— Надо сразу все каналы слушать! По очереди — опять на них молчанка нападет!

«Ус» развел руками: не успеваю!

Шурка подумал: а правда, почему так? Ведь когда все сидят, слова не выжмешь, хотя в каждом прямо кипят разные мысли! Но если уж заговорили — держись!

Девчонки напомнили:

— Только чтоб без драки! А то, как погоны прицепят — сами не свои подрались!

Кто-то беспокоился:

— Пускай техника будет! Что-нибудь по радио передавать! Или автоматическое!

Шурка вдруг понял, что сейчас самый подходящий момент узнать насчет домика. Он пошел к Битенкову:

— Хорошо бы по два человека от каждого отряда — и пойти в обход, вдоль берега, до самой горы. Там такая гора — она как стена поднимается.

Володя махнул рукой Забелину: «Это не записывай». А Шурке объяснил:

— Ты понимаешь... Ведь если вы одни пойдете — обязательно в воду полезете. Ну, ты, скажем, не полезешь, а старшие уж точно ринутся! Выходит, няньку с вами посылать? Так это уже не интересно, какой это дозор... с нянькой?! Сам видишь — не получается!

Наконец Володя потребовал тишины.

— Вот что, ребята! Ну, тише, тише... Вот на этом листке записано, что предлагаем мы — Ваня, Слава и я. А на этом — то, что предлагали вы. Все это будет в игре. Совет окончен. Спасибо, до свидания!

Шурка выходил одним из последних. Вдруг Битенков поманил его рукой:

— Слушай, если не спешишь, минуты на три задержись, пожалуйста!

У Шурки екнуло сердце.

Володя усадил Шурку рядом с собой.

— Да ты не дуйся! Серьезный какой! Я тебя приметил, когда ты про обход спрашивал. Мне, понимаешь, нужен надежный человек для одного дела...

— Сделаю! — сказал Шурка.

— Вот какое поручение, — Володя понизил голос. — Перед самой игрой на участке старших надо будет спрятать какую-нибудь небольшую вещьцу. Я, правда, еще не решил, какую... Компас? Записку в спичечном коробке?..

— А я знаю! — Шурка даже привстал. — Есть такие коробочки пластмассовые, их вместе с пленкой в фотоаппарат засовывают...

— Кассету? Слушай... Слушай, да это здорово! Тогда мы двух зайцев убьем сразу! С пленкой такую историю можно развести... экстралюкс-прима! Теперь послушай: найти ее они должны обязательно! Но публика там... ядовитая, недоверчивая. И с лентой. Когда они выйдут на полосу — ты сбегай еще раз, предупреди его особо, но потуманнее, чтоб только забеспокоился. Чтоб не загорал. Скажешь — из штаба!

Володя записал в блокнот Шуркину фамилию, задержал его пальцы в своих, испытующе посмотрел в глаза:

— Ну?..

Вместо долгих заверений, Шурка сказал одно слово:

— Могила!

Он, правда, не уточнил, что Сереже-то, конечно, расскажет. Но это — как самому себе. Больше — никто не узнает.

...Утром того дня, который был назначен штабом для пограничной игры, далекая Арктика преподнесла начальнику лагеря Дмитрию Игнатьевичу неожиданный подарок.

Налетел туман. В разгаре лета — небывалый, немыслимый для этих мест — какого, по словесью, и старожилы не упомянут.

Туман этот был не тот мягко-слизистый, сонный, знакомый по равнинам средней России. Совсем другой: лиловатый, клокастый, стремительный...

Такие туманы обыкновенны здесь весной, на переломе от прохлады к жаре. Но шло необычное лето. Шумели ураганы по всему Северному полушарию. В Средиземноморье неистовый град прошелся по виноградникам, погубив урожай целого года. И у нас «холодные массы арктического воздуха» метнулись неожиданным рывком «к югу Европейской части». А один узенький и дрожащий от любопытства язычок этих холодных масс высунулся даже из-за Ключевского перевала, и всю береговую полосу охватил влажный озноб.

Небо и море исчезли. Тревожно гудели паромы местных линий, привыкшие держаться ближе к берегу. Рокотали невидимые реактивные лайнеры, которых из-за плохой погоды не мог принять аэродром большого города, за перевалом.

Через лагерную территорию, вдоль берега, вслед за натянувшими поводки овчарками, торопливо прошли двое пограничников с карабинами через плечо.

Это был взаврадавший служебный обход — обычное явление для поры туманов. Но летом, в дневное время, никто в Ключевском лагере такого не видел. Волна рассказов покатилась по всем отрядам. Кто-то будто бы даже встретил «странного человека», пробожавшего через лагерь перед самым обходом.

Дмитрий Игнатьевич был очень доволен. Психологическая, как он выразился, подготовка к предстоящему событию шла отлично.

Вот ведь как совпало! Можно ли было угадать это полторы недели тому назад, когда он договаривался с вожатыми о пограничной игре? Туман придает все время такой взаврадавший оттенок!

Шурка не мог безмятежно любоваться туманом: на него напали предчувствия. Узнав, что из-за непогоды в отрядах отменили прогулки, он нахмурился и пошел искать Битенкова. Тот спешил Шурке навстречу:

— А я думал — кого бы за тобой послать. Давай беги в наше бунгало... ну, в дом наш. Я тоже пойду, но лучше врозь.

Шурка вошел в дом. Десятки глаз взглянули на него настороженно. Кое-кто прикрыл свою работу руками.

— Битенков прислал! — объяснил Шурка.
Все снова принялись за дело.

Здесь царило совершенно особое настроение — не то, что в остальном лагере. Здесь собирались те, которые уже знали!

Шурка сел на пустую скамейку, подальше от стола, чтобы не думали, что он подглядывает. Но и без подглядыванья ощущались таинственность и спешка, какая-то общая наэлектризованность.

Володя с порога подмигнул Шурке: следуй за мной! Они очутились во второй комнате.

Битенков плотно прикрыл дверь, достал из тумбочки фотоаппарат, вынул из него пластмассовый цилиндр с торчащим куском пленки — кассету. Завернул цилиндр в черную бумажку, потом в серебряную, закрутил концы. Получилось вроде соевого батончика в серебре.

— Держи!

Потом объяснил Шурке: участок старших — от верхней границы лагеря в гору. Стал называть приметы будущей дозорной линии и очень удивился: почти все они были Шурке знакомы, не понадобилось чертить схему.

— Ну — дуй до горы!.. — напутствовал Шурку Володя.

Шурка разыскал Сережу.

— Без тебя не справиться! Бежим!

Помчались разными тропинками, встретились уже за оградой.

Подъем становился все круче и однообразнее: стволы, стволы, многолетняя осыпь иголок, пучки травы, небольшие глинистые плешинки.

Сережа часто оглядывался. Знакомая картина лагерного городка то проступала в разрывах, то совершенно застилалась пеленой. Было сказочно и страшно. Словно на крохотном обломке исчезнувшей в тумане планеты Земля. И летит этот обломок невесть куда в клубящихся парах первозданного космоса.

Шурка все лез в гору как заведенный. Чтобы отдохнуть немного, Сережа забежал шагов на двадцать вперед Шурки и уселся на большой плоский камень.

— Ой! — невольно вскрикнул Сережа.

— Что «ой»? — еще издали хмуро спросил Шурка.

— Камень подо мной качается.

— Тут все камни уж давно в землю вросли! — проворчал Шурка, подходя.

Камень был белес и пупырчат, размером с хорошую подушку. Стали тянуть — камень поддавался. Приподняли, опустили, переглянулись: не такой уж и тяжелый!

— А что? — сказал Шурка. — Можно и под этот запрятать. Как раз впереди дозоров окажется...

Ухватились еще удобнее, приподняли снова, а ногой Шурка подволок камень поменьше, в качестве подпорки.

Присели на корточки, пошарили руками под большим камнем, нащупали подходящую выемку. Положили в нее серебряный «батончик»

с фотопленкой, засыпали бурными прошлогодними иглоками.

— Сверху тоже надо иголок набросать, — сказал Сережа, — как на соседних...

Через минуту камень ничем не отличался от остальных.

Шурка огляделся:

— Все! Уходим! Вдруг сейчас тревогу объявят?

Они помчались наперегонки к дороге, вниз по склону, так, что ветер свистел в ушах, а деревья мелькали, будто телеграфные столбы мимо поезда...

Ключья тумана редели, поднимались и тянули ввышине. Стало тепло. Глыбой синеватого льда проступила за деревьями стеклянная стена столовой. Показался дом с башней, потом — флаг на мачте. Только море еще пряталось — белесая пелена соединяла его с осенне-тусклым небом.

Под предлогом тумана и холода все отряды были задержаны возле своих палат. Читали вслух, разговаривали о чудесах науки, вспоминали городскую жизнь.

Гонцы появились в отрядах около полудня. Это были взрослые работники лагеря. Они пе-

редали экстренное сообщение о «нарушителях» и спрятанных предметах.

Особое впечатление произвели слова приказа: «...Юным радистам и сандружинникам немедленно прибыть на командный пункт — к начальнику лагеря». Ребята с запоздалой завистью провожали глазами своих товарищей, имевших «настоящие» профессии.

Шуркиному отряду сообщение передал Ваня Забелин. Вожатая тут же назначила в особый дозор, впереди всей цепи — Горюнова и Деятова. Не забыла своего обещания!

Завистливый Брыкин громко объявил, что есть люди, которые лучше справятся с этой работой. А Горюнов и Деятов всегда все захватывают!

Но справедливая Лайне Антосвна возразила Брыкину, что во всех трудных случаях на Шурку и Сережу можно положиться, чего пока не скажешь про самого Генку.

Забелин достал из конверта фотографию «нарушителей». Вот они, двое!

У мужчины — широкий рот, твердо очерченный подбородок. Длинные космы небрежно, пятерней, начесаны на самые брови. Выглядит таким дикарем.

Женщина — по выражению лица — хитренькая лисичка. Прищуренные в усмешке глаза, маленький вздернутый носик, губки бантиком. Волосы рассыпались крупными кольцами.

Шурка и Сережа первыми прибежали на отрядный участок.

Место это было — середина склона за лагерной оградой. Сережа остался караулить, а Шурка, не теряя времени, припустил в гору, скомандовав напоследок:

— Придут наши — сразу уходи вперед, дальше от лагеря. Там спрячешься, а я тебя найду.

Наверху, за деревьями, уже мелькали белые рубашки старших.

«Тот» камень лежал шагах в двадцати впереди цепи. Скользя по нему взглядом, Шурка круто повернул к дозорам.

Над одним бугром торчала голова. Шурка деловито кивнул и представился:

— Из штаба. Проверка готовности.

Голова повернулась в сторону. Прозвучал короткий условный свист.

От ближайшего дерева отделилась фигура. Это был Гошка Филимонов — знаменитый притеснитель младших.

«Вот так повезло! — подумал Шурка. — Одна надежда — напустить строгость».

Не дойдя шагов трех до Филимонова, Шурка вытанулся, отсалютовал с особым замедленным шиком и скороговоркой отбарабанил:

— Из штаба. Проверка готовности. Докладываю старшему на участке! Дополнительное приказание: в районе наблюдения проверить всю местность! Камни, воронки и все такое... Могут быть запрятаны очень мелкие вещи. При нахожде — немедленно передать в штаб!

Филимонов отказался от первоначального намерения — изловить связного, загнать ему голову назад и держать так до тех пор, пока несчастный не согласится, например, сплясать лезгинку.

Все-таки Гошке польстило, что его назвали старшим на участке.

— Кузя! — с ухмылкой позвал он своего напарника. — Гляди, кого прислали! Заводная игрушка! Тараторит — уши лопаются!

Кузя уселся на бугор, хотел подмигнуть в ответ — не получилось. Левая рассеченная бровь его была густо намазана йодом.

— Он, наверно, по бумажке учил, чтоб не забыть! — отозвался Кузя насчет Шурки.

А Шурка уже исчез. Он несясь под уклон, позади развернувшейся цепи, видел веселые и грустные лица, удачную и неудачную маскировку.

Вот и свон. Повезло нам — место какое хорошее!

Только Пете Павлову все не впрок: толстый, жарко ему, встал в полный рост и «Пионерской

правдой» обмахивается. Голова и плечи над кустом торчат.

Шурка напролом пробивался через кусты, и вдруг — трах! — врезался коленом в жесткую землю, хватаясь за тонкие колючие веточки. Обо что это?

— Разбежался! — над самым его ухом прозвучал Генка Брыкин.

Вот в чем дело — ножку подставил!

Рядом возник Вовка Углов.

Не время сводить счеты. Растирая коленку, Шурка одобрительно заметил:

— А вы здорово укрылись! Ниже — кто?

— Степановичи.

— Где, где? Ага, вижу. Понятно... Так вот, тропинку тут нет, сами видите. Думаете, если кто к лагерю будет подходить — он где угодно может идти, да?

У Брыкина даже поперечная складка на лбу обозначилась. Но от усилия он вдруг начисто забыл заданный вопрос, и теперь хлопал глазами, ожидая продолжения.

— ...Нет, он где угодно не пойдет! — после вынужденного молчания сказал Шурка. — Где заросли совсем густые — полезет он, чтобы запутаться? Не полезет! Где камни под ноги подворачиваются — пойдет? Не пойдет. Тут перед нами две ложбины, овражки такие, к морю спускаются. Он их где попало перейдет? Где попало не выйдет, очень круто. Тут, когда идешь к лагерю, ноги сами ведут, где лучше. И каждый раз одинаково получается! Как будто такая дорога — невидимая. Она сюда выходит. Понятно теперь? Тут главное — сигнализация! Мы с Серегой их издали увидим, там место открытое. Но надо, чтоб вы от нас не потерялись. За оврагами — видите, высокий такой вал? Мы там и засядем. Первый сигнал — зеркальцем, а потом руками. Ваша задача — не проспать, пускай другие посты дремлют, а у нас тут дело верное...

— Да нет, Шурик, мы не проспим... ты не беспокойся... — каким-то севшим голосом ответил Вовка.

Шурка взглянул удивленно — и вдруг понял: Вовка до того вошел в игру, что для него уже все стало «как в самом деле». И отвечал он совсем по-серьезному, не как в игре — как в жизни ответил бы.

Проскочив бегом две ложбины, Шурка плюхнулся наземь. Огляделся.

Ниже по склону зашевелился большой куст. Из-за куста показалась голова измученного ожидания Сережи.

Резко согнув ладонь, Шурка подал знак: не высовываться!

Перекатился в ложбину, там перебежал в полный рост и ползком выбрался к Сереже. Сразу потребовал:

— Зеркальце!

Вовка и Генка смотрели из-под ладошек не в ту сторону. Они потеряли Шурку из виду и не гадали, а теперь взглянуть чуть левее.

Зайчик ударил им по глазам, заставил прилечь, а потом они снова вытянули шеи и подслеповато уставились на Шурку.

Он тут же замахал руками: всё, прячьтесь! Связь была!

До Шуркиного прихода Сережа успел осмотреть участок. Подобрал несколько железных осколков — изогнутых и плоских, рваных и оплавленных, — со времен войны они все еще попадались здесь. Вдохнул, что не нашлось ни одной стреляной гильзы — повсистеть.

Теперь Шурка и Сережа улеглись рядом, рассматривая «первый улов».

На глобобатом каменном щебне, устилавшем всю площадку, железки смотрелись очень здорово: темно-бурые, красно-коричневые, рыжие всех оттенков, от пыльного до огненного.

Сережа сказал:

— Я бы всем давал по кусочку. Ведь листья засушивают на память? Кусочки дерева увозят, чтобы дома нюхать. А железки... Вот покажут фильм про войну: бум! трах! — Сережа понизил голос. — Шур, а ведь они... раз валяются, значит, ни в кого не попали?

— Еще неизвестно... — Шурка неприязненно посмотрел на осколки. Вот этот, самый острый, может, прошел через сердце, навылет — а теперь притворяется: «Я ничего не делал!..»

Темная твердая листва давала совсем мало тени. Надо было примоститься еще ближе к кусту. Мешали острые камни, словно нарочно вмазанные в глину у самых корней.

— Может, инженеры для нас что-нибудь спрятали под камнями? — Сережа заулыбался.

— Да нет, наверно, ливень был сильный — вот и натащил сюда и камни, и глину. Они у корней застряли... — сказал Шурка. — Подремать бы немного...

— А ты дремли.

— Нелзя. Потом хуже будет. Я только глаза закрою на минуту... А ты смотри в оба!

Снизу, от самой воды, донесся громкий дружный визг.

— Шур, — озабоченно спросил Сережа, — вот такая куча мала — не в первый раз. Вдруг там уже прошли?

— Там внизу кто? — назидательно сказал Шурка, не размыкая глаз. — Младшие девчонки! А по берегу всегда дикие курортники ходят. Вот они курортников и хватают почем зря! А кого надо — как раз прозевать могут...

Тут он открыл глаза, сел рядом с Сережей и ладонью разделил все обозримое пространство на две половины: нижнюю, до моря — Сереже (она лучше просматривалась), верхнюю, до перевала — себе.

Прошло несколько совсем тихих минут, и вдруг, ни слова не говоря, Сережа торопливо забарабанил кончиками пальцев в Шуркину спину, будто в дверь.

Шурка мгновенно собрался в комок, и вот уже ввинчивался в самую середину куста.

— Вижу! Вижу! — опередил он Сережину подсказку. — Вползай за мной, не торчи! Ноги, ноги давай сюда!

Они оба стали как одно существо, с одним дыханием, с единым сердцебиением. Оба неотрывно следили за незнакомой фигурой.

Человек шел медленно, как бы прогуливаясь. Он внимательно разглядывал муравьиные тропинки под ногами, иногда оборачивался к морю, а лагерной стороной не интересовался вовсе.

Шурка смотрел, смотрел, так ничего и не мог решить. Как будто не тот человек, со снимка, но что-то в нем было и от того. А почему в ките-ле? Ведь снят — в летней рубашке!

Фу ты, ну ты! Вот бы сейчас бинокль! Может быть, сразу бы все и понял...

Сережа спокойно поглядывал сбоку, но Шурка молчал.

А человек в ките ле уходил. Он заглянул в ложбину. Понял, что здесь перебраться на ту сторону трудно: очень круто.

Шурка подумал: «Сейчас пойдет краем ложбины, наверняка нас увидит!» Стало как-то не по себе.

Но человек отступил шагов на двадцать и побрел вверх по склону.

Шурка заволновался: вон какую дугу выделяет! Сейчас пройдет мимо! И, если он «тот» — старшие отряды перехватят добычу. Ведь совсем с нашего участка уходит!...

И тут Шурка выкатился с треском из куста к незнакомцу, прямо как к брату родному!

— Дяденька, вы из милиции?

Незнакомец значительно кивнул, оглядел мальчишку с ног до головы, а потом с остановками, будто оценивая его догадливость, пояснил:

— Только я сейчас... не на основной работе...

— Особое задание! — замирая от восторга, почти шепотом сказал мальчик.

Незнакомец чуть шевельнул уголок рта, — больше на эту тему разговаривать не надо.

Шурка обернулся к кусту, махнул рукой и негромко позвал:

— Сережа! Да не прячься, иди сюда! — Шурка осекся и глянул в глаза незнакомцу.

Похож на фотографию? Глаза похожи. Прическа другая. И китель какой-то... лежалый, что ли? Эх, вместо всех подозрений — одну бы надежную примету!

Что теперь можно было выгадать хитростью? Шурка уже на все махнул рукой. Кроме последней задачи: дать направление.

— Дядя, — заботливо сказал он, — если вам к лагерю, так овраги лучше здесь перейти, возле нас. Там дальше — опять круто, руки и ноги обдерете.

— Ладно, спасибо.

Незнакомец спускался в ложбину. Вот скрылся по пояс... по плечи... оглянулся...

— Сюда смотрит, не поворачивайся! — предупредил Шурка

Наконец и голова исчезла за каменистым бугром. С зеркальцем в руках Шурка выбрался из куста. Выждал пару секунд, привстал даже на цыпочки — нет, больше не видно.

Глянул в небо, подбирая направление. Солнечный зайчик в два прыжка доскакал до куста, где Генка с Вовкой.

Вовкина голова высунулась моментально. Значит, видел, что тут было.

Шурка ладонью резанул воздух, потом избразил идущего человека. Вовка усердно затряс головой: видели, видели!

Тут и пригодились занятия по флажковой азбуке — в школьном отряде и здесь, в лагере. Размахивая руками, Шурка передал: «Тот самый, переодетый!» А Вовка отсигналил: «Ясно!»

Генка тоже высунулся. Но все надежды были на Вовку.

Вскоре «нарушитель» прошел через линию дозоров. Судя по всему ни на кого из дозорных он не обратил внимания.

Еще через полминуты Вовка и Генка вылезли из своего укрытия. Первый помчался с донесением в обход, второй — осторожно двинулся по следу «нарушителя».

Напряжение разрядилось. Правда, оставалась еще «нарушительница» — но, наверно уж, она объявится не на этом участке. Надо и другим отрядам поволноваться! Так что — наблюдая помаленьку, пока не просигналят отбой...

За разговором Сережа усердно выкапывал камни из глины, один за другим. И вдруг под вынутым камнем показался оборванный конец узкого кожаного ремешочка — черный, в следах плесени. Одной рукой Сережа осторожно тянул за него, другой — окапывал вокруг.

Будто с неба свалился на него Шурка, ребром ладони больно ударил по пальцам. Сережа вскрикнул; слезы выступили у него на глазах.

— Ну, ты... совсем озверел! — только и сказал он Шурке.

Тот глядел растерянно:

— Сереж, ты не сердись, я не нарочно! Смотрю — ты за провод потянул. Думаю: мина! Взрвется!

Вдвоем они быстро раскопали глинистый слой и, отлепляя камешки, вытащили на свет планшетку — военную плоскую сумку с целлулоидной перегородкой внутри.

Кожа была гнилая, непрочная, как плохой картон; целлулоид пожелтел, помутнел, весь был в каких-то царапинах. Под ним оказалось несколько слоев слипшейся бумаги с неразборчивыми следами букв; выцветшая от сырости, многократно сложенная топографическая карта и намертво склеенные между собой небольшие плотные листки — фотографии.

— Шур, ты не раздирай... Не надо! — с беспокойством сказал Сережа. — Знаешь, я по телевизору видел: есть такие люди, они умеют все это разлепливать... и надписи пропавшие читают! У них там лучи, химия всякая...

— Да я ничего... только попробовать... — Шурка, не закрывая, положил планшетку возле Сережи.

Целлулоид прямо на глазах обветрил, как бы поседел; царапины проступили резче... Да ведь это буквы! Гвоздем или осколком нацарапано!

Поворачивая сумку под солнцем то так, то этак, Сережа разобрал слова:

ЗЫКОВ
ШАЯХМЕТОВ
КОНДРАТОВИЧ
САЖИН
НЕ...

Последнее слово не дописано: черта скользнула вниз, в угол целлулоидного окошка.

Сережа обернулся к Шурке, но долго не мог ничего выговорить.

— Шур, — сдавленным голосом спросил Сережа, — а они все... а их всех... убили? Если бы хоть кто-нибудь был живой — ведь подобрали бы?..

Шурка возразил:

— Вот и нет! Могло взрывом отбросить! А раненых в госпиталь увезли... а потом они выздоровели!

От таких слов у Сережи появилась некоторая надежда, но у самого Шурки ее не прибавило, и он задержал вздох, чтобы скрыть это.

— Шур! — сказал Сережа. — Но ведь... Ты только подумай! Ведь такого ни у кого не будет! Если это взаправду с войны... Никто не ожидал, даже штаб — а мы вдруг принесем! Это из всей игры — самое главное окажется!

— Угу... — без всякого оживления ответил Шурка.

Думаешь, нет? — растерялся Сережа.

Шурка поднял голову:

— Отдадим после линейки. Тогда и разговор будет завтра. Совсем по-другому...

Шурка умолк. Его как будто лихорадило.

Он с удивлением потом вспоминал: совершенно невыносимо стало сидеть вот так, на одном месте. Что угодно — бегать, или драться с кем-то — только не сидеть!

Он посмотрел на море, на береговую тропу. Взгляд его передвинулся дальше, еще дальше, потом выше... и вдруг словно споткнулся.

Он не отворачивался; он все смотрел и смотрел... Он видел точку. Ту самую точку на ровном, как линейка, горизонте, под которой среди деревьев прятался зеленый домик.

Он видел ее с непривычной отчетливостью. Никакие мурашки в глазу сегодня не мешали ее видеть — она не исчезала и не мерцала. Значит, она теперь намного ближе!

Шурка обернулся назад — прикинуть, далеко ли отошли от лагеря? Заманчиво было убедить себя, что это, пожалуй, четверть пути до зеленого домика: хотя совесть подсказывала — и одной десятой не будет!

Сереза с рассеянной улыбкой смотрел на него, еще ни о чем не догадываясь.

— Идти туда... так сразу после отбоя! — глухо, отрывисто, будто одному себе, вдруг сказал Шурка.

Сереза опять растерялся. Наконец, тихо спросил:

— К зеленому домику? А планшетка? Такую вещь оставить?!

Шурка встрепенулся:

— Степановичи пока подержат!

Послышался сигнал горна. Две ракеты, сначала изумрудная, а немного погодя — малиновая, взвились в небо. Сереза и Шурка проследили глазами их полет. Дозорная полоса за считанные секунды проросла макушками, поднявшимися из-за кустов. Конец игры!

Шурка совсем не был уверен — хорошо ли то, что он собирается сделать? Надо было поразмыслить как следует, но... Степановичи уходили! Насилу догнал!

Окончание следует

ДВА САПОГА ПАРА

Глеб Семенов

Рисунок Т. Капустиной

Вот загадка вам, ребята, — жили в лагере два брата. Друг на друга походили, — ничем не различить! Друг без друга не ходили, — ничем не различить! Всюду вместе, заодно: и в походе, и в кино, на беседе, на обеде, даже их видали мы на одном велосипеде, крутят, знай, педалями, — где одна сверкает пятка, где другая, уследи!

Это все еще загадка, а разгадка — впереди.

От побудки до отбоя — на ногах братишки. Ни минутки им обоим нету передышки.

То в футбол, то в чехарду, с ног валились на ходу, на ногах держались еле, а недавно даже — видно, каши мало ели — запросили каши.

В каше нету недостатка, лишь не лопнуть бы, гляди!

Это все еще загадка, а разгадка — впереди.

В речке плещутся ребята: — Ух, отличная вода! Только два чумазых брата с бережочка никуда.

Бесшабашных оба братца стали вдруг несмелыми. Смеха нам не обречься: с кем имели дело мы! Утоги — не утоги, сапоги — не сапоги, а валяется, видим, на песке пара самых обыкновенных сандалий, к тому же еще и рваных...

Кто не верит, должен снова прочитать за словом слово.

КУРСКАЯ БИТВА

Первый
победный
салют!

А. Митяев

главы из книги

На первых порах с обеих сторон танкам помогали артиллерия и авиация. Но вскоре и орудия, и самолеты вышли из дела: снарядом, бомбой можно было вместо врага поразить своего, так перемешались советские и фашистские машины.

Танковое сражение разделилось на множество схваток: в одном месте шел наступательный бой, в другом — встречный, в третьем — оборонительный, там начиналась контратака, здесь устраивалась засада...

«Танки то сходились на близкую дистанцию, то расходились, пытались поразить друг друга в борт, — вспоминает участник Курской битвы полковник Чернышов, — когда выходила из строя пушка или кончались снаряды, танкисты шли на таран. Стальные машины сталкивались с невероятным грохотом. С зияющими пробоями в броне, с сорванными гусеницами и башнями горели сотни танков и самоходных орудий среди ржи, на склонах высот, почерневших от пепла. Поднимались столбы густого черного дыма и постепенно растекались в воздухе. Боеприпасы, находившиеся внутри горящих танков, взрывались, и огромные языки пламени и тысячи искр летели во все стороны. Башни с грохотом падали на землю».

Об отступлении никто не помышлял — ни наши танкисты, ни гитлеровцы. Враг дрался жестоко, умело, озлобленно. Весь цвет фашистских танкистов был здесь. Дивизии СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх», — одни названия этих соединений говорят сами за себя.

Чем сильнее враг, тем выше слава его победителей!

Из хроники боя

По «тридцатьчетверке» лейтенанта Бондаренко с ходу стреляли два «тигра». Лейтенант укрыв свой танк за горящим немецким. Враги решили, что с нашей машиной

покончено. И тут Бондаренко открыл огонь! Из-за укрытия он сперва подбил «тигра», а когда фашисты выскочили из танка, расстрелял их из пулемета. В это время ожили два немецких противотанковых орудия. Бондаренко одно орудие накрыл снарядом, другое раздавил гусеницами.

Танковая рота гвардии старшего лейтенанта Калинина уничтожила двенадцать танков, и среди них два «тигра», раздавила два десятка пушек, истребила сотни гитлеровцев. Сам командир подбил три танка, два броневика и три пушки.

Вот запись, принятая радистом на КП армии: «Говорит двести тридцать седьмая. Стебельков. Подбили двух «тигров», но и нас подбили. Весь экипаж ранен. Горим. Идем на таран. Деремся и погибаем, как коммунисты. Отомстите за нас...»

На командном пункте

Командный пункт генерала Ротмистрова находится на холме у Прохоровки. Получено донесение: «Противник ведет ожесточенный огонь из всех видов оружия. Имеются случаи танковых таранов. Прошу огневой помощи. Егоров». «Передайте, — отвечает командующий, — все вижу сам. Положение на всех направлениях одинаково трудное. Побольше огня, ни шагу назад».

В корпус генерала Бахарова уехал начальник штаба армии генерал Владимир Николаевич Баскаков. Вот он уже докладывает по радио командующему: «Бахаров ведет сильный огневой бой. Из 50 прорвавшихся танков противника уничтожено 20, остальные повернули назад. Говорю из танка. Сплошная дымовая завеса во круг...» Командующий знает, как тяжело там сейчас. И он обращается к боевому товарищу по имени: «Володя! Наступает кризис боя, и его надо нам во что бы то стало выдержать, назад ни шагу! Так и передай Бахарову. Сгорим, но ни метра назад».

У Ротмистрова большие воинственные усы и совсем штатские очки. Под фуражкой на лбу капли пота. Ко-

Окончание. Начало см. в «Костре» № 7

мандующий чувствует: в сражении наступило равновесие. Отдается приказ — чтобы склонить чашу весов в нашу сторону, ввести в дело тяжелые танки КВ. Рация на командном пункте разбита взрывом вражеской бомбы. Карту, где красным карандашом намечена задача КВ, повез к танкистам штабной офицер. Резерв тяжелых танков во второй половине дня вступил в бой.

...Вечером немцы прекратили наступление. Солнце садилось в дымную мглу. Пахло порохом, горелым железом, на поле боя дотлевали развороченные танки. Между ними пробирались санитары, отыскивая раненых.

Обе стороны понесли огромные потери — три сотни боевых машин потеряли мы, четвертые — фашисты.

12 июля враг исчерпал свои наступательные возможности. Гитлер приказал перейти к обороне. Так закончилась для немецко-фашистских войск операция «Цитадель».

А для наших войск заканчивался лишь первый этап Курской битвы — оборонительное сражение. Замысел Верховного Главнокомандования был таков: измотать врага в обороне, выбить его танки, а затем перейти в контрнаступление. Враг измотан, танки выбиты. Пора наступать.

Партизаны

Первыми героями Курской битвы по праву надо считать знаменитого разведчика Николая Ивановича Кузнецова и подпольщиков города Ровно, которые помогли ему еще весной добыть сведения о планировании немцами операции «Цитадель». Ты понимаешь, какую огромную ценность имели эти сведения. Маленьким родничком начинается Волга. Если сравнить с многоводной Волгой ратный подвиг пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков, саперов, связистов, победивших под Курском, то родничком можно назвать партизанский сигнал о замысле фашистского командования.

Больше тысячи партизанских отрядов действовали в тылу врага. И значительная часть их находилась как раз там, где располагались тылы немецких группировок, готовившихся к «Цитадели». В одной Орловской области было шестнадцать тысяч партизанских бойцов. Брянский лес служил для партизан опорной базой, туда доставлялось оружие, боеприпасы, радиостанции, лекарства, оттуда самолеты вывозили в советский тыл раненых.

Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, как только стало известно о «Цитадели», приказал партизанским отрядам северных областей Украины перейти в юго-западные области; на запад переместились и отряды белорусов — в районы, по дорогам которых немцы везли военные грузы к Курску. Помешать этим перевозкам — вот какая задача была дана партизанам.

Три приема

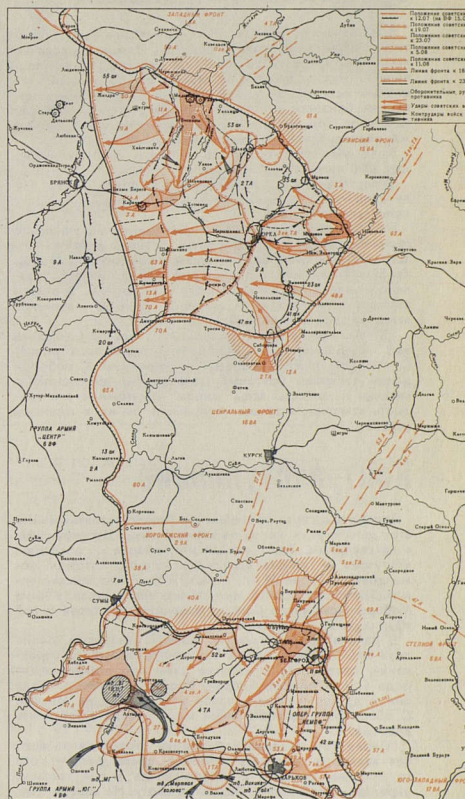
«Партизанен» — это слово было на уме у фашистских часовых на платформах с танками, у тех, кто в тревоге не мог заснуть на полках вагона. По многим дорогам немецкие поезда прекратили ночное движение. Ездили только днем — вслед за дрезной или за специальным составом, которому отводилась участь подорваться на mine и тем обезопасить движение основного эшелона.

«Начиная с весны 1943 года на всех станциях, разъездах и возле мостов были поставлены гарнизоны, численность которых определялась важностью объекта и условиями охраны», — вспоминает бывший комиссар партизанского соединения Захар Антонович Богатырь. — Везде были сооружены оборонительные укрепления в виде землянок с бойницами и амбразурами для пулеметов, окопы, соединенные ходами сообщения. Места расположения более крупных гарнизонов обносились даустенными заборами, в протенки засыпалась земля.

Вдоль железнодорожных и шоссе-линий были открыты окопы, на сто—двести метров от дороги вырублен лес. Нередко подступы к дорогам были окопаны канавами и обведены колючей проволокой, перед которой сделаны минные поля. Группы охранников с собаками патрулировали вдоль дорог, устраивали засады на тропинках, ведущих из леса к железной дороге.

Такая плотная охрана осложнила действия партизан, но на дорогах не стало спокойнее. Три основных приема использовали партизаны в рельсовой войне: подрыв поездов, разрушение мостов, уничтожение рельсов.

В марте орловские партизаны взорвали три железнодорожных моста через Десну. Десна есть на нашей карте, на ней стоит город Брянск. Обрати внимание на важность этого района для немцев. Наиболее ощутимым был взрыв 300-метрового моста около станции Выгоничи. Станция не обозначена на карте, но ты можешь представить, где она находится — там, где железная дорога, идущая из Брянска на Гомель, пересе-

Посмотрите на стрелы. Так развивалось наше контрнаступление.

кает Десну; там был и мост. Ночью восемь партизанских отрядов под командованием Ромашина напали на гарнизон, охранявший мост. В ожесточенном, но коротком бою было убито больше двух сотен гитлеровцев. После этого подрывники во многих местах заложили взрывчатку. Взрывы сделали умело, и весь мост рухнул. Почти месяц немцы восстанавливали его, движение прекратилось. А до взрыва по мосту ежесуточно проходило 30—40 составов с военными грузами и войсками.

В апреле—июне украинские партизаны подорвали 358 эшелонов, белорусские в мае—июне — 1054. Большая часть этих поездов везла грузы к Курску.

Немцы попробовали доставлять грузы к Курску по железным дорогам юга Украины, долгим и длительным путем. Поезда подрывали местные партизаны и подпольщики.

Сражение на рельсах

В назначенную ночь во всем вражеском тылу партизаны вышли к железным дорогам. Только орловские партизаны взорвали за ночь 4100 рельсов (почти половину из них на участке от Навли до Комаричей; эти станции есть на карте, найди их. В пути в непосредственной близости от фронта застряло много воинских эшелонов. Три дня они стояли на месте, чем, конечно же, воспользовалась советская авиация).

Было уничтожено столько рельсов, сколько нужно для 2000 километров железной дороги.

У партизан, как и бойцов разных родов войск, были свои герои, знаменитые тем, что причинили врагу колоссальный ущерб.

На станцию Осиповичи пришел немецкий эшелон с горючим. По обеим сторонам от него остановился поезд с боеприпасами и танками. Комсомолец Федор Крылевич заминировал цистерну. Ночью мина взорвалась. Начался пожар. Стали рваться снаряды. В огне и взрывах погибло четыре эшелона, тридцать новеньких «тигров» сгорело, не дойдя до фронта.

С чем можно сравнить победу Федора Крылевича над «тигров»? С победой артиллерийского полка? С победой полка самолетов-штурмовиков? С победой целой танковой бригады? Да если бы артиллеристы, летчики и танкисты всем миром уничтожили эти тридцать «тигров», и то мы поздравили бы их с хорошим успехом!

Контрнаступление

Теперь мы снова вернемся в 12 июля и опять начнем этот день с утра, но не на южном конце Курской дуги, а на северном. Здесь начали наступление — операцию «Кутузов» — войска Брянского фронта, которым командовал генерал М. М. Попов, и 11-я гвардейская армия Западного фронта; его командовал генерал, а ныне Маршал Советского Союза, командующий твоей игрой «Зарица» И. Х. Баграмян.

В районе Орла немецкие войска находились около двух лет. За такое время они построили много укреплений, превратили в мощные узлы сопротивления города Орел, Мценск, Болхов, Кромы, Карачев. Отсюда они и думали начинать новое наступление на Москву. С обороной подобной мощи наши войска встретились впервые.

Перед 11-й гвардейской армией стояла очень важная задача — прорвать оборону врага, расчленив его группировку и выйти к северо-западу в тыл немцам, укрепившимся в Орле. Посмотри карту. На севере, там, где Чернышиско и Ожигово, красивый треугольник. Его средняя сторона — движение 11-й гвардейской.

Армия Баграмяна была очень сильной. В нее входило

до 12 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса, 4 танковые бригады и 2 отдельных танковых полка, 2 полка самоходок и 6 артиллерийских дивизий; в ходе наступления армия получила еще танковый и кавалерийский корпуса.

Можно иметь много войск, но ничего толкового не сделать. Важно, как управлять ими. Иван Христофорович Баграмян из числа блестящих военачальников Советской Страны. Удары войск, которыми он командовал, всегда были безупречными с точки зрения военного искусства.

В ночь на 12 июля бомбардировщики подвергли бомбовым ударам оборону фашистов в полосе прорыва. На рассвете началась артиллерийская подготовка. «На переднем крае и в глубине обороны противника, — вспоминает Баграмян, — встала сплошная стена разрывов, дыма и огня. Огненный смерч сметал немецкие укрепления, сея ужас и смерть в стане врага. Гул артиллерийской канонады, в которой участвовали тысячи орудий, был слышен на расстоянии 40—50 километров».

Противник ждал атаки стрелковых войск после окончания артподготовки. Но атака началась во время ее, только артиллерия перенесла огонь в глубь вражеских позиций. Стрелки шести дивизий с танками прорыва ринулись вперед. Одновременно на вражеские позиции налетели самолеты-штурмовики.

Наступление развивалось очень быстро. К исходу 13 июля армия Баграмяна прорвала оборону на глубине 25 километров. К 19 июля — на 70.

«Как и ожидалось, — пишет маршал Г. К. Жуков, — враг замесался на орловском плацдарме и стал снимать свои войска из группировки, действовавшей против Центрального фронта, и бросать их против Брянского фронта и против 11-й гвардейской армии Западного фронта. Этим воспользовался Центральный фронт и 15 июля перешел в контрнаступление».

Незадолго до нашего наступления командование 2-й немецкой танковой армией и 9-й общевойсковой армии было поручено генерал-полковнику Моделю. Моделя в кругу гитлеровских генералов звали «львом обороны». Можно представить себе, как забегал этот лев, когда на его войска посыпались такие удары! А Ставка Верховного Главнокомандования все вводила новые армии в наступление, и сила его нарастала.

В ночь на 4 августа советские войска завязали бои за Орел. К утру 5 августа город стал свободным.

Ты знаешь, что войскам-победителям салютовала Москва. Московский салют был большой наградой, бойцы гордились им не меньше, чем орденами. Первый раз торжественный фейерверк был устроен в столице именно 5 августа. Им отмечалось освобождение от оккупантов Орла и Белгорода. Так уж совпало, что тогда же, 5 августа, войска Воронежского и Степного фронтов освободили и Белгород тоже.

Воронежский и Степной фронты, часть сил Юго-Западного фронта свое наступление — операцию «Румянцев» — начали 3 августа. Две танковые армии — 1-я и 5-я гвардейская — шли на Белгород и дальше — на Харьков.

Район этого города немцы укрепили очень сильно, они называли его «воротами на Украину», «ключом к Донбассу». Естественно, нам были нужны и ключ, и ворота. 23 августа, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, мы взяли их. Московское небо снова озарило огнями салюты; второй салют ознаменовал освобождение Харькова.

Теперь, после взятия Харькова, перед советскими войсками открылись пути на Украину. После взятия Орла и выхода к Брянску открылись пути в Белоруссию. Впереди нас ждало много боев и сражений. Но Курская битва уже позади.

После Курской битвы до самого конца войны фашисты ни разу не наступали, только оборонялись, откатываясь к Германии, к Берлину — к полной и безоговорочной капитуляции.

ПРО КАТЮ

РАССКАЗЫ

А. Крестинский

Рисунки

Т. Оболенской

Каждый день, ровно в двенадцать, Катя бежит на перекресток — встречать тетю Шуру, почтальонку.

Только выйдет та из-за поворота — в белом платке, в старенькой форменной куртке, с тяжелой сумкой через плечо — Катя навстречу.

— Тетя Шу-ра! — кричит Катя. — Марусин Тупичок есть?

Марусин Тупичок — это улица, на которой летом живет Катя. Там всего шесть домов. Последний упирается в лес.

— Есть, есть Тупичок, — говорит тетя Шура и вынимает из сумки письма.

Катя прижимает письма к животу и бежит на свой Тупичок.

Тетя Шура довольна. Во-первых, помощь, а во-вторых, почтальонка боится собак, которых в Марусином Тупичке — четыре.

Катя собак не боится.

...Вот Алексею Ивановичу письмо.

Сейчас он, белая голова, otvorит калитку, вытрет руки о клеенчатый фартук, потом о штаны, сзади — раз, два — а после уж письмо возьмет жилистыми руками. И спасибо сказать не забудет.

...А вот Тарантаевой письмо.

У Тарантаевой лопух к голове привязан — то ли от солнца, то ли от болезни. Тарантаева с грядки не сойдет, кричит:

— В ящик брось!

Не понимает Катя Тарантаеву. Как можно не обрадоваться письму? Не пойти ему навстречу. Не взять его тут же в руки. Не распечатать.

— Васька небось пишет, — рассуждает Та-

рантаева, согнувшись над грядкой, — денег просит, знаю...

Васька сын ее. Учится в техникуме. Далеко отсюда.

Катя все держит письмо, все надеется — может, подойдет Тарантаева, возьмет его из рук...

Не подходит.

— Брось! — кричит. — Брось в ящик!

А вот учительница Лина Юрьевна — та сразу, при Кате, распечатывает конверт и тут же начинает читать.

В письме хорошее — на лице хорошее.

В письме плохое — на лице плохое.

Улыбается Лина Юрьевна — улыбается Катя.

Хмурится Лина Юрьевна — хмурится и Катя.

А бывшему летчику Николаеву Катя говорит так:

— Вам, дядя Саша, сегодня нет. Завтра, наверно, будет.

Тот кивает — конечно, будет.

Всем приходят письма на Марусин Тупичок. И злым, и добрым, и старым, и молодым.

Одному только человеку не шлют писем. Тому, кто больше всех любит их и ждет.

Хоть бы догадался кто и написал.

Не пишут.

Эх, люди, люди...

Как вечер — голоса чище, звуки ясней, протяжней. Ромашки опускают свои лепестки и становятся похожи на спутники, готовые взлететь над землей.

Как вечер — запахи какие-то внезапные, странные. И все жметя в кучу: дома, люди, животные. Все к свету спешат, к огню, к теплу.

И мир такой маленький делается. Вот веранда, на веранде лампа горит, вокруг лампы носятся мохнатые серые мотыльки, стучат в стекла. А дальше — темнота.

Как вечер — грустно Кате. Мысли у нее разные.

Днем — никаких мыслей. А как вечер — так мысли.

«Почему это, — думает Катя, — у других братья есть, сестры, а у меня никого?..»

Вот из дома напротив донеслось гуденье — будто улей пчелиный там. Это у Мамаевых садятся ужинать. Пять мальчиков, пять девочек — десять человек. Весело!

Сейчас десять больших ложек застучат о десять тарелок. Потом десять маленьких ложек

завзвонят о десять стаканов. А потом наступит такая тишина! Словно мать их, Фатыма, накрыла всех своих детей одним сонным покрывалом.

Как-то раз шла Катя мимо и видит: сидят Мамаевы на своем крыльце. Сидят они там тесно-тесно, тихо-тихо, а один мальчик, по имени Абдурахман, не поместился в ступеньках — он сидит на перилах. Катя удивилась, почему Мамаевы так тихо сидят, а щеки у всех двигаются. Потом она услышала шелканье и догадалась: семечки лушат.

«Почему так, — думает Катя, — их десять, а я одиночная...»

Вечером все на себя непохоже. Только что стояли у калитки клен да рябина, а теперь не разберешь, кто такие. Закутались в черные одежды, запахнули зеленые лица, переплелись ветками. А по крыше на цыпочках ходит ветер.

И представила Катя, как на крыльце у нее тесно от братьев и сестер. Как все они толкаются острыми локотками, круглыми головами бодаются. Жаркие все, как маленькие печки. Галдят, хохочут. А одного, самого бойкого, самого легкого, самого веселого — Колей зовут. И вот — его выталкивают, выпихивают все, а он — с разбегу, да в самую кучу, винтом! В самую кучу!..

— Ты с кем это смеешься, Катя?

— Ни с кем...

— Нет, я слышала, тут кто-то был, — говорит мама и выглядывает в сад.

— Никого тут, — бормочет Катя.

Но когда мама ступает на крыльцо, Катя сердито думает: «Тихо ты! На Колю наступишь!»

Мама возвращается.

— Никого. Показалось мне.

Мимоходом она прижимает к себе Катину голову. И тут же вскрикивает:

— Ой! Прогло меня чем-то!..

А это Катя — слезами — как брызнет.

Дыра в заборе сделалась сама. Соржавели до рыжей муки гвозди, и трухлявая доска упала однажды на землю.

Через дыру Катя пробиравась к дому.

Дом был старый, все у него болело.

Никто не жил в нем, никто к нему не приезжал. Все перемены, что происходили в доме и около него, происходили не от людей, а от природы и времени.

Некошенная трава окружала дом, подступала к стенам, росла на фундаменте и прокрадывалась уже на крыльцо.

Около дома Катя замедляла шаг и дышала осторожно, словно боялась кого-то спугнуть.

Потом она стояла у жаркой стены и прислушивалась. Внутри дома все время осыпалось что-то, стекло, шуршало, сползало сверху вниз, к земле.

Таинственные звуки эти были признаками медленной жизни, важной, серьезной, независимой от человека.

Катя прислонила ухо к стене. Слушая, она задумывалась о чем-то непонятном, печальном и строгом, чего ей никто не мог объяснить хотя бы потому, что она не сумела бы достаточно ясно задать свои вопросы.

А снаружи, вокруг дома, шла другая жизнь. Здесь наоборот все стремилось вверх. Чертили острые углы малахитовые мухи. Тонкие усы резкими толчками меняли свое место в воздухе, застывали, трепеща крыльями, и вновь подымались по невидимым ступеням. Короткими стрелами вылетали из-под крыши ласточки. Медленно изгибали свои послушные тела гусеницы. Бесшумные тени мелькали на белой от солнца стене. Стеклянным блеском светилась паутина. Теплые токи, подымаясь с земли, будили и покачивали эту паутину в безветренный день.

Ни одно дерево, ни один куст не отражались в окнах. Они были заколочены.

Катя не боялась старого дома. Она оставляла на его крыльце своих кукол и на следующее утро находила их там же.

Она искала в траве садовые цветы и делала из них кукольные букеты.

И букеты эти она тоже оставляла на крыльце.

В тихую солнечную погоду только очень внимательный человек мог разглядеть, что дом болен.

Иное дело в ненастье. Тогда любой прохожий, торопясь мимо и слыша скрипы, вздохи, старческое дребезжанье кровельного железа, любой прохожий оглядывался и говорил:

— Совсем одряхлел дом. Того и гляди, рассыплется...

Но в ненастные дни мама не выпускала Катю на улицу.

Пошла Катя на Зеленую гору, за цветами. На Зеленую гору быстро не поднимешься — высокая, крутая. Зато видно с нее далеко. Поселок видно, цементный завод видно, речку, озеро, лес. И дымок паровозный, что поныхивает среди леса. И полосу, где земля закругляется.

Когда в поселок приезжают гости, их ведут на Зеленую гору, хвастать местной красотой.

Покуда Катя взбиралась на гору — поднялся ветер. В ушах свистит, слезы из глаз вышибает, норовит спихнуть с горы.

Катя рот открыла, а ветер не долго думая и влетел. Ни вздохнуть, ни охнуть. Еле дух перевела.

Ну, взобралась понемногу. Села. Отдыхает. Видит Катя на горе двух братьев Мамаевых — Гизара и Абдурахмана.

Братья рядышком стоят, машут руками. Рубашонки на них пузырем. Трещат рубашонки по всем швам, грозятся улететь.

А братья — животы мячиками — кричат: «Эй, улетим! Улетим, Эй!»

И подпрыгивают, чтоб ветру легче было поднимать их.

Ветер не спешит. Помаленьку, полегоньку набирает силу. Хотя он и ветер, хоть и богатырь, а все же поднять двух братьев Мамаевых и унести их за реки и озера — тоже не просто.

Тут Катя пожалела, что она не мальчик, что нет у нее такой же клетчатой рубашки — парусом за спиной...

Прижала она платье к бокам и глядит, как братья Мамаевы готовятся улететь.

Дунул ветер посильней — залепил глаза волосами. Только она руки отняла — волосы поправит — как он звовет платье над головой! Как закрутит штопором!..

Братья Мамаевы кричат: «Эй, летим! Летим, Эй!»

Погодите! Не улетайте!

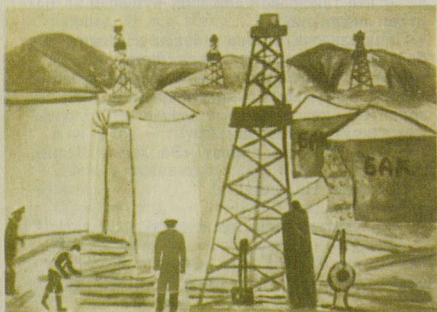
Вот обидо.

Они летят, а она не видит.

НЕФТЕХРАНИЛИЩЕ. Муса Мамедов

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

НЕФТЯНИКИ. Шахпеленг Мамедов

Прошлым летом я жил в селении Бильгя, недалеко от Баку. Апшеронский полуостров Азербайджана. Выжженная солнцем земля. Пески и виноградники. В это время жара стояла особенно невыносимая. Не помогало даже море. Душно было даже ночью. И вот здесь я познакомился с братьями Мамедовыми, а вы познакомьтесь с их работами на этих страницах. Обычно это большие листы — ребята любят размахнуться. Они любят краску, цвет, как настоящие живописцы. Цветом передают они настроение, состояние. Композиции у них лаконичны и выразительны. Пока трудно отдать какому-либо брату предпочтение. Джавиду — 14 лет, Шахпеленгу — 13 лет, Муса во втором классе. Младший еще в школу не ходил, а уже с братьями участвовал на выставках. Часто бывает, художник робеет перед чистым холстом, листом бумаги, а вдруг не получится, боязно начинать. Творческая смелость детям свойственна, но разные бывают результаты. У братьев всегда интересно получается. Посмотрите, сколько настроения, национального южного колорита в пейзаже с деревом! Это родной край, ни с какой другой землей не спутаешь. Юный художник наблю-

дателен, композиция у него ясная, цвета крепкие и глубокие. Поэтичная картина. Или — машина с трубами: опять же выразительно! Предмет, как говорится, взят в упор, восхищенно, смело и уверенно. Смотрите, мол, вот вам портрет машины — горит на солнце красным огнем, такой она мне представилась, и такой я ее изобразил. И действительно, залюбуешься: ярко представил и ярко изобразил. Иной до мельчайших деталей, подробностей машину разрисует, а смотреть неинтересно, нету никакого впечатления. Значит, художник подходит к изображаемому предмету вяло, не восхищался натурой, а так себе, бездушно рисовал... Вот и получается, что главное для художника — восхищение и даже удивление.

Очень важно, ребята, кто любит рисовать, «хочет стать художником, удивляться, восхищаться окружающим миром и пронести это качество через всю жизнь. Таким человеком, в свою очередь, восхищаются, поздравируют его от души и говорят: «Этот человек сумел остаться художником». То есть никакие жизненные трудности, долгие годы учебы, не притупили основного, первого, непосредственного отношения к природе, к людям, качества так необходимого художнику, а наоборот, добавили мастерства, умения, широты и смысла.

Пожелаем братьям Мамедовым того же. Трудолюбия у них хватает. И сильная жара не делает их ленивыми. Они всегда с удовольствием много рисуют и пишут красками, участвуют на выставках детского творчества у себя в республике, в Москве, за рубежом: в Канаде, Иране, Японии... У братьев много премий, грамот. Они отличники в школе.

Виктор Голявкин

КОЛОДЕЦ. Муса Мамедов

НА ДРУГОЙ ПЛАНЕТЕ

Джавид Мамедов

ДВОРИК. Шахеленг Мамедов

Сотрудник медицинского института
дает задание кружковцам

Н. Визуков

Фото
автора

В радиотехнической лаборатории

Зта дружба родилась, когда четыре начала. Точнее было бы теперь назвать ее сотрудничеством.

И начиналось оно так.

Пришел в Свердловский Дворец пионеров Анатолий Петрович Боярский, заведующий кафедрой в Медицинском институте.

Ему необходимо было исследовать ребят — их внимание, работоспособность, реакцию. Это входило в задачи его научной работы.

Похлопал Анатолий Петрович по коридорам, заглянул в кабинеты, мастерские.

Больше всего в этот день работало ребят в радиотехнической лаборатории. С ней он и решил начать свои исследования.

Вошел, поздоровался.

Ребята почти не обратили внимания на незнакомого человека. Мало ли людей приходит к их руководителю Борису Ми-

хайловичу. Чинист гибкость же медленнее и медленнее, а потом и никаких сил нет согнуть его.

Все колебания грузика записываются на ленту, законченную на свечке.

Потом Анатолий Петрович рассматривает ленту и считает по записям, сколько раз грузик поднялся на самую большую высоту, сколько — на высоту меньшую.

Часа два, а то и три сидит Анатолий Петрович, расшифровывая записи на ленте.

Посмотрел Борис Михайлович на его работу да и предложил:

— Хотите, ребята сделают вам такой прибор, что считать совсем не придется?

Улыбнулся Анатолий Петрович:

— Неужели сделают?

— Мон-то? — переспросил Борис Михайлович. — Конечно!

— Ну что ж... Попробуйте, — сказал Анатолий Петрович.

схемам, — усмехнулся Борис Михайлович.

Однажды кто-то спросил: — А не годится ли велосипедный счетчик?

Сразу нашлось возражение: — Кто же крутит этот счетчик будет? Ты? Палец?

Зачем пальцем? Палец будет поднимать грузик, как положено. А реле будет крутить счетчик. Поднял один раз — грузик, реле — щелк! — и перескочило на одну цифру счетчика...

— А ведь верно, ребята! В этот день сидели допоздна.

Закончили схему. Аккуратно нацертили ее на листе ватмана. Подготовили детали. Прибор решили собирать завтра.

...Назавтра в кружок заглянул Боярский.

— Как дела?

— Придумали, Анатолий Петрович!

— Покажите!

Ребята развернули на столе схему.

Трудно сейчас сказать, что подал идею поставить несколько счетчиков. Одни счетчики работали, когда палец, еще не уставший, мог сгибаться до конца. Когда палец слабел, включались другие счетчики. А третьи считали уже едва заметные сгибания пальца. Всего пять счетчиков. Потом Борис Михайлович предложил поставить контрольный счетчик: для учета количества сгибаний пальца.

Добились главного — не нужно считать на законченной ленте большие и маленькие зубчики, нарисованные пером самописца. Стоит глянуть в окошко прибора, видно: 130 сгибаний сильных, 85 — слабее, 37 — еще слабее и 16 совсем слабых. А всего 268!

Вот только сам прибор получился некрасивым и громоздким. На доске укреплены реле и счетчики, лажим для руки, путаница проводов — чуть ли не целый стол.

Радиуправляемая модель катера —
экспонат ВДНХ

Этой железной дорогой
можно будет управлять голосом

Перед стартом

ОНИ НАЧИНАЮТ СВОЙ ПУТЬ

Боярский покачал головой:

— Не пойдет.

— Почему?

— Да потому что пальцы не могут сгибаться все время с одной и той же силой. Они устают и сгибаются не до конца. У вас же счетчик работает только тогда, когда пальцы сгибаются полностью. Мне нужно считать даже неполные сгибания.

Ребята приуныли.

Задача показалась неразрешимой.

Прибор будто бы говорил: «Пятьдесят лет никто меня не трогал, не справитесь со мной и вы».

Однако отступать некуда. Обещание надо выполнять. Надо работать.

Пять человек принялись за эрзограф. Прибыли Володя Поликанов и Олег Терехов.

Было видно, что не поверил эрзографом ученые пользуются уже больше пятидесяти лет. И никто за это время не решился менять его конструкцию.

Борис Михайлович собрал ребят.

— Вот задание. Думайте!

За проектирование прибора взялись Коля Колнов, Валера Стеценко и Коля Салтанов.

Думали. Чертили схемы. Рисовали будущий прибор. Спорили.

Долго ничего не получалось. Нелегкая задача. Некоторые сомневались.

— За это время хороший магнитофон собрать можно. А тут какой-то эрзограф...

— Магнитофон — для забавы. А эрзограф нужен ученым для работы. Впрочем, я нико-

го не желаю. Не хотите думать сами — работайте по готовым

хайловичу. Тому деталь какая-то понадобилась. Другому совет — как смонтировать схему. Кажется, что Борис Михайлович знает все на свете. Спроси о радиоприемниках — объяснит. Плохо пишет магнитофон — наладит.

Поговорил Боярский с Борисом Михайловичем, потом к ребятам подошел.

Интересовало его, как быстро у ребят устают руки во время работы.

Правильно эрзограф, прибор такой. Грузик на тонком шнурке. Шнурок через блок перекинут. На другом конце шнурка — петля. Надевешь эту петлю на палец и дергаешь грузик. Анатолий Петрович смотрит на секундомер и командует: «Быстрее!», «Медленнее!»

Вроде совсем небольшой грузик, но уже через несколько минут палец так устает, что на-

С той поры между кружковцами и учеными завязалась дружба.

Ребята по заданию института усовершенствовали таблицу Платонова.

Улучшили координиметр.

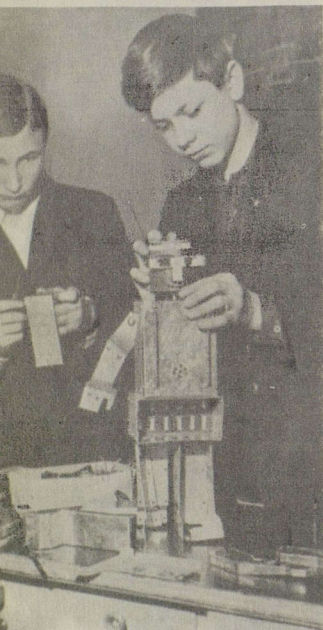
Разработали систему сигнализации для медицинского мамометра.

Сейчас Коля Копнов учится в Уральском Политехническом институте на математико-механическом факультете.

Валера Стеценко там же на радиотехническом.

Коля Салтанов весной закончил десятый класс.

В прошлом году во Дворец пионеров приехал из Москвы представитель ВДНХ. Осмотрел приборы, построенные ребятами, прочитал отзывы. Долго о чем-то беседовал с Борисом Михайловичем.

Рождение робота

И разнеслась по Дворцу весть:

— Эргограф забирают на выставку!

Борис Михайлович посмеялся:

— Ну, братцы, придется вам строить второй эргограф для Боярского. Не может же он оставаться эксперимент!

...Я пришел в лабораторию, когда ребята работали.

За одним из монтажных столов сидел Коля Салтанов.

— Коля, — спросил я. — Вот когда вы делали для выставки эргограф, вы не думали, что получите за него диплом?

Он посмотрел на меня с удивлением.

— Во-первых, мы никогда не думали, что прибор попадет на выставку. А во-вторых, мы вообще ничего не делаем специально для выставки. Мы делаем то, что нужно институту...

Он отодвинул пальцем рукав пиджака и посмотрел на часы. Золотисто блеснул корпус новенького «Востока». Видимо, он давал понять мне, что времени на разговоры у него не так уж много.

...Борис Михайлович Грамолин открыл шкаф и показал мне деревянный лакированный ящик с никелированными рычагами на крышке.

— Знаете, что это?

Я осматривал прибор. Пожал плечами.

— Первый раз вижу такую штуку.

— Это один из первых отечественных магнитофонов образца 1947 года. Рычаги откидываются в стороны, и на них ставятся кассеты с пленкой. Вот с этого ящика мы и начинали. Была у нас пустая комната и этот магнитофон. Теперь даже не могу припомнить, кто нам его подарил... А старичок работает до сих пор. Звук, конечно, плывет, не то что у современных... Но все-таки дышит...

Он похлопал по стенке ящика ладонью.

— Вы обратили внимание на часы Коли Салтанова?

— Да, прекрасный новый «Восток».

— Это премия ВДНХ за разработку схемы эргографа. Часы и медаль участника выставки.

...На стене коридора, против двери в лабораторию — стенд.

Крупные красные буквы: «ОНИ ЗАНИМАЛИСЬ В КРУЖКАХ»

Фото ребят за монтажными столами и в мастерских.

Роберт Тетерин. Работал в кружке четыре года. Конструкции его получали на выставках дипломы, отмечались грамотами и ценными подарками.

После школы Роберт поступил в Уральский Политехнический институт на радиотехнический факультет. Сейчас он — старший преподаватель на радиофаке. Однако не забывает Дворец пионеров. Часто приходит в лабораторию, помогает ребятам работать над новыми конструкциями.

Володя Владимиров. В авиамodelьном был с 7-го по 10-й класс.

Постоянный участник городских, областных и всесоюзных соревнований. Окончив школу, поступил в Московский авиационный институт. Сейчас он инженер-конструктор.

Герман Филиппов. В радиолaborатории с 6-го по 10-й класс.

Любил строить сложные радиолы, магнитофоны и измерительные приборы. Участник городских, областных и всесоюзных выставок. После школы Гера поступил в Уральский Политехнический институт на радиофак. Студентом преподавал в кружке Дворца пионеров. Сейчас — инженер на заводе.

Эти трое — из многих.

Каждый год в радиокружок Свердловского Дворца пионеров приходят новые ребята...

ПРОИСШЕСТВИЕ В ОКЕАНЕ

РАССКАЗ

Юрий Леушев

Рисунки С. Острова

— Тунец! — воскликнул Ухвatin, останавливая ярусоподъемник. Старшина бота Кряжев заглушил двигатель. По инерции «Семерка» продолжала медленно продвигаться вперед.

Я схватился за поводец, и в тот же миг чудовищный рывок чуть не сбросил меня за борт. Промелькнуло сомнение — да тунец ли? Так отчаянно рвала скорее акула или гигантская рыба-меч. Но радостно заколотившееся сердце подсказывало: тунец! Бригадир еще не ошибся ни разу. У него был на рыбу поразительный нюх. Охлопывая ладонью выходящий из воды перемет, он, по степени натяжения снасти и по чуть заметным толчкам, даже метров за триста безошибочно мог угадать, кто попался на третий, пятый или десятый крючок.

Упираясь ногами в палубу, я стал осторожно подтягивать рыбу. Сулягин с Эдиком, сжимая в руках багры, подались мне на помощь. Мы дружно напрягли мышцы... Да, и на этот раз бригадир оказался прав. Огромный тунец,

тяжело, словно заводная игрушка, проскакал по палубе и стих, будто в нем, и в самом деле, кончился завод. Густо-синяя спина заиграла на солнце. С серебристого бока стекали струйки воды.

Мы столпились вокруг не в силах поверить неожиданной удаче. Кряжев сбил на затылок свою роскошную фуражку. Эта фуражка служила нам чем-то вроде барометра. По ее положению на круглой голове старшины мы определяли его настроение.

Ухватив пнул рыбину носком сапога.

— Кабанок! Еще бы таких парочку и полный ажур.

Я про себя усмехнулся. Все ему мало! Четверть часа назад нам казалось, что мы вообще погорели. Уже почти вся снасть была на борту, а до выполнения плана все не хватало центнера рыбы. Просто чудо, что на предпоследний крючок клонул этот кабанчик. Теперь спасительный центнер лежал перед нами.

Солнце, все еще продолжая нещадно палить, быстро скатывалось к узкой полоске земли, чуть видневшейся вдалеке. Налетевший предсумеречный ветерок сморщил поверхность воды, только что слепившую глаза клееночным блеском. Неподалеку от нашего бота рыбаки-африканцы с лодок ловили удочками мелких тунцов.

Эдик вытянул из воды ярко-красный радиобуй, укрепляемый на конце снасти; Сулягин принялся скатывать палубу, а старшина полез в рубку.

Раз-другой взвизгнул стартер, но двигатель почему-то не заводился. Из крохотного камбуза, с недооппанной курицей в руке, высунулся моторист Перепечко. В тот день он был ватной «тетей Фросей».

— Нема топлива в расходном бачке, — прислушавшись, сказал он и, бросив курицу в таз, нырнул в машинное отделение.

Несколько минут было тихо. Потом снова заработал стартер. Он то смолкал, то взвизгивал опять, постепенно его жужжание становилось все тише, все глуше, пока наконец не смолкло совсем.

— Посадил батарею! — догадался Кряжев, меняясь в лице.

Из машинного люка показалось расстроенное лицо Перепечко.

— Дюже поганая батарея, — поморщился он, — давно бы ее за борт списать...

— Это тебя надо списать с бота! — выкрикнул бригадир, наступая на Перепечко. — Ишь чего натворил! Или забыл про «Единицу»?

Перепечко умолк, потупив глаза. Старшина мрачно нахлобучил фуражку на лоб. Мы все обернулись к океану. Каждый думал о печальной судьбе «Единицы» — боте-другой тунцеловной флотилии, промышлявшей с нами по соседству. На ней точно так же вышел из строя движок, и течение и ветер вынесли бот на

Большую морскую дорожку. Эта оживленная магистраль, с той поры, как закрылся Суэцкий канал, пролегла совсем рядом с районом, где работали тунцеловы. Днем и ночью с севера на юг и с юга на север мимо крошечных тунцеловых суденышек проносились танкеры, транспорты, пассажирские теплоходы. Вынесенная под острые их форштевни «Единица» оказалась в положении мальчишки, выкатившегося на трехколесном велосипеде на проезжую часть улицы, под колеса мчащихся автомобилей...

Трое суток флотилия прочесывала океан. Неустанно крутились локаторы. Десятки глаз обшаривали каждую волну. На четвертую ночь луч прожектора натолкнулся на какой-то предмет. Это был спасательный круг с привязанным к нему судовым журналом пропавшего бота...

Теперь и мы могли разделить участь «Единицы». Кряжев пощелкал выключателем ради. Но она не подала признаков жизни. Ей была нужна энергия от движка, а чтобы его запустить, требовалась хорошая батарея.

— Перепечко, — вдруг толкнул старшина моториста, — а от их батарей мы движок не толкнем? — он кивнул на рыбаков-африканцев.

— Ну, а як же! Толкнем! — обрадовался моторист. — Чи наша, чи ихняя батарея — все одно ток дае.

Мы воспрянули духом и энергично замахали руками, стараясь привлечь внимание рыбаков. Кряжев пустил ракету. Эдик приладил к багру оранжевую куртку и, вскарабкавшись на рубку, завертел самодельным флагом над лодкой. Один лишь Ухвatin в этом деле остался безучастным.

— Нашли дураков, — пробурчал он, — так они вам и бросят рыбалку! — и, вытянув клубок капроновых ниток, он уселся на трюм и принялся вязать. Он вечно вязал — то мочалки, то сумочки, то рыболовные сетки, благо на этот товар всегда был спрос на плавбазе.

Он, однако, ошибся. На одной из лодок заметили наши сигналы, и она уже приблизилась к «Семерке». В ней было четверо: у мотора — кучерявый толстяк-европеец, двое негров, пристав с банок и поблескивая белками, разглядывали наш бот, и худощавый старик — у руля. Он был, видимо, старшим. Едва лодка, прощурив бортам о навешанные вокруг «Семерки» автопокрышки, остановилась, старик со швартовным концом в руке перепрыгнул на палубу бота.

Это был странный старик. Его сморщенное, потемневшее от загара лицо и шею пересекали глубокие шрамы. Правое плечо было как-то странно давлено в бок, словно старик всю жизнь таскал на нем тяжелые камни. А когда он, сжав руку в кулак, поднес ее к серебряному виску в ротфронтском приветствии, мне в

глаза бросились на его пальцах вместо ногтей фиолетовые рубцы.

— Здравствуй, товарищ! — почти совсем правильно произнес старик.

От неожиданности Ухвatin опустил на колени свое рукоделие. Эдик выпучил глаза, а Сулягин, не удержавшись, ахнул:

— Гляди-ка, по-русски чешет!

— Салют, папаша, салют! — старшина протянул старику руку. — Понимаешь, какая беда... Вот, если не возражаешь, мы толкнем наш движок от твоих батарей?

— Здравствуй, товарищ, — повторил рыбак, приветливо улыбаясь.

Лицо старшины стало вытягиваться. Ухвatin напряженно моргал. А Эдик заливисто рассмеялся.

— Да он всего два русских слова и знает! Ну, дает дед-юморист!

— Но хьюморист, — посерьезнел старик.

— Но, но хьюморист, — затряс львиной гривой сидевший в лодке толстяк, внимательно следивший за происходящим на боте, и, ткнув пальцем в старика, он многозначительно поднял кустистые брови. — Коммунисто!

— Си, си,* — согласно кивнул старик и что-то быстро залопотал.

Мы усталились на Эдика. Парнишка пришел к нам из школы и наверно не забыл еще иностранный язык. Но он только растерянно развел руки:

— На испанском он вроде, а я только по-английски кумекаю. — И, легонько дотронувшись до локтя рыбака, он сказал: — Ай донт андерстенд спаниш, телл ми инглиш, плиз.**

— О, йес!*** — тотчас согласился старик.

Эдик, покраснев от напряжения и сморщив веснушчатый нос, вслушивался в его речь, а затем, спотыкаясь, перевел:

— Говорит, что он испанский коммунист... сражался против фашистов... Вроде он говорит, что у него тогда было много русских друзей...

— Ха! Развесили уши! — вмешался Ухвatin. — Знаю я их! Шаромыги!

— Йес, товарищ, — улыбнулся беззубым ртом старик и принялся расстегивать застегнутую, когда-то, видно, синюю куртку. Отвернув лацкан, он отщепил приколотый с внутренней стороны какой-то значок и вытянул руку. На смуглой ладони лежал металлический кружок с выдавленной звездочкой и кудрявой мальчишеской головкой. Эмаль выкрошилась из лучей, но это был самый настоящий октябрьский значок. Я сам когда-то носил точно такой же! Откуда он у испанца?

— Он говорит, что этот сувенир ему подарил русский друг, с которым они вместе сра-

жались под Гвадаррамой, — словно прочитав мои мысли, перевел Эдик.

— Нашел где-нибудь на дороге... — хмыкнул Ухвatin.

— Заткнись! — не сдержался я.

Тем временем Перепечко успел побывать в лодке и с кислой миной подошел к старшине.

— Ни, — он покачал головой, — от их батарей не запалишь нашу бандуру. Дюже маленьки.

— А уж скоро стемнеет, — Эдик с тревогой поглядел на свои модные часы «Ракета», которыми то и дело искося любовался.

Наконец старшина вытащил записную книжку, набросал на листке несколько строк и, вырвав листок, протянул его старику, одновременно обращаясь к молодому матросу:

— Потолкуй-ка с ним, Эдик, может, сгоняют они с этой запиской на нашу плавбазу. Часа за три управятся.

Старик молча выслушал, кивнул, и, бережно спрятав значок, взял записку. Затем прыгнул в лодку и принялся что-то объяснять товарищам. Толстяк сразу закипятился, быстро-быстро затараторил, отчаянно жестикулируя и указывая пальцем то на едва прикрытое уловом дно лодки, то на берег, то принимаясь пилить себе горло.

— Ишь, говорит, секир башка им будет, если домой без рыбы вернутся, — догадался Сулягин.

— А ты думал — за такое по головке погладят? — усмеялся Ухвatin.

Старшина повернулся ко мне.

— Ну-ка, слазь в трюм да подкинь им рыбешку. Небось сразу повеселеют!

Я шагнул к трюму. Но мне навстречу, загоровив дорогу, поднялся бригадир.

— Не, — он замотал головой. — Не пойдет. Я на то не согласный.

— Да пойми, нам сейчас не до жиру, — урезонивал его старшина. — Если они не пойдут, мы пропали.

— Несогласный я, — упрямо повторял бригадир. — Что я — этих прохиндеев не знаю? И без рыбы останемся, и толку все одно никакого.

— Ну, хватит валять дурака! — я попытался отсчитать бригадира от трюма. С другой стороны к горловине придвинулся Сулягин. Вдвоем мы взялись за крышку трюма. Поблуднев, со сжатыми кулаками, Ухвatin впрыгнул на крышку.

— Несогласный и все тут!

— Прекрати! — покосившись на лодку, тихо произнес Кряжев. — Я приказываю отдать рыбу!

В это время в лодке затарахтел мотор. Старик взялся за руль и махнул в сторону мыса, где на нашу плавбазу с парохода «Урал» перегружали провизию и снаряжение.

— Ай шелл гоу бэк!

* — Да, да (по-испански).

** — Я не понимаю испанского, говорите, пожалуйста, по-английски

*** — О, да.

— Он сказал, что вернется, — перевел Эдик и взглянул на часы.

Лодка быстро удалялась. Выстроившись вдоль борта, мы смотрели ей вслед. По-прежнему зеркально блестел океан. Со стрекотом проносились мимо бота стаи летучих рыбок. Время от времени из воды вылетали гигантские скаты-манты. С их белоснежных брюх свисали лианы прилипал. Стараясь сбить присосавшихся паразитов, манты подскакивали в высоту и гудко шлепались в воду, поднимая фонтаны брызг...

Прошло часа три. Солнце давно спряталось за горизонтом. Стемнело. В небе зажглись крупные звезды. Чуть теплился волосок переносной лампочки, укрепленной мотористом на мачте.

— Ну, где ваш посланец? — с насмешкой в голосе спросил Ухвatin, продолжавший вязать при тусклом свете луны.

Ему никто не ответил. Мы сидели на пригтовленном спасательном плотике и, теребя завязки пробковых жилетов, надетых по приказанию старшины, с тревогой глядели в темноту. Совсем рядом проносились огни. Бот вынесло на Большую морскую дорогу. Заметив на пути огонек, пароходы испуганно шараялись в стороны. Все мы думали об одном:

что будет, если на каком-нибудь из судов зазеваешься рулевой?

— Да, пора бы... — неуверенно произнес Эдик, поглядев на часы.

— Ха! — сердито гмыкнул бригадир. — Ждите, ждите у моря погоды.

— Из-за тебя все! — не выдержал Сулягин. — Если б дал им тунца, они бы давно тут были!

— Как же, были бы! — ответил бригадир. Болтовня бригадира раздражала меня. Я был уверен, что старик не мог обмануть. И в его искаленном теле, и в лице, и в темных внимательных глазах было что-то такое, что невольно внушало к нему уважение. Напрягая зрение и слух, я глядел в океан.

— Огонек вроде, — вдруг неуверенно произнес Эдик, подаваясь вперед.

— Где, где?

— Врешь!

— Померещилось! — загалдели наперебой.

И тут я тоже заметил вдалеке светящуюся точку. Огонек приближался, а через некоторое время до слуха донесся стук двигателя. Мы стояли не шелохнувшись.

И вот, наконец, лодка выплыла из темноты. Старик выбрался к нам на бот и с видом бойца, выполнившего ответственное задание, протянул старшине записку. Кражев подался к лампочке. «Посылаем вам новый аккумулятор.

«Двойка» с «Шестеркой» снимаются на по-мощь», — торопливо прочитал он.

Вздых облегчения пронесся над палубой. А Эдик с Сулягиным уже тащили новую батарею. Визг стартера заставил всех нас насторожиться. Неужели снова не заведется? Но двигатель, фыркнув и обдав запахом гары, застучал ровно и четко, как сердце спортсмена. Вспыхнуло палубное освещение. Загорелись отличительные огни — с правого борта зеленые, с левого — красный. Заурчала рация, и казавшееся безжизненным суденышко ожило.

Мы окружили старика.

— Вот это дед так дед! — воскликнул восторженно Эдик. Внезапно снял с руки и протянул испанцу свою модную «Ракету».

— Но, но, — запротестовал старик.

— Да чего там, папаша, бери, — настаивал Кряжев и, сняв роскошную фуражку, надел ее на голову рыбака. — Если б не ты, кто знает, чем закончилась бы эта петрушка.

Однако старик решительно замотал головой, лицо его стало серьезным. Он поднес указательный палец сперва к груди старшины, потом к своей и, сказав: «Ты — товарищ, я — товарищ», быстро заговорил по-английски.

— Обижается он, — перевел Эдик, — говорит: мы рабочие и он рабочий, а рабочие всех стран должны помогать друг другу...

— Си, си, — согласно кивнул старик.

В этот момент мой взгляд упал на Ухватуна. Бригадир неподвижно стоял возле трюма. Лицо его выражало растерянность.

Старик крепко пожал всем руки, прыгнул в лодку и оттолкнулся от бота...

— Стой! — вдруг закричал бригадир. — Сто-ой, я говорю! — он сорвался с места, подбежал к трюму, быстро откинул крышку и прыгнул вниз. Почти тотчас же в люке показалось рыло нашего заветного «кабанчика».

Мы замерли в недоумении.

— Ну, чего уставились! А ну, подсобляйте быстрой! — бригадир хрипел от натуги.

Я опомнился первым и поспешил на подмогу Ухватуна. За мной последовал Эдик с Сулягиным. Мы вытащили тунца и, раскачав как бревно, сбросили в лодку. Лодка грузно осела.

— Альбакоре!* — воскликнул кудрявый толстяк, словно не веря в происходящее.

— Альбакоре! — радостно подхватили оба негра, бросаясь ощупывать рыбину.

Я перевел взгляд на Ухватуна и впервые увидел, как он улыбался.

— Черт с ней, с премией! Может его, — он кивнул в лодку, — как без рыбы вернется, с работы турнут. Там ведь запросто...

Лодка отвалила от борта. Я глядел вслед старику. Одной рукой он держал руль, а другая, сжатая в кулак в ротфронттовском приветствии, застыла возле виска.

По волшебной лестнице

ИЗ РАССКАЗОВ О ФОЛЬКЛОРЕ

Вл. Бахтин

Рисунки К. Претро

ы, конечно, знаешь русские народные сказки, песни, частушки. Но знаешь ли ты, когда они родились, в какую эпоху?

На этот вопрос коротко не ответишь, потому что каждый жанр и даже каждое произведение устного народного творчества имеет свою историю. Но мы попробуем сегодня разобраться в этой истории, вернее, в четырех таких историях. Спустимся, как по ступенькам лестницы, в глубь времен.

Сначала на одну ступеньку. Вот частушка:

Провожал меня один
До березовых лядин*,
Раз пятнадцать побожился,
Что у батюшки один.

Если спросить сегодняшнего школьника: а почему клялся парень, что он единственный сын, какое в этом достоинство, школьник, вероятно, затруднится ответить. А объяснение простое: до революции земля была частной собственностью, и наследники делили ее между собой. Чем больше детей, тем меньше приходилось на долю каждого наследника. Единственный сын

* Альбакоре (исп.) — тунец.

* Лядина — заросль, лесок.

получал весь отцовский надел и потому считался в деревне завидным женихом.

Когда могла возникнуть такая частушка? Очевидно, до Великой Октябрьской революции, которая объявила землю общественным достоянием. Не могла она появиться и до отмены крепостного права, когда не только земля, но и сами крестьяне принадлежали помещику. Значит, частушка эта родилась где-то между 1861 и 1917 годом.

Спустимся еще на одну ступеньку. Возьмем забытую старую песню.

*Ой, хорошо житье лакеям
На боярском на дворе.
Они пашенки не пашут
И оброка не дают.
Ох, они пашенки не пашут
И оброка не дают,
И оброка не дают,
Косы в руки не берут.*

*Куда пошлют — беги скоро,
Чтобы дело было скоро.
Засмотрелся, застоялся,
С сударушкой повиделся,
Оглянулся назад,
Сзади палочкой грозят.
Воротился домой —
Кафтанишко с плеч долой,
На конюшню ведут,
Сзади палочку несут.*

Сразу можно сказать, что эта песня появилась в условиях крепостного права.

Есть такой замечательный двухтомный «Этимологический словарь русского языка» А. Г. Преображенского, в котором объясняется

происхождение многих тысяч слов. О слове «лакей» сказано, что оно французское, пришло в немецкий язык в XVI веке, а из немецкого — в русский; является новым заимствованием (новым — значит, не ранее эпохи Петра I, то есть начала XVIII века).

Иногда бывает, что на протяжении десятилетий и столетий текст фольклорного произведения меняется, одни слова и образы забываются, другие приходят на их место. Здесь слово «лакей» вряд ли появилось позднее, чем сама песня: песня как раз и построена на противопоставлении лакейской жизни и крестьянской, как бы спорит с крестьянином-слушателем, что лакею живется ничуть не лучше.

Итак, о времени создания этой песни мы тоже можем судить довольно определенно: от середины XVIII до середины XIX века (вначале должно было пройти какое-то время, чтобы слово «лакей» прижилось на русской почве, стало привычным, а в 1861 году, как вы помните, крепостное право было отменено).

А теперь давай опустимся на несколько ступенек сразу, лет этак на семьсот.

*Да из Орды, Золотой земли,
Из той Мангазеи богатой,
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович,
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою.
Не дошел он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Днепра.
Сбиралось с ним силы на сто верст,
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от кониного
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видеть луча света белого...*

...Сиделс Калин на ременчат стул,
Писал ярлыкы скорописчаты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру...

Так начинается былина «Калин-царь». Не нужно быть специалистом-ученым, чтобы догадаться: речь в этой былине идет о нашествии монголов. Несметная конница осадила Киев (какие яркие художественные образы найдены здесь: «Зачем мать сыра земля не погнетса? Зачем не раступитса?...»).

При переходе фольклорного произведения от одного исполнителя к другому, от одного поколения к другому, как уже говорилось, могут возникать дополнения, выпадать места неясные, вставляться новые имена, названия. Вот здесь очевидно, что строка о Мангазее — позднейшая. Мангазея — русское торговое поселение, основанное на севере Сибири в 1601 году.

Надо полагать, что и Золотая Орда здесь — воспоминание о более поздних временах: ведь это государство на Волге как раз и появилось в результате монгольского нашествия.

Все остальное в этой былине ведет нас в Киевскую Русь.

Мы хорошо знаем слово «ярлык». Но былина употребляет его не в современном значении «этикетка», а в старинном, первоначальном значении — «грамота, указ татарского хана». Это значение, точнее, само это слово пришло на Русь вместе с монголами в XIII веке.

По былинам можно составить описание Киева. Он был окружен городской (городской) стеной, а по углам стояли наугольные башни.

«Перескочи через стену городовую, через ту башню наугольную», — говорит в одной из былин предводитель вражеского войска Батый своему послу.

Ты, возможно, бывал в каком-нибудь старом русском городе — в Новгороде, Пскове, Смоленске, московский Кремль видел — вот там как

раз такие стены и такие башни. Вначале они были деревянные, а потом каменные.

Князь жил «в тереме златоверхом, в палатах белокаменных».

Вспомним, какое оружие имеют богатыри: тугой лук, стрелочки каленые, копье, палицу, иногда саблю, кинжал (чинжалище) булатный. Огнестрельного оружия былина в общем-то не знает, хотя оно появилось на Руси достаточно давно (артиллерия, например, впервые была применена войсками Дмитрия Донского в 1389 году).

И еще одно интересное наблюдение сделали ученые. В былинах все бои с врагами проходят в степи, в чистом поле. В степи, на богатырской заставе, стоят богатыри и охраняют Русь. Помнишь картину Васнецова «Три богатыря»? Степной пейзаж — самый устойчивый пейзаж в былинах. Значит, в тех местах и родилась былина, там жили первые слагатели и певцы былин.

Застава богатырей напоминает нам и о временах, предшествовавших татарскому нашествию, о многовековой борьбе наших предков со степными кочевниками — печенегами, хазарами, половцами. Один из врагов в былинах — Тугарин Змеевич. Имя его восходит к имени половецкого хана Тугорхана.

С севера и с востока к Киеву подходили дремучие леса. Первые подвиги Илья Муромец совершил в таком лесу — взяв в плен Соловья Разбойника, очистил прямоезжую дорогу на Киев, которая за тридцать лет совсем заросла лесом.

«В некотором царстве, в некотором государстве...»

Эти слова — как позывные перед футбольным матчем: только услышишь — сразу знаешь, что дальше будет. Дальше будет сказка.

Сказки бывают разные. Есть волшебные, или фантастические. Тут действуют необычные герои — Баба-Яга, Кашей Бессмертный, чудесные предметы — ковер-самолет, скатерть-самобранка. Есть сказки о животных, похожие на наши басни. Есть сказки бытовые. В них речь идет о жизни дореволюционной России — о барине и попе, о поповом работнике, о бедном мужике, о солдате. Бытовая сказка самая молодая. Волшебная зародилась так давно, что... ни в сказке сказать, ни пером описать.

Былина возникла в земледельческий период жизни народа. Илья Муромец чаще всего — крестьянский сын. В былинах опозитизирована работа крестьянина. Помнишь Микулу Селяниновича?

А в волшебных сказках отражен более ранний этап, когда люди еще не знали земледелия, занимались охотой, собирали съедобные корни, искали в лесу мед диких пчел.

В 1525 году русский царь Василий Иванович отправил посольство в Рим, к папе Клименту VII. В числе послов был Дмитрий Герасимов, человек очень образованный, знавший несколько языков, отличный рассказчик.

Итальянский историк Павел Иовий Новокомский написал книгу об этом посольстве, о России, во многом основанную на рассказах Герасимова. В книге Новокомского находим и сказку. Это первая запись русской сказки, сделанная почти 450 лет назад. Не удивляйся, что форма ее не совсем сказочная — ведь это пересказ того, что рассказал Герасимов, переведенный сначала с русского на латинский язык, а затем, позднее, переведенный обратно с латинского на русский. Не удивляйся и тому, что здесь повествуется как бы о действительном бытии — это часто бывает в сказках.

О ПОСЕЛЯНИНЕ И МЕДВЕДИЦЕ

Посол московский Дмитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех при-

сутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть ушей путников. Напоследок же, когда он отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меда. Именно поселянин схватился руками за хвост кресте медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал.

В этом сюжете угадывается старая основа, связанная с древнейшим занятием славян — бортничеством, то есть сбором меда диких пчел.

Сказки этого типа сохранились и до наших дней. Но в сказках не столь давних герой обычно просто попадает в яму, в болото, в дупло и выбирается оттуда, схватившись за хвост волка или медведя.

В некоторых волшебных сказках есть такие персонажи как Солнце, Месяц (Месяц Меслянович), Ветер. Перечитай сказку, где действуют эти персонажи. Как бы ты их нарисовал? Есть ли что-то человеческое в их облике?

Дедушка-Водяной — хозяин воды. Баба-Яга — хозяйка леса, хозяйка лесных зверей. Эти образы ведут нас к представлениям первобытных людей, которые олицетворяли, очеловечивали все стихии, все силы природы.

Первобытные люди почитали зверей и птиц. Они думали, что каждое племя, каждый род происходит от какого-нибудь животного. Такому животному поклонялись. Вот почему в некоторых русских сказках действуют Орел, Сокол, Ворон Воронович — это тоже воспоминание об очень давних временах.

В те времена в каждом подрастающем мальчике видели будущего воина и охотника, и он

должен был доказать, что способен переносить любые тяготы. Его отправляли в лес и там подвергали испытаниям. Такие испытания мальчики переносили с гордостью.

История сказочного героя, преодолевающего все препятствия благодаря мужеству, находчивости, лучшим душевным качествам, повторяет, в измененном, конечно, виде схему давно забытого у нас обряда посвящения в воины, в мужчины.

По обломку кости, по одному зубу палеонтолог восстанавливает облик животного, умершего миллионы лет назад. По остаткам фундамента археолог не только способен представить, как выглядело здание, но и рассказать, какой народ его строил, как жили в нем люди. По годовым кольцам деревьев метеорологи установили, какой климат, какая погода была на земле в последние десять тысяч лет. По одной надписи языковедам удается реконструировать грамматическую систему исчезнувшего языка. А вот фольклористы, историки, этнографы с помощью обыкновенной, привычной с детства сказки заглянули в такие дали дальние, что дух захватывает...

Но, пожалуй, пора нам оставить первобытных

охотников и по нашей волшебной лестнице возвращаться в день нынешний.

Передача для детей! Ты сидишь у телевизора и смотришь, как шагает печка, как, по щучьему велению, по Емелину хотенью, за одну ночь возводятся удивительные дворцы. Сказочной Щуке — десять тысяч лет, она родственница Ворона Вороновича, Сокола и других птиц и зверей, которым когда-то поклонялись люди, но ее прекрасно понимают дети XX века. Отпустил ее Емеля на свободу, не обидел — она в благодарность дала ему могущество. Самый обиженный в семье побеждает злых и жадных. Справедливость и правда восторжествовали.

В новогодние праздники ты повсюду видишь Деда-Мороза. Да, это тот самый Морозко, Мороз, Красный Нос, страшный владыка холода. А в сказке — ты ее хорошо знаешь — Морозко с сочувствием отнесся к сироте, которую мачеха выгнала на погибель. Заботливая и трудолюбивая девочка понравилась ему. Он не только сохранил ей жизнь, но и щедро наградил. Злые, ленивые, жадные мачеха и дочь ее наказаны. И здесь побеждает самый слабый и обиженный.

Сказка учит добро, справедливости, верности, отзывчивости. И потому она никогда не устареет.

У МОНГОЛЬСКИХ ПИОНЕРОВ

Один мой знакомый из «Монголкино» говорил так: «Для нас, операторов, в году один день выходной, остальные 364 идет съемка...» Вот сколько солнца в Монголии! Здесь всего много. Снежные горы с настоящей тайгой, реки и озера, по которым ходят пароходы, безводные пустыни с песчаными барханами, а главное — широкие-широкие степи, аромат их трав невозможно забыть. Здесь на пастбищах пасутся табуны низкорослых, очень выносливых монгольских лошадей, здесь было столько еще можно встретить на воле дику «тахи», то есть лошадей Пржевальского... Вы догадались, что я люблю Монголию.

Я была в этой стране два раза, работала там так долго, что герой моего самого первого очерка — пионер Цасхижир — в конце концов, когда я уезжала недавно насовсем в Ленинград, успел окончить школу. За эти годы у меня было много знакомых среди пионеров. О каждом хотелось бы написать, но свой короткий рассказ про «монгольских пионеров» я начну с самого обыкновенного праздника в Улан-Баторе.

ПРО САМЫХ ПЕРВЫХ

В тот весенний день просторную главную площадь монгольской столицы до краев заполнили ребята. Все в красных галстуках. Девочки с яркими лентами в гладких черных косичках, мальчики в вельветовых форменных курточках с белыми воротничками. Они выстроились перед трибунами, на которых стояли члены правительства, знатные рабочие и скотоводы, зарубежные гости. «Слушайте все!» Стало очень тихо, и к микрофону подошли ребята из Центрального штаба пионеров МНР. Они начали торжественную радиопередачу, посвященную сорокалетию пионерии страны, и в ней участвовал каждый пионер

каждого самого далекого поселения Монголии.

..Весной 1925 года — как только была провозглашена в Монголии Народная Республика — в первую школу страны (она была начальной) пришли ревсомольцы, то есть члены Революционного Союза Молодежи. Они-то и организовали здесь первые отряды пионеров.

У первых пионеров Монголии было много нелегких дел. Они ходили по юртам, убеждая взрослых отдавать детей в школу. Кое-где ребят не пускали в школу потому, что не было обуви или нужно было нянчить маленьких братьев и сестер. Еще чаще мешали предрассудки; старших сыновей полагалось отдавать лет с семи-восьми в монастырь на выучку к ламам — буддийским

свещенникам. Потом, со временем они тоже стали писателями... А что в новой школе? Религия не в почете, учителя молоденькие — «что такие могут!» — вместе с детьми песни поют, бегают... Нет, не так-то просто было убедить родителей. Да и мамы осуждали эти «красные затеи».

После радиолынейки начался парад. И открыли его те самые, первые пионеры, теперь известные стране писатели, художники, военачальники, ученые. Среди них, между прочим, был уже седой полковник Дашнян, первый горнист, побывавший в 1929 году на международном слете пионеров в Москве. В беретях и красных галстуках, при всех орденах и медалях шли они строем под знаменем. И над площадью Суз-Батора звучала «Пионерская песня» с припевом «Готовы!» — песня их юности, та, которую сегодня знают все дети Монголии. Автор песни — Д. Нацагдорж — первый поэт новой Монголии, ревомолец, сделавший много для создания пионерской организации.

Это ему у входа в детский парк столицы МНР поставлен один из самых красивых памятников. И здесь каждую пятницу принимают в пионеры ребята Улан-Батора...

ПРО ПИОНЕРСКИЕ ЗНАЧКИ И БРИГАДЫ КУЛЬТУРЫ

На значке пионера МНР слова «Хэзээд бэлхэн!» — «Всегда готов!» выбиты над национальным знаком «сөмбөө». Три языка пламени — символ национального возрождения. «Сөмбөө» с древнейших времен — знак свободы и независимости монголов. В центре эмблемы — две стилизованные рыбы. Это символ долголетия и бдительности. Вертикальные полосы по бокам эмблемы напоминают, что монголы должны быть стойкими и крепкими, как стены крепости... В целом же знак «сөмбөө» — пожелание процветания народу.

Этот значок носят все монгольские пионеры. Два других — как знаки отличия. Лучшим из лучших! На значке для друзей книги изображен поэт Д. Нацагдорж, о котором вы уже немножко знаете. Чтобы стать обладателем этого значка, нужно много читать: знать лучшие произведения монгольской и мировой литературы, а еще учить русский язык и быть юнцом.

Наконец, у третьего значка, со скромной цифрой «5» — он

называется «пять отличий» — своя история и свои, тоже высокие — требования. Учитесь только на «отлично», помогайте отстающим по болезни и пересдавать одноклассников с плохим характером, то есть хулиганам, лентяям, всяких истош, быть всегда и всюду опрятным (тоже на отметку «отлично»), участвовать в са-модельности («отлично»), и, наконец, отлично работать на пришкольном участке...

Вот на последнем «отлично» я и познакомилась с Цасихири. Природа Монголии сурова. Улан-Баторцы берегут каждый кустик, выращенный на здешнем галечнике... Маленький смешливый мальчик с таким замечательным именем (Цасихири-конфета), ученик четвертого класса, вызвал свою бригаду на улицу: взрыхлять землю вокруг деревьев — таких тоненьких и голых весной. Пыльный ветер раскачивал их из стороны в сторону, и ребята подкапывали их красными тесемками. Девять пионеров в бригаде. И все — обладатели значка «пять отличий». Тем и прославился Цасихири, что создал этот отряд — ребятишки назвали себя очень важно: «бригада культуры». И всех своих партнеров добивались поощрения. А через четыре года, представьте, когда Цасихири,

уже восьмиклассника, выбрали председателем штаба пионеров Улан-Батора, в Монголии уже насчитывалось шестистот шестидесять бригад культуры.

Выступление одной такой бригады я увидела на концерте в республиканском лагере «Сугнур», что расположен в живописных горных лесах Ханга. Вечером всем лагерем, хором спели на монгольском языке «Ленин всегда живой» и на русском — «Орленок».

ПРО ШКОЛУ ХАРАХОРИНА

А теперь я хочу рассказать немного о сельской школе. Почему именно о сельской? Потому что Монголия — страна скотоводов. Выпасая скот, монголы далеко уходят от своего (то есть районного) центра, переключаясь по несколько раз в год с пастбища на пастбище. А их дети учатся в сомонной школе, самые старшие — в аймачной (областной). Живут они в интернате, в юрту к родителям на каникулы приезжают... Школа, про которую я хочу рассказать, находится в сомонном поселке в 450 километрах от Улан-Батора. Это обычная сельская школа-восьмилетка. Но уж

очень знаменит Харакорин. Повею здешним ребятам.

Просторная долина реки Орхон издана привлекательна. Здесь археологи нашли крупнейшую в Азии стоянку человека каменного века... Здесь в XIII веке была сооружена руками рабов, согнанных из разных стран, столица Монгольской империи, известная повсюду как Кара-Корум. Потом здесь стоял самый первый, большой монастырь Монголии Эрдэнэ-цзу. Ламы его, между прочим, запрещали «осквернять» обрабатывать землю. Сейчас монастырь стал известным музеем. А вокруг его большие каменные стены носят название Харакоринские мальчишки.

А вокруг — всю долину Орхона распахали трактора: здесь вырос крупнейший земледельческий госхоз МНР. Плотины изменили русло старинной реки в угоду людям. И в поселке вырос большой мукомольный комбинат.

Поодаль от комбината в степи стоит длинное одноэтажное здание школы. По обе стороны его высокого крыльца в палисадниках привязаны и колышались тоненькие деревца. Вы уже знаете, что их очень трудно растить под монгольскими сильными ветрами, и выглядят они здесь очень тор-

жественно — символом новой, счастливой жизни. Когда я была в Харакорине, шли экзамены, и мне не удалось посмотреть школьный театр, которым так гордятся ребята. Они в нем и артисты, и музыканты, и администраторы, и костюмеры... Я узнала, что на концертах харакоринских школьников побывало в здешних местах уже более десяти тысяч человек.

Почетный пионер дружины этой школы — Юрий Гагарин. В пионерской комнате хранится письмо от друзей Гагарина, полученное накануне гибели первого космонавта. Юрий Гагарин навечно зачислен в одиннадцатый отряд школы.

Еще в этой школе работает клуб интернациональной дружбы. Более ста девочек и мальчиков Харакорина переписываются с ребятами зарубежных стран. В клубе ребята познали мир: гаустки, открытки, марки, матрешки и другие сувениры, присланные школьниками разных стран.

У монгольских ребят очень красивые имена: Батор — богатырь, Туя — заря, Цэцэг — цветок, Наран — солнышко. Среди писем на листочках в линейку и в клеточку приятно было увидеть много имен наших советских ребят...

И. Ломоносова
Улан-Батор — Ленинград

Оформление А. Януса

КАМБОДЖА, СТРАНА, В КОТОРУЮ ДОЛЖЕН ПРИЙТИ МИР

Л. Ваганова
Фото автора

Рассказы о Камбодже, где легенды и действительность так легко соседствуют друг с другом, что их порой невозможно отличить...

Ах, что это был за принц! И ловок, и хорош собой, и умен, только вот с отцом часто бывал несогласен, и его величество король терпел-терпел непослушание сына, да и велел прогнать его с глаз долой.

Неведомо как, но оказался принц Камбу на чудесном острове, где росли высокие пальмы, пели птицы, благоухали необыкновенной красоты

цветы. К вечеру расшумелось море и выплеснуло на берег девушку, которая была так хороша собой, что принц влюбился в нее с первого взгляда.

Прекрасная незнакомка — она, конечно, тоже была царицей — и сама поняла, что без Камбу жить не может. Красавица позвала своего отца. Поднялась над волнами пена, а когда она схлынула, из

моря показалась змея и уставилась на принца всеми своими восемнадцатью глазами — это был могущественный девятиглавый Нага. Тем не менее взгляд его был добр, он любил дочь и сразу согласился на брак. Не забыл Нага и о приданом: быстренько выпил часть моря, превратив островок в большой кусок суши. Так появилась Камбоджа.

Вероятно, все случилось вовсе и не так, как камбоджийцы до сих пор считают змей своими покровительницами. И Нагу можно увидеть у вхо-

да в дом или пагоду, в лавке в виде перепельницы или брошки; гипсовые, каменные, серебряные, деревянные змеи с пятью, семью или девятью го-

ловами встречаются буквально на каждом шагу. Во всяком случае, чаще, чем настоящие.

Настоящих я видела всего три раза. Первый: тонюсенькая змейка юркнула в щель у самого нашего порога. Соседские дети долго меня убеждали, что это «минутка» или «пятиминутка»; считается, что после ее укуса человек живет лишь от одной до пяти минут.

Во второй раз я увидела змею тоже около дома. Молодой питон, всего метра в три, решив перебраться через канавку во дворе, свернулся упругим кольцом и очень ловко перевалился через препятствие. Воспользовавшись паникой, которая тотчас охватила обитателей дома, он бесшумно скрылся в неизвестном направлении.

Еще раз змея встретилась мне на одной из оживленных улиц Пномпеня. Полуголый торговец крепко ужал в руку голову красавицы, коричневая

кожа которой отливала в свете неоновой рекламы перламутром. Хозяин змеи пытался при sposobить ее продавать сигареты. Но та, извиваясь, отказывалась брать пакки зубами. Наверное, эта змея была из некурящих.

А Нага — он всюду. На обложке тетради и как реклама бензоколонки.

Почти перед каждым кхмерским жилищем, будь оно бедное или богатое, укреплен на шесте домик. Часто его крыша увенчана хвостами змей — в этом домике, по народному поверью, живут души умерших родственников. В дни праздников в домике устанавливаются вазы с фруктами, цветы, курительные палочки и свечи, — пусть предки знают, что их не забывают.

Хвостами змей украшены крыши многих административных зданий и помещения бывшего королевского дворца.

ПЕРЕРЫВ!

ПЕРЕРЫВ!

ПЕРЕРЫВ!

ПЕРЕРЫВ!

ПЕРЕРЫВ!

ПЕРЕРЫВ!

ПЕРЕРЫВ!

СЛОВАРИК

Ангкор — столица средневековой Камбоджи.
Апсара — небесная танцовщица.
Бетель — растение, листья которого употребляют в качестве жевательного табака.

Кхмеры — коренное население Камбоджи.
Пагода — храм.
Пномпень — главный город сегодняшней Камбоджи.

Саронг — прямоугольный кусок ткани, образующий род юбки.
Сампот — прямоугольный кусок ткани, образующий род штанов.

Туристы, попав на территорию королевского дворца, надолго застревают перед сравнительно скромным сооружением: павильон без окон и дверей, одна лишь крыша на изящных точеных столбах.

На плитках пола сидят музыканты с невиданными инструментами в руках, рядом, поджав ноги, разместились хористы. Посередине павильона — ряды тоненьких девушек в сампотах самых ярких тонов, среди них группа малышей, лет пяти, не больше. В дальнем углу мальчики учатся кричать по-обезьяньи: ведь обезьяны — персонажи многих камбоджийских танцев.

Идут занятия в школе национального балета.

Изысканные, непривычные движения на первый взгляд легки и просты. Но только — на первый взгляд... Многолетним трудом достигается эта легкость и простота. Танцует все тело, шея, торс,

каждая рука и нога в отдельности. Даже глаза и брови, пальцы рук и ног (камбоджийские танцы исполняются босиком) имеют свой рисунок движений.

Сухонкая преподавательница, губы и даже зубы которой ярко-красны от бетеля, то и дело поправляет своих учениц. Подтянет и так высоко задранную ногу, шлепнет по спине, толкнет в бок. Что и говорить, нелегко даются причудливые движения Апсары.

А та, судя по легендам, была необыкновенно хороша... Брови — вразлет, гордая посадка головы; ее удивительную грацию и красоту до бесконечности воспроизводили и воспроизводят художники. Ей уже за тысячу лет, но она по-прежнему молода. Запечатленная гениями прошлого, смотрит она, прищурясь, с развалин древних храмов, легко прыгивает с реклам, с подножек мотоллеров, со стен домов и витрин. Из дерева,

из золота, серебряная, из неоновых огней, отплясывает свой танец Апсара.

Говорят, она родилась из морской пены по велению богов, чтобы, танцуя, рассказывать людям о жизни на небесах. Говорят, что бог Вишну, спустившись на Землю в образе человека, решил испытать доброту людей, и первой ему помогла деревенская плясунья, — с тех пор боги покровительствуют танцу. А еще говорят камбоджийские легенды, что, когда был построен Ангкор, боги послали танцовщицу, чтобы они восславили несравненную красоту города... Во всяком случае, уже в IV—VI вв. танец у хмеров существовал. И до сих пор танцовщицы национального балета воспроизводят танцы и костюмы древних апсар, украшающих своими па стены многочисленных древних храмов.

Как выглядят теперь улицы Пномпеня?

Ровно в шесть часов вечера в любое время года солнце скрывается за горизонтом. Сразу же зажигаются огоньки в лавках, фонари у подъездов кинотеатров и входов в кафе и рестораны. У кино крутятся мальчишки, предлагают жевательную резинку, конфеты, орехи.

Едва научившись ходить, но еще не умея говорить, малыши, чаще всего костюм на них полностью отсутствует, продают лотерейные билеты. Подойдет такой к прохожему, ухватится одной рукой за ногу, а другой танет билетик, едва доставая до пояса.

Витрины, витрины. Первые этажи зданий заняты лавками или мастерскими. Часто тут же и живут: дети у прилавка учат уроки, играют, нянчат младших братьев и сестер.

ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ!

На сей раз — сказка.

Однажды демон украл чашу питья, приносящего бессмертие. Об этом всему свету рассказали — кто бы вы подумали! — Солнце и Луна. И бог, услышав такую новость, страшно разгневался.

Он отрубил демону голову. Но хитрый демон успел пригубить из чаши, и нектар сделал его голову бессмертной.

Отрубленная голова продолжала жить, и все ее помыслы были направлены на то, чтобы отомстить ябедникам — Солнцу и Луне.

Солнце и Луна сами не рады, что проболтались. Им все время приходится быть на чужой территории. Но демону все же удается иногда застать их врасплох. Тогда голова набрасывается на зазевавшегося светило и про-

глатывает его. Крепко сжимает демон челюсти, даже зажимивает глаза, но недолго гостят у него в пасти Солнце или Луна — им удается выскользнуть через незаживающую рану в горле.

На те несколько мгновений, пока Солнце или Луна проглочены, Земля погружается в темноту, происходит солнечное или лунное затмение.

Эту сказку рассказывают камбоджийским детям их бабушки и дедушки. А я ее услышала от Сома.

Сом буквально набит разными историями, и слова так и выскакивают из него, словно работающая неустанная машинка, мелодично позванивая и постукивая.

Сом — торговец. Черноволосый, подвижный, худощавый, как большинство хмеров, он выглядит очень молодо. Если бы не знать, что несколько подростков, крутящихся в лавке, приходятся ему сыновьями, можно было бы принять Сома за их брата или приятеля.

В этой лавке можно выпить воды, купить носовой платок или булавку, консервы, печенье, стиральный порошок. Сом знает несколько русских слов, с гордостью произносит их; узнав, что не следует путать «сливки» со «сливаами», конфузится и просит записать злосчастные «сливки» латинскими буквами на бумажке.

Сидя прямо на плитке тротуара, спиной к забору, ведет прием зубной врач. При нем бормашина и витринка с протезами зубов, можно выбрать даже цветной зуб, например, красный, под цвет жеваного бетеля.

Здесь же, на мостовой, — летучие столовые и закусовые. Иногда семья распродает остатки своего ужина — не пропадать же добру!

Торгуют деликатесами. В больших банках, стоящих на земле, скрюченные маринированные змеи. Можно отведать жареных лягушек, каракатиц, лангустов.

Под лампами десятками собираются ящерицы. Они выходят на ночную охоту за насекомыми, которых привлекает яркий свет.

На деревьях начинают свои песни цикады, они стрекочут так громко, что заглушают рокот машин.

Улицы наполняются самыми разнообразными стуками, стучат мальчишки, зазывая в кафе и закусовые, постукивают по своим щикам чистильщики сапог. Среди них много женщин, часто пожилых. Медленно двигает тележку мороженщик, он не стучит — звонит в колокольчик.

У тротуаров рядами выстроились рикши, усталые прислоняя к своим «цикло». На окраинах часто можно встретить моторики: к мотоциклу прикреплена небольшая тележка, в которую легко сядет несколько человек. В центре города — только велорикши: на переднем колесе велосипеда довольно большое кресло под тентом. Оно рассчитано на одного человека. Но часто можно увидеть, как, с натугой крутя педали, рикша везет целую семью, да еще с немалой поклажей.

ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ!

Иногда Сому помогает дочь, хорошенькая, грациозная Маля. Мягко ступая, она бесшумно подносит отцу пакеты и баночки, струе вентилятора едва удается чуть-чуть всколыхнуть тяжелую волну блестящих прямых волос. Белая вышитая кофточка с неизменным рукавом — фонариком, пестрый саронг — обычная одежда хммерской девушки — выглядит на ней особенно нарядно.

Сома и его сыновей я никогда не видела в лавке иначе, чем в европейских брюках и рубашках. Но однажды, заскочив в неурочное время, я заметила, как за дверью лавки, в маленьком дворике, Сом с удовольствием растянулся в кресле, по пояс голый, в клетчатом сарафане. Видимо, отдохнуть он привык в национальной одежде.

Когда Сом пьет, он по привычке прикрывает стакан ладонью, тщательно охраняя его от насекомых. Не по соображениям санитарии, а из-за привычки проглотить невзначай какую-нибудь мошку.

— О-ля-ля, мадам, — часто напоминает Сом, — это великий грех — убить насекомое. Ведь оно может превратиться в человека.

Я уже сталкивалась с этим: в гостинице не нашлось добровольца, который бы убил огромного мохнатого паука, страшилище бережно завернуло в тряпицу и выпустили на улицу.

Сидим со знакомым хирургом-москвичом в его кабинете, в госпитале, который Советский Союз построил в подарок камбоджийскому народу. Госпиталь огромный, на летоисот мест.

Комната, где мы сидим, и все остальные помещения госпиталя защищены от солнца: с внутренней части здания — широким коридором-навесом, со стороны улицы — беспрерывными, во

всю длину фасада, балконами и лоджиями. От солнечных лучей они защищают, но не от птиц. С веселым писком птицы бесечно летают под потолком, садятся на карнизы. «И даже пытаются вить в палате гнезда», — замечает мой собеседник.

Он, посмеиваясь, рассказывает о необычном больном. Сегодня рано утром в больницу привели монаха. По всему видно, состояние тяжелое, высокая температура. На отделении дежурила женщина — русский врач, опытный терапевт. Но больной, едва взглянув на нее, отказался от осмотра, заявив самым решительным образом, несмотря на слабость, что не позволит дотронуться до себя женщине. Так и не удалось его уговорить, пришлось послать за врачом-мужчиной.

В другой раз я попала на операцию. Все, кто принимает в ней участие, — в ярко-зеленых халатах. Вместо привычной медсестры — плотный молодой кхмер. Тонкий, немного согбенный и потому скорбный ассистент похож на богомола: зеленый халат и поднятые вверх руки с согнутыми кистями. Анестезиолог, уборщики — сплошные мужчины, только однажды в операционную вошла женщина в черном сарафане.

Далеко не все в госпитале имеют дипломы врачей, есть среди них и «официеры здоровья»: те, кто не успел, не смог закончить медицинского института. Но местные врачи, с дипломом и без диплома, многому учились у советских врачей. И на этой операции тоже был русский хирург — москвич, мой знакомый.

ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ! ПЕРЕРЫВ!

Пришло время рассказать камбоджийскую легенду, связанную с календарем.

Но сперва — несколько дополнительных сведений.

Нынешний, тысяча девятьсот семьдесят третий год в Камбодже может быть и 2516-м, если по буддийскому летоисчислению, и 1336-м — по календарю Малой эры, и 1896-м — по календарю Большой эры.

1972 год был, к тому же, годом Крысы, 1973 пройдет под знаком Быка, 1974 — под знаком Тигра. Все годы различных календарей, приведенных в соответствие друг с другом, делятся на двенадцатилетние циклы. Их обозначают двенадцать животных, среди которых и петух, и собака, и лошадь.

Есть поверье: от того, под

каким знаком родился человек, зависит его поведение в будущем, принятие серьезных жизненных решений: в каком месяце лучше совершить переезд, переменить работу, какие жертвоприношения совершать, если заболел.

Некоторые рекомендации дают и дни недели. В понедельник, например, не следует давать в долг, но очень хорошо совершать покупки.

Каждому дню недели соответствует свое светило и свой цвет. В старые времена женщины одевали по воскресеньям красные, по вторникам — фиолетовые, по средам — зеленые сарафаны или сарафаны. Теперь цвета недели соблюдают только во время торжественных церемоний.

А теперь — легенда.

Некий дух задал мудрецу, чтобы проверить его мудрость, три загадки. Спор был жестоким: не отгадаешь — погибнешь, отгадаешь — погибну я сам.

Трудно пришлось мудрецу, но ему помогли птицы: подслушав разговор двух орлов, мудрец нашел все три ответа. Дух был поражен, но делать нечего, выполняй уговор!

С тех пор каждая из семи дочерей духа, по очереди, носит голову отца на золотом подносе. Со своей ношей обходят богини гору Меру — центр вселенной — и делают круг за сутки.

Очень важно, что из дочерей несет золотой поднос в первый день нового года: весь год будет подчинен влиянию этой богини.

Перед входом в пагоду горка шлепанцев (обувь положено снимать, входя в храм) была много больше, чем в обыкновенные дни.

Внутри горели свечи, пахло приторно жасмином и благовониями. Прямо на полу, недалеко от входа, постепенно, по зернышку, вырастали кучи риса.

Считается, что каждое зерно, принесенное в Новый год в пагоду, снимает один грех.

Рис на полу символизировал мироздание, каким его рисуют легенды: гора Меру в центре, четыре страны света по краям.

Горели свечи, курились благовонные палочки, воткнутые в рис, — как бы сходящее воедино самое главное, без чего не прожил: хлеб, огонь, мир... Ибо, как говорится в древней пословице, «лодка проходит, берег остается».

ВАХТЕННЫЙ ЖУРНАЛ

18 июля

Курс на Маринск. Решили идти новым руслом Амура. Путь длиннее, но не зайти в историческое место, где в 1853—54 годах прошли русские исследователи Амур Невельский и Бошняк, — непорочно... Штурман Саша Гусев был нехуже: вместо Маринска, протоками можно выйти через Казанское озеро в Татарский пролив... В Маринске пришли поздно, пройдя 77 км.

19 июля

Пришли в село Булаву. Вернее, Булава две. Старая и Новая. Старая Булава — это широко и беспорядочно разбросанные бревенчатые дома.

В Новой — кипит работа, выстроены уже первые двухэтажные дома. Мы поставили палатки. Дождь заберебил по темному брезенту. Лишь две палатки ярко светились: это Тота Сподобова и Саша Чернышев выпускали очередную сатирическую газету «Нептун».

20 июля

Решили идти до 24.00, чтобы научиться определять звездные знамя, береговую обстановку и сигналы встречных судов nonché...

21 июля

Кругом дикая тайга. Видели, как медведица купала двух медвежат. Медвежата беловислые. Близко мы не подошли, боялись... Медведи хорошо плавают, а у нас, кроме стартового пистолета и перочинных ножей, никакого оружия. Амур здесь — как море.

24 июля

Прошли порт Маго с десятком кораблей. Только сухогрузов насчитали четырнадцать. Каждый день штормит, волны достигают четырех метров. Вода через борт попадает в шлюпки. Приходится откачивать... Остановились у мыса Убен-

ный. Старожилы рассказали, что здесь когда-то скрывались сильные. Чуть дальше мы обнаружили стоянку древних людей — пещеры, гроты, наскальные рисунки. Травы здесь выше человеческого роста!

25 июля

Прибыли в город-порт Никольск-на-Амуре. Нас встретили представители Горного Комсомола.

Устроили нас хорошо. Осмотрели город. Никольск основал капитан русского флота Невельский.

Вблизи города — остатки старинной крепости Чмыр-рах, гарнизон которой встал против царизма в 1906 году. В крепости мы провели «Зарницу». Команда второй шлюпки подошла раньше и закрепилась на бастионах. А первая шлюпка пришла к крепости под пулями, и команда бросилась на штурм... К крепости вала винтообразная дорога, но разведка доложила, что на ней засада. Решили атаковать по скалам, обвязались, обдарились, но шли вперед. Высоту захватили, но потом еще долго выбивали противника из старых, пахнущих сыростью казематов. Потом долго отмывали грязь и заживляли «раны»...

Земля! Земля!

шли атаковать в лоб. Корабли, обдарились, но шли вперед. Высоту захватили, но потом еще долго выбивали противника из старых, пахнущих сыростью казематов. Потом долго отмывали грязь и заживляли «раны»...

27 июля

Погод наш закончен. Мы прошли 600 км по Амуру. Грузим шлюпки на самоходку и на ней завтра уйдем домой в Комсомольск.

Много у нас осталось добрых воспоминаний: о первой палатке, о кострах, о ловле рыбы, штурмах, песнях, рассказах. И о встречах с хорошими интересными людьми.

От редакции: Клуб юных морских основал бывший офицер-подводник, ныне старший инженер-технолог завода «Амурит» — Геннадий Георгиевич Путятин. Он тренер-инструктор клуба и руководит походом, описываемым в «Вахтенном журнале». У Клуба свои шлюпки и шербет. Клуб действует уже несколько лет, и многие из юных морских выросли и стали настоящими моряками.

В Канале испытывается новый гидробоковой аппарат «Пайсис». Рассчитанная глубина погружения аппарата — более двух километров. Для работы под водой «Пайсис» имеет механическую руку — манипулятор длиной в один метр. Этой рукой «Пайсис» сможет поднимать со дна образцы пород или предметы с затонувших кораблей.

Экипаж «Пайсиса» — два человека.

Сделай сам

Модель каравеллы Колумба сделал по нашим чертежам Сережа Валицкий из зерновозов «Полюсь» Табубовской области. Изготовление моделей старинных кораблей — любимое занятие Сережи. Особенно ему удалась, как считает он сам, модель шхуны-брита «Пилгрим».

ПАТЕНТНОЕ БЮРО

Пришло письмо от Миши Савчука из Киева. Он пишет: «Когда танкер терпит крушение, нефть разливается по морю. Гибнут морские птицы и рыбы. Я придумал приспособление для вылавливания нефти».

Предложение Миши — попытка решить важную проблему, — сказал инженер-кораблестроитель К. Н. Курденков. — Нефть таким образом собирается с поверхности моря, очищается в баях-отстойниках и может быть использована для корабельных нужд.

МОЯ ШЕСТАЯ СЕКЦИЯ

Автор этой заметки — Володя Заблоский. Несколько лет он был юнкором «Морской газеты». Потом поступил в судостроительный техникум, закончил его и получил диплом судостроителя. Он рассказывает о своей работе: «Большинство судов теперь собирают из готовых секций. Крыши несут секции-блоки к месту сборки Секция, которую я проверял и рас-

считывал, — шестая. Наказуешь помню все ее крепления, все конструкции ее переборок. Я думаю над ней ночами. И вот моя шестая секция встала на место. Замелькали огоньки электросварки. А кран уже тянет следующую секцию. Конечно, все это делается медленно, чем расстраивается. Через несколько дней угадаются обводы и величина всего корпуса. Крышу начнут коробку судна механизмами. Под палубой исчезнут котлы, двигатели, валы. Потом настанет день, когда директор завода в торжественной тишине займется приказом о спуске. Выпустят на ветер флаги. Спусковая команда уберет задержки спускового устройства, и вот уже судно заскользит к воде... Потом его отведут к достроенной набережной, и мне уже ни за что не отпичить, где она там, в громадной длине корпуса — моя шестая секция.»

Володя слева

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

«МЕТЕОСТАНЦИЯ»

Рисунки Вовы Ильина. Приштырский зерновоз

НА ВЕЛОСИПЕДЕ

РАССКАЗ

Л. Сергеев

Рисунок П. Швеца

В тот день, когда ее семья приехала в наш поселок, девочка вышла во двор со стаканом черешни. Идет по двору, ест ягоды, а косточки выплевывает. Подошла ко мне, протянула стакан.

— Хочешь черешни? Мы с Украины привезли! Попробуй!

Я выбрал самую крупную ягоду.

— Теперь мы будем жить здесь, — сказала девочка. — Меня зовут Наташа, а тебя?

На другой день мы встретились у колонки, когда я брызгал, подставив ладонь под тугую, как жгут, струю воды. Наташа спросила:

— А здесь где-нибудь купаться можно?

— Знаешь, какой пляж на Волге? У-у! Пять километров отсюда.

— Далеко, — покачала головой Наташа. — А я так люблю плавать и нырять! Я умею нырять солдатиком, и ласточкой, и рыбкой...

«Вот это девочка», — подумал я, — и нырять умеет!..» И сказал:

— На велосипеде туда можно за пять минут.

— А у тебя есть велосипед?

Я кивнул. Наташа щелкнула языком.

— А лес далеко?

— Там же, у Волги.

— Давай завтра поедем за ягодами?.. На моем велосипеде.

— Поехали! — обрадовался я.

Следующее утро началось счастливо. В букете на столе я разыскал пятилепестковый цветок сирени. В нашу комнату влетела бабочка. Я нашел в комодке трамвайный билет со счастливым номером. День начинался как нельзя лучше.

Мы договорились поехать после обеда, в три часа, но уже в половине третьего я был около ее дома. День был жаркий. От раскаленной мостовой струился горячий воздух, дальние дома улицы казались трепетно дрожащим маревом. Прислонившись к тополи, я смотрел, как между ветвей, наполненных солнцем, мелькали птицы.

Выбежала Наташа с бидоном, поздоровалась и проговорила:

— Только ненадолго, я маме не сказала.

— Я кивнул, Наташа села на раму велосипеда, и мы поехали.

На мощеных улицах велосипед трясло и подбрасывало, и Наташа то и дело ойкала от страха, но за поселком началось грунтовая дорога и мы покатались стремительно и ровно.

До леса доехали быстро. Несколько раз обгоняли пешеходов и запыленные телеги, набитые сеном.

Чем дальше мы продвигались, тем лес становился плотнее, сосны ближе подступали к дороге и, казалось, они расступаются перед нами, а за нами смыкаются снова. Проехав с километр, мы свернули с дороги, замаскировали велосипед около проселочного колышка и вошли в лес.

Земляничных листиков видно было много. Зеленые розетками они выглядывали из-под прошлогодней ржавой хвои. Почти все кустики цвели, но красных ягод не было. Наконец, мы набрали на открытую горячую поляну и земляники сразу нашли много. Часа через два мы наполнили ягодами треть Наташиного бидона, вернулись к месту, где лежал велосипед, и сели отдохнуть.

— Какой красивый лес, — сказала Наташа, разглядывая бронзовые стволы сосен. — Давай и завтра поедем?..

Я кивнул.

— А я вижу цветы, — Наташа вскочила и понеслась к каким-то далеким лиловым стеблям.

— Маме наберу! — крикнула она.

Наташа вернулась с букетом ярких цветов и еще издали пропела:

— Смо-о-три, каки-и-е красивые! Давай и твоей маме наберем?

Мы побежали к поляне. Рвали цветы, выбирая самые высокие и самые яркие. Потом бегали за жуками, рассматривали муравьев в муравейнике и тритонов в заросшем болотце.

Мы вспомнили про велосипед и про обратную дорогу только когда начало темнеть. К счастью, плутали недолго.

Вытащив из-под кустов велосипед, я очистил спицы от листьев и веток, привязал бидон и букеты к багажнику. Затем помог Наташе забраться на раму, разогнал машину и вскочил на сиденье.

Сумерки сгустились, но накатанная дорога была светлее окружавшей травы, и мы ехали довольно быстро. Только два раза пришлось свернуть на обочину и затормозить. Первый раз, когда нас обогнал мотоцикл, а второй, когда сзади засигналил грузовик. Мы ждали, когда уляжется пыль, чтобы увидеть очертания дороги, потом снова садились на велосипед и катили дальше.

Мы еще не выехали из леса, когда я вдруг заметил, что велосипедная цепь как-то странно скрипит. Я прибавил хода, но скрип усилился. Тогда я остановил велосипед и попросил Наташу на минуту слезть. Попробовал раскрутить педали, чтобы обнаружить поломку. Цепная передача ужасно затрещала и вдруг лопнула совсем.

— Что случилось? — испуганно спросила Наташа.

— Цепь сломалась.

— Так что ж ты не чинишь?

— Сейчас! — сказал я и попробовал соединить перетершееся звено в цепи, но ничего не получилось. Болт был перекошен, а нового у меня не было.

— Ничего! — сказал я, переворачивая велосипед. — И так доедем. Здесь недалеко.

— Мне надо скорее домой, — замрающим голосом сказала Наташа.

Вдруг она выбежала на середину дороги, подняла руку и закрычала:

— Пожалуйста, остановите! Пожалуйста!..

Я обернулся и увидел, как к нам приближается какой-то велосипедист — на дороге прыгало светлое пятнышко от фары.

— Что случилось?

Около нас затормозил высокий мужчина, и мы сразу узнали в нем дядю Кирилла, электромонтера с нашей улицы.

— Да вот, у него велосипед сломался, а мне надо скорее домой, — проговорила Наташа с дрожью в голосе. — Дядя Кирилл, пожалуйста...

— Конечно, садись, — перебил ее дядя Кирилл. — А как же ты? — обратился он ко мне.

— Доберусь...

— Ну, конечно, чего там, — усмехнулся дядя Кирилл. — Через полчаса доберешься. Ты парень что надо. Сразу видно!

Наташа подбежала к моему велосипеду, схватила из багажника свой бидон и букет и быстро вернулась к дяде Кириллу. Он усадил ее на раму и крикнул мне:

— Полный вперед, за нами!

— До свиданья! — крикнула мне Наташа, но я не ответил.

Выходя из леса, я еле сдерживался, чтобы не разреветься. Меня не огорчал сломанный велосипед и не пугала темнота, мне было обидно от неожиданного предательства. Я даже не спешил домой, и ведя сломанный велосипед, еле перебирал ногами.

А впереди уже один за другим зажигались огни в нашем поселке.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Меня трясло от обиды и злости. А утром я проснулся от стука. Кто-то рабанил по стеклу. Вскочив с кровати, я распахнул рамы и увидел под окном Наташу.

— Прости меня, пожалуйста... — тихо сказала она. — Знаешь, как мне попало дома...

Больше меня никуда не пустят...

Она хотела заплакать, но все же пересилила себя.

— И когда стемнело в лесу, мне стало так страшно... Не сердись, пожалуйста...

И тут я подумал, что она и в самом деле могла испугаться, ведь она девочка. Мне захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но я только сказал:

— А я и не сержусь. Ни капельки!

ШТАБ „КЕДР“

Джуриный — инженер зеленого строительства
Ирина Нестерова Сурина

О том, что наступил август, мы узнаем, когда смотрим друг на друга: черные зрачки, черные зубы, черные ладошки.

К началу августа поспевает черника в самых укромных уголках леса... Полным-полные бидоны, когда величина с вишни каждой. Наремка букетик на дорогу...

Остановись! Не жидичка! Стал бы ты рубить абрикосы, чтобы полкомиться яблоком, выдергивать с корнями все куст, чтобы сорвать ваточку сирени! Нет! Посмотри внимательно: черника — не трава, это полукустарник. Зеленые упругие веточки живут долго, а зацветает черника не сразу. Проходит несколько лет, пока из семени вырастет кустик и на нем появятся ягоды. Сорваешь бездумно кустик и отпустишь лес...

За черникой след поспевает брусника — северный виноград. Шедрая голова, красным цветом маделана заметна среди блестящих темно-зеленых листочков. Срывай горстями... но не мни кусты, когда осторожно, ведь брусника — это тонкая штука.

Много лет живет черника, образуя карликовый лес, где все настоящее — и стебли, и ветки, и листья — и все маленькое, чтобы спрятаться не зному от морозов под снежным одеялом.

А вот малина, топа и велика ростом, но по сравнению с брусничной — скорлупка: на второй год жизни цветет побегом, плодоносит... и погибает, сохраняется лишь подземная часть растения. И если вы хотите лакомиться малиной и в будущем году, то не поймайте молодые зеленые побеги. Помните, следуя им, потом они сожгут под тяжестью ягод. А спомните, не жалуйтесь, что мало ягод. Сами виноваты!

А грибы! Не поленись встать на рассвете. И помни: не для одного тебя растут грибы. Лучше всего взять с собой корзину и срезать мажорный гриб. Истачи, так лучше распознать, нет ли в нем червей. Ну, а если пока нет, осторожно сорви гриб, стараясь не повредить грибочку. Не вороти подосину из стнннх веток и листьев, не переворачивай ее и не разрывай одеяло из хв. Лучше запомни место, где нашел грибы, да приходи сюда через несколько дней — и снова увидишь полную корзину.

И еще... Ягоды и грибы ешь не только ты, ими питаются и их запасают на зиму птицы и звери. Не стремись собрать все, а что не нужно самому, распоташь, разворошишь. Набрал полную корзину белых, не сбавя пап- кой сыреники!

«Случилось это в с. Павлово
Днепропетровской области. Я жил
там в отпуске. У моей хозяйки были
собака и кошка. Жили они... как
собака и кошка. Жили они... как
собака и кошка! Вечные ссоры, драки
и потасовки. И вдруг подружи-
лись, прямо неразлучными стали!»

А произошло это так. Кошка при-
несла котят, а собака — щенка. И
случилось беда: щенка и собаку по-
гибли, а у кошки почему-то остался
малыш.

Котят жалобно просят есть, ко-
шка мечется. Но все тщетно: детеныши
умирают, еще не прозрев, так и
не увидев мира.

И тут на выручку кошки явился
собака!

Она подползла к котяткам и макор-
мила их молоком. Малыши успокоились
и уснули рядом с собакой. А
кошка стала носить еду своей хозяй-
ке, козодом нежности, соседке.

На сил, на рыцаря хозяйки не мо-
гли поморить кошку с собакой. А
слепые и беспомощные малыши по-
жили!»

К. Салыченко

УССУРИЙСКИЙ ТИГР

Е. Лысов, В. Левин,
сотрудники Ленинградского зоопарка

Никто не знает, было ли когда-нибудь много уссурийских тигров, сейчас же они встречаются так редко, что их занесли в «Красную книгу».

Уссурийские тигры живут на нашем Дальнем Востоке и в северных провинциях Китая. Они самые пушистые из тигров. Густой мех хорошо защищает их от морозов.

«Амур» — так называли «уссурийские» местные жители. Они относились к владыке лесов с уважением и со страхом. Однако эти чувства не мешали им охотиться за тиграми из-за их красивой шкуры.

Советская власть взяла уссурийских тигров под свою защиту. Закон запрещает на них охотиться.

Мы с вами можем посмотреть на тигров в зоопарках. Если в неволе у зверей рождаются детеныши, значит, зверям очень хорошо живется, значит, за ними ухаживают добрые и знающие работники. Когда тиграм особенно нравятся в Ленинском зоопарке в ГДР. Здесь, например, в 1970 году родилось и выросло десять тигров, а в 1971 — семнадцать.

Тигренку спокойно лежит и смотрит на посетителя.

А всего четыре месяца назад он бросался на решетку и при виде людей забивался в темный угол клетки. Тогда, в начале весны, его вместе с братом привезли в Ленинградский зоопарк с дальневосточной зообазы.

Тыгрята сейчас привыкли к новой жизни, подростки и окрепли. Но вот имен у них по-прежнему нет. Быть может, вы придумаете, как их назвать?

РАССКАЗЫ
БЫВАЮТ ЛЮДЕЙ

Произошло это на Памире. Вышли мы утром из палатки и увидели следы снежного барса. У самого входа. Будто зверь совневался: затыл не м!

Очень мы были удивлены: снежный барс обычно путлив и скрытен. Умысли мы снегом и затопили пещеру. Но только принался за чай — барс появился снова! Такс за камнями, зверь, подобрался к навету, под которыми мы держали свои коз. Козы отчаянно заблеяли и инулись в разные стороны. А один козленок растерялся, бесполово закричился на одном месте, и барс придалвил его своим телом. Держа добычу в зубах, барс пошелок ее к ручью.

Мы очутились от оцenenния и подлили крик. Но зверь не обратил на нас никакого внимания. Это уже было совсем непонятно!

Тут мы заметили: передняя лапа барса порвана и вся в крови. Вот оно что! Зверь где-то повредил лапу, то ли в камнях ободрал, то ли на- рывался из клетника. Из-за этого он сильно оговодил, отошел и потерял старт перед человеком. А что, если он совсем беспомощный! Может, поймем живень!

Мы растинули одеяло, как сеть, и двинулись к барсу. Тут зверь приподнялся и так заревел, что у нас сразу пропала охота его ловить!

Настешились, барс поалак вышел из ручья и, сильно прихрамывая, пошел вверх по склону, пятная снег кровью. На гребне он остановился и, словно в благодарность, мы же не напали на него, ослабшего, поволил хвостом. И скрылся в скалах.

В. Приходко

СТИХИ
„ЗЕЛЕНЫХ СТРАНИЦ“

Ленит

Как видно,

Зубастую пасть он

И там,

Пичужка порхаёт,

Пичужка снуёт,

Зубов не страшится нимало,

И пищу

Что мещду зубами застряла,

Пичужку не съест

Клевать она может

Поскольку

Она для него не еда —

А для него зубочистка!

ЛЕСНЫЕ СЕКРЕТЫ

Не просто расшифровать звериные строчки! Иной раз так нахари- вают — не разберешь. Четыре самые непонятные записки я переписал в своей полевой альбом. Найдите их на полях этих странички — и дадите разбераться вместе!

(1) По отпечаткам лапок на снегу это рыбки. Но что он (е, б, в) тут де- лал!

(2) Следы белки лапок к сухому можжевельнику. И вся кора на мож- жевельнике оказалась содранной. Почему!

(3) На снегу дорожка следов тигров-носа. Это понятно. А по бокам следа две извилистые полоски. Что за полоски! Непонятно.

(4) Подосел к дереву след медведя. И раздвоял медведь кору котя- ми. А почему?

Жду ответов от следопытов.

СНЕЖНЫЙ БАРС

Разведка ведет писателя Н. Славкова

Рисунки Т. Соловьева

В МИРЕ РАСТЕНИЙ

БЕЗВРЕМЕННИК

В грустный и серый осенний день мне в палату привнесли такой чудесный букет безвременника, что я сразу забыла про осень. И не с юга далекого привезли, а собрали под Ленинградом.

Как я обрадовалась! Я твердо уверена, что стала поправляться именно с этого дня.

Выздоровев, я застала разнотравье о безвременнике, все, что только можно. Каких интересных им оказа- лось!

Осенню у него появляется только один цветок — без стебля и без ли- стьев. Когда цветок отцветает, расте- ние как бы бесследно исчезает. Оста- нется под землей лишь маленький клубочек, в котором, притихнув, и проведет зиму завызв и крошечные зародыши будущих листьев и стеблей.

Весной безвременник снова по- явится из земли. Но теперь он со- всем другой, совершенно не похожий на себя осеннего. Это зеленый кустик из трех листьев, а посреди- на... коробочка с семечками! У дру- гих цветов в эту пору еще только бу- тоны, а у чудак-безвременника, всем удивление, уже семечки!

Безвременник — чудак и великий волшебник. Он умеет готовить чудодейственное слабкое — коллокви- н. Любое растение, глотнувши коллокви- на, начинает чудить и фокусничать, производить под свет диких выводов потомков. Ученые в восторге от безвре- менника, ведь коллоквины помога- ют создавать новые сорта полезных растений. И я в восторге. От его чу- десных цветов, цветущих чудесно всем на радость и удивление.

Н. Павлова

Кто вспомнит, как назывался по-чужичку то, с чем рассказывал поэт Владимир Лифшиц?

ЗАГАДОЧНЫЕ ПИСЬМЕНА

КОСТА ТЕРКИН

О, ДЕЛЬВИГ МОЙ...

К 175-летию
со дня рождения А. Дельвига

Рисунок Александра Сергеевича Пушкина

В лице его называли ленивцем. Мешковатый, близорукий, Дельвиг не принимал участия в играх, требовавших проворства, силы и ловкости. С детства у него было большое сердце. Он любил бродить по тенистым аллеям Царскосельского парка, не спеша беседуя с товарищами. А то уходил один, ложился с книгой в траву, читал, а потом откладывал книгу и подолгу молча лежал, следя полет облаков и птиц, наслаждаясь тишиной и одиночеством,

считая дружбу самым высоким и прекрасным чувством. И так же верно и преданно любил поэзию.

Через всю жизнь пронес Дельвиг благодарную память к безмятежным лицейским дням. На торжественном акте, посвященном окончанию лицея, выпускники исполнили «Прощальную песню», сочиненную Дельвигом:

Шесть лет промчались, как мечтанья
В объятиях сладкой тишины,
И уж Отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!
Простимся, братья! Рука в руку!
Обнимемся в последний раз,
Судьба на вечную разлуку
Быть может породила нас!

Эта песня стала лицейским гимном. В течение дваддати лет ее пели лицеисты при выпуске из лицея.

А едва окончив лицей, Дельвиг напишет:

Не мило мне на новоселье:
Здесь все уныло — там цвело.
Одно и есть мое веселье:
Увидеть Царское Село.

До самой своей смерти оставался он верен лицейской дружбе. Дружил с Кюхельбекером — чудакватым нелепым Кюхлей, с Яковлевым, ловким, подвижным, прозванным товарищами «обезьяной». Но теснее всего был связан с Пушкиным.

Когда Пушкин был сослан в Михайловское, его навестили там три лицейских друга: Пушкин, Горчаков и Дельвиг. В своем стихотворении «19 октября» Пушкин с благодарностью вспоминает об этом. Дельвигу посвятил он вдохновенные строки:

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной.
Я ждал тебя, вещун Пермских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О, Дельвиг мой, твой голос пробудил

или бормотал стихи, свои и чужие. Стихов он знал множество, — читал наизусть почти всего Жуковского, не расставался с томиком Державина, любил стихи немецких поэтов, без конца перечитывал Горация.

Товарищи нередко подсмеивались над его мечтательной рассеянностью, но он легко переносил их насмешки и сам шутил беззлобно и весело. Его добродушие и доброжелательность располагали к нему, в лице его любил. Он и сам любил друзей верно и преданно,

Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

Дельвигу исполнилось всего пятнадцать лет, когда в журнале «Вестник Европы» были напечатаны его первые стихи «На взятие Парижа». Он подписал стихи — Русский, выразив этой подписью свою восхищенную любовь к России.

Дельвиг мечтал всю свою жизнь посвятить поэзии. Но судьба рассудила иначе. Происходил Дельвиг из обрусевших баронов Эстляндской губернии, однако, несмотря на баронский

титул, семья Дельвигов была весьма небогатой, и ему пришлось сразу же по окончании лица поступить на службу в департамент Горных и Соляных дел. Прослужил он там всего два года, потом перешел в канцелярию министерства финансов, а оттуда в Публичную библиотеку. В Публичной библиотеке он служил под начальством знаменитого русского баснописца И. А. Крылова.

В доме Дельвига часто собирались поэты, музыканты, художники и, конечно же, его друзья-лицейсты.

Стихи Дельвига печатались в петербургских альманахах и журналах и принесли ему широкую известность среди людей искусства. Многие стихи Дельвига были положены на музыку. Пожалуй, в те годы и не было в России такого дома, где не исполнялись бы романсы Алябьева «Соловей мой, соловей» и Глинки «Не осенний мелкий дождичек», написанные на слова Дельвига.

Дельвиг выступал в печати и как литературный критик. К его оценкам с уважением прислушивались такие прославленные поэты как Жуковский, Крылов, Пушкин.

В 1824 году Дельвиг начал издавать альманах «Северные цветы». В нем печатались самые лучшие поэты и писатели России того времени. Альманах пользовался у публики большим успехом. И когда в 1830 году петербургские литераторы решили издавать «Литературную газету», то просили Дельвига стать ее редактором. Утонченностью литературного вкуса, добросовестностью, меткими суждениями о поэзии он заслужил уважение друзей. Большое участие в издании газеты принял Пушкин.

Однако просуществовала «Литературная газета» недолго. В одном из номеров было напечатано в переводе на русский язык стихотво-

рение произведения, возбуждающие народ против правительства!

Вытащив из кармана газету, Дельвиг пытался прочесть Бенкендорфу напечатанные стихи. Но Бенкендорф слушать не пожелал.

— Я вас, трех друзей: тебя, Вяземского и Пушкина — в Сибирь упрячу! — крикнул он. — Вон, вон отсюда!

Издание «Литературной газеты» было запрещено.

Разговор этот до глубины души потряс Дельвига своей грубостью. Он не жаловался друзьям, только, рассказывая о нем, растерянно улыбался доброй широкой улыбкой и нараспев повторял любимое словечко:

— За-бав-но!..

Через несколько дней он занемог и слег в постель. Иногда ему становилось лучше, он поднимался с постели, но из дома не выходил. Так продолжалось почти два месяца. Лишь в начале января врачи разрешили ему прогулки. Во время одной из прогулок Дельвиг вдобавок простудился.

14 января 1831 года Дельвиг скончался.

Смерть его потрясла друзей, — он был еще молод, ему не исполнилось и тридцати трех! Но, пожалуй, тяжелее всех перенес эту утрату Пушкин. Когда Дельвиг умер, Пушкин находился в Москве. В одном из писем он писал:

«Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось... Грустно. Тоска... Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Из всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели».

А через девять месяцев после смерти Дельвига, 19 октября 1831 года, в день лицейской годовщины, Пушкин закончил свое стихотворение такими строками:

рение французского поэта, посвященное революционным событиям во Франции.

Дельвига вызвал к себе шеф жандармов Бенкендорф.

— Ты опять печатаешь недозволенное? — грубо спросил он.

Дельвиг пытался объяснить Бенкендорфу, что ничего недозволенного в этих стихах нет, но Бенкендорф резко оборвал его:

— Я твою газету не читаю, но надежные люди доложили мне, что в ней то и дело появля-

И мнится, очередь за мной...

Зовет меня мой Дельвиг милый,

Товарищ юности живой,

Товарищ юности унылой,

Товарищ песен молодых,

Пиров и честных помышлений,

Туда, в толпу теней родных,

Навек от нас ушедший гений.

Всего на шесть лет пережил Пушкин милого своего Дельвига. И до конца жизни в письмах и стихах вспоминал о нем и не переставал говорить о ранней его кончине.

Л. Либединская

НЕРАСТРЕПАННАЯ „ЛАСТОЧКА“

Сергей Вольф

Рисунок А. Данилова

...Стоит сейчас, глядя сверху на пугающую воду, какой-нибудь мальчишка. Стоит — дрожит. Тело напряжено, ноги как чужие, сердце колотится...

Нужно прыгнуть!

Впервые в жизни!

А кругом другие мальчишки и девочки — хохочут, носятся, прыгают в воду, запросто, не задумываясь. Они-то уже прыгали!

Страшно, а прыгнуть надо. Нельзя спастись перед ними.

А даже если бы и не было их — какая разница?! Надо себе самому, именно себе самому доказать, что ты можешь, можешь прыгнуть.

И вот он вздыхает, сжимает зубы (у-у-ух! — бьется сердце), слегка приседает и...

Вот точно так же лет двадцать назад маленький светловолосый мальчик, семилетний Вовка Васин сиганул с дерева в воду.

О! Это был особый прыжок! Головокружительный по смелости. Суперсложный по поставленной задаче.

Ведь Вовка —

боялся воды,

боялся и не умел плавать,

боялся и не умел прыгать в воду.

Если бы ему сказали тогда, что через двадцать лет мир ахнет от того, что он, советский прыгун в воду Владимир Васин, впервые за всю историю Олимпийских игр завоеует для нашей страны золотую олимпийскую медаль, победив непобедимых доселе американцев, он не поверил бы. А вернее — просто не понял бы, о чем идет речь.

Тогда Вовка понимал только одно: когда прыгнешь с дерева, попадешь в воду, а в воде нужно уметь плавать.

Пошел учиться. Деревенская речка была быстрой, Вовка становился грудью против сильного течения, борясь с ним и тихонечко отталкиваясь пальцами ног от дна. Оттолкнется — а течение его немного снесет, снова оттолкнется — снова снесет... «Плы-ву!» — решил Вовка. — Умею плавать! Теперь можно и прыгать».

Он прыгнул и... поплыл. Уже настоящего. На самом деле.

Я спросил у олимпийского чемпиона:

— А как вы, Володя, сейчас относитесь к тому прыжку? Натерпелись тогда страху?

— Еще был! Но зато тогда я совершил своего рода подвиг: я победил себя, самого себя! Для любого человека это важно. Для будущего спортсмена — особенно. В Москву я с дачи вернулся уже другим.

— А что было дальше?

— Ничего особенного целых четыре года не было. Смешно сказать: до одиннадцати лет я так и не знал,

ду — вертикальный, «фистый», без прыж.

Но ведь прыгать можно с вышки или с подкидной доски трамплина.

С места или с разбега.

Стоя к воде лицом или спиной.

Даже из стойки на руках.

Можно, прыгнув, войти в воду ногами, а можно — руками, строго вытянутыми над, вернее «под», головой.

Можно нырнуть «солдатиком» или нырять «ласточкой».

А сальто или кувырок в полете можно сделать? Можно. И не один. Так называемый «оборот». И крутить обороты вперед или назад. А еще есть «винт» — вращение тела вдоль своей оси. А также — самое сложное — и «обороты» и «винты» одновременно.

Но ведь выполнить прыжок высшей категории трудности так же чисто, как и простой — чрезвычайно сложно. Даже различают прыжки по «коэффициенту трудности». И естественно, чем сложнее прыжок, тем выше этот коэффициент. У самых сложных он — 3,0. Но каждый прыжок — и сложный, и простой — прежде всего оценивается за качество исполнения. Самый высокий балл — 10. Поможите теперь оценку каждого прыжка на его коэффициент трудности — и вы получите окончательную оценку этого прыжка.

Прыгун в воду — это и гимнаст, и акробат, и даже — балетный артист, и тренируется он не только в бассейне, но и очень часто — в зале: тут и прыжки на батуте, и с лонжей с «сухого» трамплина, и занятия по хореографии. А тренировка прыгуна «на воде» — вещь особая, ведь его ошибка — это часто неправильное «приводнение», сильный удар о воду, а удар на соревнованиях ли, на тренировке ли — все равно удар. Поэтому тренировка прыгуна — это предельная, постоянная собранность, четкость, точность и самодисциплина.

Вовка «заболел» прыжками в одиннадцать лет. Его будущему грозному сопернику, темноволосому итальянцу Франко Каньотто было тогда столько же. Но их встреча «на высшем уровне» могла и не состояться, если бы Вовка не встретился раньше со своим будущим и бессменным тренером Татьяной Максимовной Петрухиной, сильнейшей в свое время прыгуньей страны.

Он сам меня выбрал, — говорит Татьяна Максимовна. — Подошел, спрашивая: «Можно, чтобы вы посмотрели, как я прыгаю?» В прыжках ведь как? Нужен взгляд со стороны. В штанге — все показывать, в беге — минуты, секунды. А у нас все судьи решают. Начали с Вовкой «работать». Ох и трудно с ним! Спортивный характер у него — не подарок для тренера, к нему ключ особый нужен. Вовку и за хороший прыжок ругать надо, даже злить иногда.

Особенно перед соревнованиями. Это его подхлестывает. Когда надо, а не дается — тут-то он и оживает. Однажды, еще мальчишкой, он на соревнованиях в Будапеште был, пошел один на память себе сувенир покупать, намучился — ужас, язычка-то не знает, еле-еле купил... персики, тут же и слопал... Обошлись. И довольно быстро потом немецкий выучил. А после и французский. Говорит и читает свободно, прессконференцию после победы в Мюнхене на французском вел. Надо значит надо: он специалист по зарубежной экономике, экономический факультет МГУ заканчивает. Упорный он!

— Володя! Еще раз «ласточку» — говорит Татьяна Максимовна. Мы сидим возле самого трамплина. Прыжок, два, десять, сорок... Идет тренировка.

О-о-оп! Трамплин подкидывает олимпийского чемпиона высоко вверх, на мгновение тело его, изогнутое прогнувшись, как бы застывает в воздухе и чисто, без прыж «входит» в воду.

— Красиво? — спрашивает Татьяна Максимовна.

— Красиво! — говорю я. — Еще был Очель!

Васин выныривает. Глаза — на тренира.

— Вовка! Плохо выпрыгнул вверх! От доски далеко ушел. Руки вялые, нечеткие. И живот, живот пожестче! Ну-ка, еще раз!

Ого, сколько ошибок! Никогда бы не подумал. Да и как их можно разглядеть за какую-то секунду!

Васин снова взлетает в воздухе.

— Теперь нормально, — говорит Татьяна Максимовна. — Нормальная, аккуратная, нерастрапанная ласточка!

— Моя первая солидная победа, знаете, какая была? — говорит Володя. — Я шестое место занял. Еще школьником был, а соревнования взрослые, международные. Ох мы с Татьяной Максимовной повзрослелись. Все от судей тогда зависело. Нашим-то судьям я нравился. А зарубежных? Если не понравлюсь, трудно тогда на международных соревнованиях будет. А у меня еще характер неровный, только и поспевай за собой следить: бывает, сложнейший прыжок выполняю отлично, а перед самой водой вдруг весь «разваливаю» — нервы — и в воду вхожу такой растопыренный во все стороны. Но тогда я выстоял. Меня признали. Это для нас с Татьяной Максимовной фантастически важно было, я ведь тогда почти на равных с настоящими «всами» соревновался.

Тренировался я очень много. И всегда так: поставил перед собой какую-нибудь задачу — выполняй. И только потом иди дальше. И расписание для — железный. Я даже с самых интересных школьных вече-

что есть такой вид спорта — прыжки в воду. По телевизору видел разок, а внимания не обратил. В бассейн попал совершенно случайно, за компанию с ребятами — поплавать. Ну, думаю, сейчас поплаваем. И ничего подобного: нас в физзал привели. Тренер говорит: «Ну-ка, какие вы из себя есть?» Стал нас разглядывать. Особенно ноги. Какие колени. Как мы умеем «тянуть носочки». Смех! Потом повели... прыгать в воду! Я даже не ожидал. В этот день я с пятиметровой вышки прыгнул. Сам! Мне разрешили. Ух, вспомнить страшно! Ноги тяжелые, свинцом налились, сердце колотится бешено — бух! бух! бух! — как в ящике пустом. В воду я летел очень долго, очень — такое было ощущение. Лечу, лечу, лечу... И наконец! — вода! И сразу легко стало. Только что страх был, а тут — радость! Контраст удивительный!

Этот прыжок решил все. Больше я с бассейном не расставался. После школы — в бассейн. Учебники — с собой. Ботинки мои вовсе перестали снашиваться: стоят, ждут меня целыми днями в раздевалке бассейна. А я фанатиком в прыжках стал — вот что важно. Некоторые мальчишки и девочки хорошо прыгают, даже очень, а все равно прыгают просто так, за компанию, от нечего делать. Чуть что-то не выходит или о воду крепко плюхнулся — только их и видели. Бросают прыгать. Даже очень способные. А я через все неудачи прыгал, прыгал и прыгал. В общем, фанатиком стал.

Если ты отчаянный смельчак и прыгнешь раскорякой с десятиметровой вышки (внимание — это очень больно!) — то это еще вовсе никакой не спортивный прыжок.

И совсем другое дело — прыгнуть пусть простым «солдатиком», пусть с маленькой высоты, но четко: тело — в струночку, вход в во-

ров уходил! У нас, прыгунов, чувство времени особое. С вышки до воды сколько летит? Секунду с небольшим. А сколько в полете сложных движений выполнишь! И еще успеваешь следить за ними, контролировать их! Чувство времени до предела обостряется. Татьяна Максимова говорит: «Один прыжок — целая вечность».

Со временем нелегко было: учеба и две тренировки в день. Повезло мне, правда, здорово: Татьяна Максимова и мой директор школы хорошо понимали, как важно и спортом заниматься и учиться толково. Получил тройку, не приходи в бассейн — это закон. И школа мне шла навстречу.

В тренировках прыгунов в воду нагрузки довольно однообразные (не то что, скажем, в футболе), напряжение постоянное и немалое: с водой шутки плохи. Прыгнув после тренировки необходим особый отдых, нужно обязательно переключить свое внимание. Так почему же не на учебу? И для занятий это хорошо, и сам отдыхаешь.

Однажды пришла к Васину беда. Настоящая.

1968 год. 26 октября. Последний день олимпийских игр в Мехико. Последний прыжок Володи с вышки: два оборота со стойки на руках. Он плохо вошел в воду. Плохо — не то слово. Плечо — «вылетело». Полный вывих. Гипс. Все было ясно: все кончено, «сошел» Васин. Больше прыгать не будет.

В институте травматологии, где

лежал и лечился Володя, записался он иногда в ванной комнате, один, чтобы никто не мешал, и готовился к зачетам в университете. А вопрос для него стоял прямой и жесткий: «Быть или не быть в большом спорте?»

Человек с золотыми руками, сама в прошлом отличная спортсменка, профессор-травматолог Зоя Сергеевна Миронова сделала чудо: от травмы не осталось и следа. Второе чудо требовалось от самого Васина — вернуть прежнюю спортивную форму и победить страх перед прыжками. И он выиграл этот поединок. Более того, он привел себя в блестящую спортивную форму. Мало того — всего за полгода.

Для специалистов, зарубежных тренеров и соперников Васина это было неожиданно, непостижимо, фантастично.

— Да-а. Ну и деньки были в Мюнхене. Напряжение колоссальное! Что так прогнозы! Прыгунов двенадцать равных было. Мы с Татьяной Максимовой решили: смело прыгать. Конечно — риск, но если аккуратно не прыгать, без огонька, поставят наверняка средний балл, и пошло-поехало так до конца...

После первой серии прыжков я вторым шел. Нормально!

Еще одна серия — я третий. Впереди Каньотто и наш Страхов. Страхов как раз на «коэффициенте трудности» меня потеснил. А разрыв между первым и шестым — ничтожный. Что Каньотто, что Страхов, что я, что американец Линкольн — все

рядышком, все как бы сначала начинается. Вот какой у нас финал на второй день намечался.

И наступил этот второй день.

Я Татьяну Максимовну глазами ищу — где она? А она то погорзлит, то отвернется, то спрячется. Сама волнуется выше головы. Честно говоря, я сейчас и не представляю, как бы я без нее в Мюнхене прыгал: всю жизнь ведь рядом родные люди. Нервы у меня разгулялись — сил нет. Когда сложный прыжок выполняешь, тело, каждая мышца, каждая клеточка все детали «помнит». На тренировках «запомнило». Худо, когда нервы: весь механизм «памяти» тела расслаживается.

Прыгнул — так на третьем месте и остался, хотя оценки неплохие были. А Франко Каньотто — впереди.

И тут вдруг американец Линкольн всех удивил. Ну, просто чудо показал! 8,5 балла за труднейший прыжок: два с половиной оборота назад с разбега. А я — следующий, и прыжок этот же!

Ого, как меня Линкольн подхлестнул! Я, кажется, невозможное сделал под дикий рев трибун: 9,5 балла! «Укатил» до Каньотто вперед сразу на 9 баллов! Это был мой лучший прыжок, а потом оказалось, и вообще лучший на Олимпиаде.

Секрет моего успеха?

Во-первых, тренер у меня замечательный: Татьяна Максимова.

Во-вторых, я стараюсь выполнять поставленную перед собой задачу.

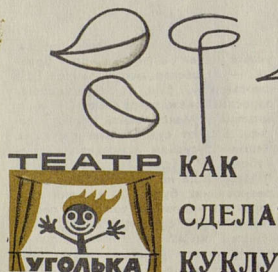
Любую. Пусть маленькую.

Всегда.

Обязательно.

Наверняка.

От начала и до конца.

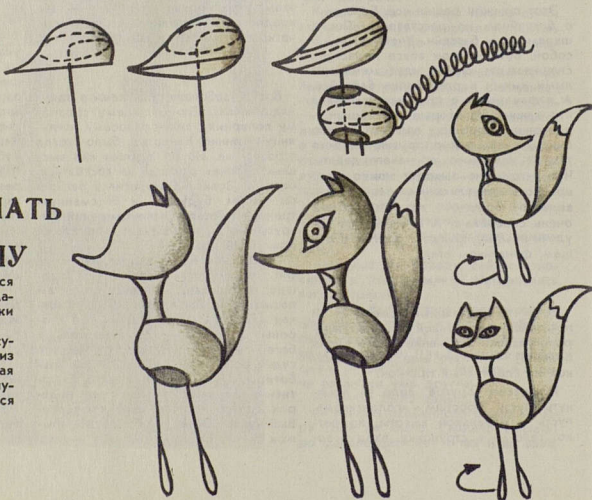

Наверное, у вас дома найдется пластилин, проволока, мука, бумага — однотонная и газетная, краски и разноцветные тряпки...

Попробуйте в этот раз сделать куклу с головами и туловищами из папье-маше. Работа эта кропотливая и трудоемкая, но зато куклы получатся прочными и надолго останутся вашими друзьями.

Итак, начнем.

Смотри страницу 60.

Сигнал общего
пионерского сбора.

См. повесть А. Гайдара
„Тимур и его команда“

НОСЯ ТЕРНИН получил более ста писем с четкой надписью на конверте: „КАК ПОВЯЖЕШЬ ГАЛСТУК, БЕРЕГИ ЕГО“.

Этот пароль все читатели нашли в майском номере журнала и — пока еще не все — приняли участие в общем пионерском сборе.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

Оля Караваева, пятиклассница из Краснодарского края:

— С нами училась девочка, про которую я сразу вспомнила, когда прочла журнал. Люда Филиппова. Теперь она переехала в Брянск. Люда, наш бывший председатель совета отряда, конечно, и в новой школе достойно носит красный галстук.

Люда была отличницей, но никогда не зазнавалась. Кто не понял — поможет, кому обидно и горько — успокоит. Когда у тебя радость — бежишь к Люде. С ней радость больше!..

Сергея Лесников, восьмиклассник из города Микунь Коми АССР:

— По моему, не надо инструкции насчет галстука. Надо еще раз всем сказать: считаешь себя настоящим пионером — носи галстук. Ведь если человек носит галстук, значит, на такого человека можно положиться, можно доверить ему. Может быть, галстук и значок выдавать только на пионерском сборе? Если бы у человека был один галстук, он больше берег бы его...

Лена Шамшурина, шестиклассница из Ижевска, школа № 13:

— Я возмущена! Как это можно сунуть галстук в карман? У некоторых наших ребят именно поэтому такие галстуки, что смотреть стыдно, мятые, с закрученными концами. Это недостойно пионера!

Юра Новиков из поселка Сосенский Калужской области:

— Разве обязательно носить галстук летом, когда лазаешь по деревьям, бегаешь, прыгаешь? Надоедает ведь ходить спокойно!

Света Нуртазина, шестиклассница из поселка Куу-Чек Карагандинской области:

— Я ношу галстук всегда. Мне галстук помогает жить честно и трудолюбиво. Мне обидно видеть, что некоторые надевают красный галстук только тогда, когда боятся, что учитель поставит неуд за поведение.

Ира Канидьева, пятиклассница из поселка Рыбный Московской области:

— Наш отряд правофланговый. Но бывает у нас и так: выйдешь в галстуке после школы — посыпятся насмешки. Почему это так? Как в таком случае поступать?

Лена Зинченко из Баку:

— Мы отряд дружный, участвуем в Марше «Всегда готов!». Был у нас сбор, посвященный «Путешествию в страну знаний». Каждый рассказывал о себе. Но есть у нас Лева С., который норвит не прийти на сбор, красный галстук не носит, даже не любит его. То он у него в кармане, то в портфеле. И на сбор дружины Леву вызывали, и так просто в разговоре пытались убедить, что он неправ. Ничего не помогает!

Оля Панасенко из Прокопьевска Кемеровской области:

— Есть у нас одна девочка, не буду называть ее имени. Как все, в третьем классе давала Торжественное обещание, клятву пионера и — все забыла.

А ведь за красное знамя и за красный галстук погибли мой дед и дядя. И не только мои, а и других ребят. Как же можно говорить: «Сейчас галстук не в моде!».

Ира Шагимардинова из Казани:

— Меня вопрос о галстуке волнует давно. Мне кажется, что в пионеры надо принимать, как в комсомол. Пусть у вступающего не будет ни одной тройки, пусть за него поручатся все товарищи. А если пионер изменился к худшему, не надо оставаться ему в организации. У нас в школе галстуки повязывают без разбора...

Ира Кудрявцева из Костромы, школа № 13:

— Я раньше как-то не задумывалась, почему я ношу пионерский галстук. А ведь он мне помогает в жизни!

А ВЫ, РЕБЯТА, ГОТОВЫ ПРИНЯТЬ
УЧАСТИЕ В ОБЩЕМ СБОРЕ НА
СТРАНИЦАХ «КОСТРА»?

ЖДЕМ ВАШИХ МНЕНИЙ!

КОСЯ ТЕРНИН

ПО МОТИВАМ
ВЬЕТНАМСКОЙ СКАЗКИ

На шесте перед норой лисы висят ленты
и гирлянды цветов

ЛИСА: Внимание! Внимание! Только один раз! Только один раз! Сейчас в этой норе состоится необыкновенное цирковое представление! Спешите видеть! Перед вами выступят пять слонов-акробатов, семь ученых тигров, девять крокодилов-фокусников и один дрессированный удав! Спешите посмотреть необыкновенное представление! Плата за вход сто донгов! Зайчатам и цыплятам вход бесплатный!

ОБЕЗЬЯНА, ПОПУГАЙ, АНТИЛОПА: Сто донгов! Да у нас и в жизни не бывало таких денег! О почтенная Лиса, не можешь ли ты немного сбавить плату за вход?

ЛИСА: Сто донгов — и ни монетой меньше! Спешите посмотреть необыкновенное представление!

ЗВЕРИ: Ну что ж. Нам остается разойтись по домам.

Звери расходятся. Остаются АНТИЛОПА, ЗАЙЧОНОК и ЦЫПЛЕНОК

АНТИЛОПА: Тетушка Лиса, не разрешите ли мне хоть одним глазом посмотреть это необычайное представление?

ЛИСА: А у тебя есть сто донгов?

АНТИЛОПА: Нет, но я думала, что я еще маленькая и могу посмотреть бесплатно.

ЛИСА: Ты слишком велика. Не могу пустить тебя (*ЗАЙЧОНКУ и ЦЫПЛЕНКУ*). А вы почему не заходите?

ЗАЙЧОНОК и ЦЫПЛЕНОК: А разве можно?

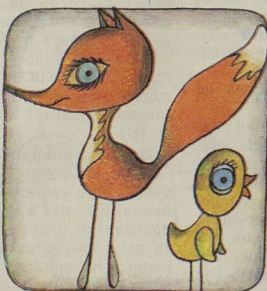
ЛИСА: Я же объявила, что зайчатам и цыплятам вход бесплатный.

1. Прежде всего внимательно изучите эскизы кукол, выберите удобные размеры и начинайте лепить кукол из пластилина.

Головки и туловища должны быть слеплены очень тщательно, гладко и по форме близкими к шару.

2. Сварите клейстер из муки, можно с небольшим добавлением столлярного клея. Нарвите газеты и бумагу небольшими полосками по 5—6 см. Приготовьте два блюдца, с водой и клейстером, и начинайте склеивать заготовки.

Первый слой сделайте из бумаги, смоченной водой. Следующие слои выклеивайте поочередно газетой и

упругую и достаточной длины, так как она, проходя из головы наружу, будет служить шеей, ногами куклы и ручкой, за которую вы будете водить куклу.

К этой половинке головы с проволокой аккуратно приклейте вторую половинку, предварительно вырезав возле шеи небольшое отверстие для проволоки.

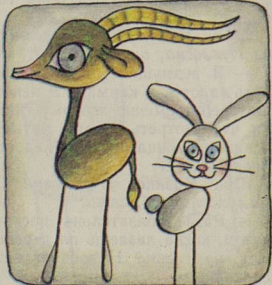
Шов в месте соединения тщательно оклейте полосками тонкой материи. Тем же способом изготовьте туловище куклы и вклейте проволоку так же, как и в голову. Но, выводя проволоку наружу, сместите ее вбок или ближе к задней части — она бу-

бумагой, окуная кусочки бумаги в клейстер. Клейте тщательно, плотно приглаживая каждый кусочек к заготовке. Слоев должно быть не менее 5—6. Затем оставьте формы в теплом месте, пока совсем не высохнут.

3. Высушенные формы разрежьте ножом на две половинки (пластилин лучше не разрезать) и осторожно снимите их. К одной из половинок головы пришейте толстой ниткой и приклейте полосками ткани шириной в 2 см кусок проволоки, загнутой так, чтобы горизонтальная ее часть шла внутри формы лап-е-маше, плотно прилегая к ней.

Проволоку нужно брать довольно

ЗАЙЧОНОК и **ЦЫПЛЕНОК**: Спасибо, тетушка Лиса!

В тесной лисьей норе

ЗАЙЧОНОК и **ЦЫПЛЕНОК**: Тетушка, мы ничего не видим! Где же слоны, тигры, крокодилы и дрессированный удав?

ЛИСА: Вы что, только вчера родились? Как вы могли вообразить, что в моей норе могут поместиться пять слонов, семь тигров, девять крокодилов и еще дрессированный удав?

ЗАЙЧОНОК: Но вы же сами объявили, что именно эти звери примут участие в представлении!

ЦЫПЛЕНОК: Да, я тоже слышал!

ЛИСА: Не беспокойтесь, я сейчас все объясню. Никакого представления я и не собиралась устраивать. Просто мне захотелось, чтобы у меня на обед был зайчонок и цыпленок. Я нарочно назначила такую высокую цену, чтобы никто из зверей не мог попасть в нору и помешать мне приготовить вас как следует. Однако я должна на время оставить вас одних, чтобы раздобыть овощей и ароматных трав для приправы. Я хочу, чтобы у меня был сегодня действительно прекрасный обед. Так что вы меня ждите да смотрите ведите себя хорошо. Не то, вернувшись, я очень рассержусь на вас. Больше всего мне не хотелось бы, чтобы вы кричали и звали на помощь.

ЛИСА уходит

ЦЫПЛЕНОК: Мне страшно!

ЗАЙЧОНОК: Мне тоже страшно. Но ведь лиса не велела кричать и звать на помощь!

ЦЫПЛЕНОК: Что же делать?

ЗАЙЧОНОК: Давай попробуем раскопать ход наружу.

ЦЫПЛЕНОК: Давай! Я буду копать, а ты отгребай землю.

ЗАЙЧОНОК и **ЦЫПЛЕНОК** копают землю
ЗАЙЧОНОК: Скорей! А то вернется лиса и рассердится!

ЦЫПЛЕНОК: Я устал.

ЗАЙЧОНОК: Я тоже. Но ты только представь, что скажет лиса, когда увидит, что мы так намусорили.

ЦЫПЛЕНОК: Боюсь даже подумать!

ЗАЙЧОНОК: Ой, что это!

ЦЫПЛЕНОК: Кто-то копает нам навстречу!

В стене норы образовывается дыра. В нее просовывается голова АНТИЛОПЫ

АНТИЛОПА: Ну как представление? Хорошо ли выглядели слоны? Каковы тигры? Что за фокусы показывали крокодилы?

ЗАЙЧОНОК: Ты как сюда попала?

АНТИЛОПА: Я очень хотела посмотреть на крокодилов и дрессированного удава и решила прокопать дырку. Но, кажется, я опоздала! Неужели представление уже окончилось?

ЗАЙЧОНОК и **ЦЫПЛЕНОК**: Да, окончилось.

АНТИЛОПА: Какие вы счастливы!

ЗАЙЧОНОК: Да, мы счастливы!

АНТИЛОПА: Ну, расскажите же мне, что было на представлении!

ЗАЙЧОНОК и **ЦЫПЛЕНОК**: Беги за нами! Мы тебе расскажем про этот цирк где-нибудь в другом месте, подалее отсюда!

Убегают. Возвращается ЛИСА

ЛИСА: Удрали! И такую кучу земли — посреди моей норы! Безобразие! Вот и пускай после этого таких сорванцов бесплатно на представление! А я-то так старалась для них! Таких овощей достала для приправы! А может, кто-нибудь из вас хочет посмотреть цирковое представление?

дет служить лапкой куклы и ручкой управления. Отверстия в туловище должны быть достаточно большими: для шеи 2 см и для ног 4 см.

Концы проволок загните петлями на расстоянии 15—20 см от туловища и оклейте их материей. Они будут служить ручками управления.

Таким способом приготовьте всех кукол к спектаклю. Хвост лисы, уши зайцу, хвост и лапки обезьяне, крылья цыпленку и попугаю сделайте из пружинок разного диаметра.

4. Теперь, когда механика кукол готова, можно приступить к самой интересной части работы.

Всю куклу обтяните однотонным материалом. Швы должны быть незаметными. Шею надо сделать подвижной — для этого материал сшейте свободной трубочкой, чуть-чуть в гармошку. Тогда кукла сможет поворачивать голову в любую сторону и даже вокруг своей оси.

Обтянутую куклу можно украсить: у птиц вышить перья, на хвост пришить бахрому, подобрать красивые и выразительные глаза. (Глаза можно просто нарисовать, вышить или пришить интересные пуговицы или бусины). Словом, здесь полная свобода для вашей фантазии! Только не забывайте сверяться с эскизом.

Декорации к спектаклю можно сделать из картона, а вместо ширмы воспользоваться любой палкой с перекинутой через нее тканью.

Желаем успеха!

Автор этой статьи Маргарита Скрипова-Ясинская, художник и скульптор. Ее куклы играют в спектаклях Ленинградского кукольного театра «Страна невыученных уроков», «Чебурашка», «Знаменитый утенок Тим», «Тайна затонувшего корабля», часто выступают по телевидению. На фото вы видите несколько кукол Скриповой-Ясинской. А если сами захотите сделать таких же, то прочтите, что вам советует скульптор.

КТО ЖИВЕТ В ХЛЕВУ?

Н. Слепакова

Кто живет в хлеву?
— Это я живу!
Это я мычу
Петр Ивановичу:

Выпускай меня, Иваныч,
Погулять на лугах,
Солнце, выросшее за ночь,
Покачать на рогах!

На лугах — роса,
Под росой — цветы.

Разбежались глаза
От такой пестроты!

Я займусь волшебным делом:
Во лугах погошу,
Все цветное станет белым —
В молоко превращу!

Кто живет в хлеву?
— Это я живу!
Говорю «ме-ме»
Я Семеновне.

Выпускай меня, овечку,
Погулять со двора!
Мне, овечке, в нашу речку
Поглядеться пора!

Вот река течет,
Разливается.
Моя шерстка растет,
Завивается...

Голубой попой водички,
Во лугах погошу,
В шерстяные рукавички
Я траву превращу!

Кто живет в хлеву?
— Это я живу!
Стрекочу в уголку,
Время в ступке толку!

Не хочу гулять нисколько!
Я — сверчок-домосед.

А каков я, знает только
Паучок, мой сосед.

Вот и стадо пришло,
Значит, стало темно.
А какое число —
Это мне все равно.

Стрекочу и не скучаю.
Я не прочь. Мне не лень.
Превращаю, превращаю
День — в ночь. Ночь — в день...

Рисунки И. Казаковой

ЗА ТИТУЛ ЧЕМПИОНА

Итак, сегодня последняя возможность продвинуться вперед и обеспечить себе пропуск в финал.

Что ждет в восьмом туре шахматистов? Две задачи.

А. Белые: Крс7, Фh2, Лf6, Сd6; черные: Крс8, Сf7, Кg6. Мат в 2 хода.

Б. Белые: Крb3, Фh5, Лb4; черные: Кра8, Лf8, пп. a7, b7. Мат в 3 хода.

Что ждет в восьмом туре шахматистов? Две концовки, где белые выигрывают.

А. Белые: с7, е3, f4, g5, h6; черные: b2, b4, с3, е7, f8.

Б. И. Прибыльский. Белые: a3, b4, с3, с5, d4, g1, h6; черные: a7, b6, b8, е7, f8, g3, g7.

КТО СКАЗАЛ ЧТО?

Три закадычных друга, Знай, Незнай и Полузнай, прогуливались, когда к ним подошел какой-то старичок:

— Вы арчебековцы? Вот удача! Помогите, подскажите, научите! Как извабить мою пешку от связки, как сделать ею последний шаг, превратить в ферзя и победить? Я бьюсь над этим уже целый год, но у меня ничего не получается.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

Корреспондент ТАШШ (Телеграфное агентство шахматистов и шашкистов) встретился с главнокомандующим АРЧЕБЕКОВ...

— Уважаемый шахмат-адмирал, не скажете ли вы, как проходит борьба за титул чемпиона главной Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток?

— На высоком уровне! Все показывают отличную подготовку и рвутся в финал, где кто-то станет чемпионом, кто-то завоюет приз, кто-то — спортивный разряд, а кто-то ничего этого не завоюет, зато получит хорошую тренировку.

— Кто допускается к финальным боям?

— Любой рыцарь, набравший 50 очков. Порядок следующий: Сначала нужно отправить рапорт № 8, Затем (отдельным письмом) — заявление о допуске в финал и «Листок учета» с очками. Всем, допущенным в финал, я вышлю специальный пароль, без которого рапорт № 9 рассматриваться не будет.

— Каким должен быть «Листок учета»?

— Его размер — половина тетрадной страницы. В нем нужно прописать свои очки (за туры 1—6 по данным из «Бюро самопроверки», а за туры 7, 8 по собственным предположениям) и четко написать фамилию, имя, класс, адрес, спортивный разряд.

КОЛОНКА РЫЦАРЕНКА

Расставь фигуры так.

Белые: Крд4, пп. с3, с5, е3; черные: Кра4, Кал1, пп. a2, a3, а5, с6, е4, е6.

У черных, как видишь, большой перевес в силах: на три пешки больше, да еще конь. Кажется, будто белым надо слиться, не правда ли?

Но ход белых и, пользуясь этим, они могут спасти — свести партию ничью. Покажи, как это сделать!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 6 решаются так.

Шахматы. А. 1. Ch6+ Kpg8 2. g7. Кр7. 3. g8Ф+! Кр:g8 4. Крб6 и т. д. Если же 2... еb4+, то 3. Крд6! Кр7. 4. Крб5 Крг8 5. Крf6 е5 6. Крб6 е4 7. Крf6 и т. д. с выигрышем. Б. 1. с8Ф+! Л:с8 2. Лa3+ Крб6 3. Лb3+ Кра4 4. Лa3+ Крb4 5. Лb3+ Крс4 6. Лd3! Крb4 7. Лb3+ — ничья.

Шашки. А. 1. bc3! ba5 2. ed4! 3. а:е7 4. cb4 5. gh6X. Б. 1. hg7! 2. gf6! 3. с:е7 4. cd4X.

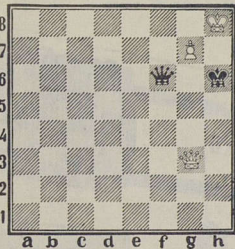
Для рыцаря. Мат дается в 2 хода — 1. Са6+ Лg1 2. С:b7X.

ПРИКАЗ № 8

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОВ, приказываю:

§ 1. Сражающимся за титул чемпиона, а также рыцарям отослать рапорты (на открытках!) до 1 октября.

Шахмат-адмирал Ферзберри

— И не получится! Потому что тут нет никакой возможности освободить пешку от связки: черного ферзя с диагонали a1—h8 не вытеснить, — сказал (кто?).

— А вы попробуйте шаховать черного короля. Объявите ему тысячу шахов, а еще лучше две тысячи. Может быть, что-нибудь тогда и получится, — сказал (кто?).

— Здесь обязательно получится! Надо только сейчас пойти Фg3—g4, чтобы заставить черного ферзя уйти с f6. А потом — несколько точных ходов и победа! — сказал (кто?).

Определите, доблестные рыцари, где чьи слова?

По горизонтали: 2. Мяч в сетке. 5. Футболист киевского «Динамо». 8. Хоккеист, двукратный олимпийский чемпион. 9. Хоккейная команда. 12. Известный футболист московского «Спартака», ныне тренер. 13. Советский лыжник, чемпион VII олимпиады. 16. Элемент фигурного катания. 17. Гимнаст, чемпион олимпиады 1956 года. 19. Двукратный олимпийский чемпион по гимнастике. 20. Спортивный клуб.

По вертикали: 1. Спортивный снаряд. 3. Город XVIII летней олимпиады. 4. Знаменитый советский вратарь. 6. Зимний вид спорта. 7. Хоккеист, двукратный олимпийский чемпион. 10. Вид спорта. 11. Город XVII олимпиады. 14. Баскетболист, чемпион XX олимпиады. 15. Олимпийский чемпион по гребле в Токио на каноэ-двойке. 18. Состязание на скорость.

Составил Помарин
из г. Осинники
Кемеровской области

ФУТБОЛЬНЫЙ МЯЧ

1. Лучший вратарь мира. 2. Лучший нападающий 1971 г. «Динамо» Тбилиси. 3. Нападающий «Динамо» Москва. 4. Полузащитник минского «Динамо». 5. Защитник московского «Спартака». 6. Нападающий московского «Динамо». 7. Нападающий «Динамо» Киев. 8. Нападающий «Торпедо» Кутанси. 9. Нападающий воронежской «Зари».

Чайнворд Сергея Миздрикова
из с. Покровка
Челябинской области

Домовой Демьяша все лето был занят ремонтом дома. Сегодня он пригласил друзей полюбоваться, как он оборудовал кухню, и был очень удивлен, увидев их озадаченные лица.

Поглядите и вы, ребята, на картинку. Попробуйте сосчитать, сколько всего оплошностей допустил Демьяша.

Лесовик Сиволапыч все лето занимался садоводством и огородничеством. Сегодня он собрал урожай, упаковал его в ящики, а ящики сложил в погреб. Что в ящиках — известно только ему. Но он предлагает вам догадаться самим. Надо только учесть, что в желтых ящиках — плоды, а в красных — овощи. Их названия вы сможете сложить из букв, написанных на таре, если будете снимать ящики по порядку, то есть по одному сверху так, чтобы при этом ни один из соседних ящиков не упал и не развалилась вся хитроумная гора.

ИЗ XXIV ТОМА
СОСЧЕЖКИ
ГНОМА-ГАСТРОНОМА

Если вы прочли названия плодов и овощей, хранящихся в погребе лесовика Сиволапыча, то Гном-Гастроном предлагает вам рецепт варенья из них.

ВАРЕНЬЕ ИЗ ОВОЩЕЙ И ФРУКТОВ ЛЕСОВИКА СИВОЛАПЫЧА

1 кг овощей вымыть, сварить, очистить, красиво нарезать, посыпать сахаром (1 кг). Взять один плод, острым ножом снять корку, обварить ее кипящей водой (воду слить). Обваренную корку нарезать и поставить варить в сахарной воде на 1 час (до мягкости). Мякоть плода, нарезанную тонкими кружками, положить в приготовленные овощи, туда же положить отваренные корки плода. Все это варить, пока сироп не сделается густым, а кусочки овощей — прозрачными.

Семь братьев-гномов пришли в гости к Гному-Гастроному. Гастроном охотно угостил их обедом, но добавку получил только один из братьев, который умен, правильно держать нож и вилку. Как вы думаете, кто?

СОДЕРЖАНИЕ

Зерно	оформление А. Аземши и А. Харшака	2
Шуринка стратегия	повесть Игоря Нерцева рисунки Ю. Шабанова	9
Два сапога пара	стихи Глеба Семенова рисунков Т. Капустинской	21
Курская битва	главы из книги А. Митяева	22
Про Катю	рассказы А. Крестинского рисунки Т. Оболенской	25
Поговорим о твоём рисунке		28
Они начинают свой путь	очерк Н. Внукова фото автора	30
Прошестствие в океане	рассказ Юрия Лунцева рисунки С. Острова	33
По волшебной лестнице	записки фольклориста Вл. Бахтина рисунки К. Претро	37
У монгольских пионеров	беседа И. Ломановой оформление А. Януса	41
Лодка проходит, берег остаётся	очерк Л. Вагановой фото астрора	44
Морская газета	оформление Р. Попова	48
На велосипеде	рассказ Л. Сергеева рисунков П. Швеца	50
Зеленые страницы	ведет писатель Н. Сладков	52
О, Дельвин мой	очерк Л. Либединской рисунки К. Севастьянова	54
Нерастрепанная «насточка»	очерк Сергея Волфа рисунки А. Данилова	56
Как сделать куклу	самodelка	58
Три-сто!	обзор пионерских писем	59
Театр «Уголька»		60
Кто живет в хлеву?	стихи И. Смаковой рисунки И. Казаковой	62
Арчбек		63

На 2-й странице обложки
экспедиция «Гидрограф»

Главный редактор С. В. Сахарнов

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова,
Л. С. Кокорина, Ф. Л. Нафтульев,
А. Н. Пантелеев, Л. Н. Пожибаев,
Р. П. Поздний, Е. В. Серова, Н. И. Сладков,
Н. В. Терехинская (отв. секретарь),
В. В. Торопцын, Н. А. Ховва, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. гл. редактора).

Художник-редактор Технический редактор
М. С. Беломолиский В. И. Мецатунова
Корректор
В. А. Маевская

Рукописи и фотографии не возвращаются
Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15.
Таврическая, 37, телефон 14-57-76

М-16108. Подписано к печати 29/VI 1973 г.
Формат 60×90. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л.
Тираж 600 000 экз. Заказ 812. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1
Союзполиграфпрома при Государственном
Комитете Совета Министров СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли
Ленинград, 197101, Кронвергская ул., 7.

Многие отряды экспедиции уже прошли намеченными маршрутами и сейчас оформляют дневники походов. Немало отрядов в пути. «Кто где?» — информационная служба штаба сообщает местонахождение некоторых отрядов:

КТО ГДЕ!

1. Отряд «Чайка-2» (6 класс, командир Лена Рукосуева) исследует берега Горьковского водохранилища и продвигается на юг. Намечено проверить исправность навигационных огней.

2. По берегам реки Кальмиус и ближайшим прудам отправился отряд 6 «а» класса «Днепр-1» (АГ-15), Донецкая обл. Цель похода — зарисовка и фотографирование берегов.

3. Начали трехдневный поход по реке Мышкова юные гидрографы отряда «Дельфин-7» (Волгоградская обл.). Они сообщили: «Река наша несудоходна, но мы снимаем на карту броды».

4. Отряд «Кальмар-4» (Алма-Атинская обл.) движется в настоящее время по берегу Калчагского моря. Отряд изучает влияние вод искусственного моря на изменение береговой флоры и фауны.

ОПЕРАЦИЯ «НАВИГАЦИОННЫЙ ОГОНЬ»

Отряд взял шефство над средствами ограждения навигационных опасностей. Зимой, когда буи, бакены и речные вежи были вытасканы на берег, мы строили заграждения из щитов и еловых веток от ветра и снега, закрывали фонари на сигнальных вышках, а когда началась навигация, то стали наблюдать за их исправностью.

Леша Петошин, отряд «Ра-7» (АС-175),
село Бегуны Горьковской обл.

У нас есть речка, называется Грузская, но она засорена. Мы взяли шефство над ручьем, который впадает в эту реку: построили мост через ручей, прорыли новое русло.

Олег Михайлов,
командир отряда «Норд-5» (АС-125)

Наш корабль «Витязь» — воображаемый. Это старый сарай. В нем есть капитанский мостик и штурвал. В свободное время мы с моим другом Санькой выходим на нем в кругосветное плавание. У нас есть свой флаг.

Витя Захаров, село Искуш
Башкирской АССР

Посылаю фотографию маяка Кыпу. Он построен в 1513 году на острове Даго при входе в Финский залив. Когда-то на его вершине горел костер. Он указывал путь новгородским мореходам, которые плавали торговать с ганзейскими городами.

Маяк Кыпу считается самым старым маяком на Балтийском море.

Витя Суханов, отряд «Бурин»,
Ленинград

Штабу экспедиции. Сообщите, нужна ли экипажу своя нарукавная эмблема?

Командир отряда «Витязь-2»
(АГ-77)

ВСЕ ЭКИПАЖИ МОГУТ НОСИТЬ ЭМБЛЕМЫ СВОИХ ОТРЯДОВ. ШТАБ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС ЭМБЛЕМ И ЗНАЧКОВ ОТРЯДОВ ЮНЫХ ГИДРОГРАФОВ. СРОК ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСА — ДО 1 НОЯБРЯ 1973 г.

Штаб экспедиции